Александръ Закржевскій.

КАРАМАЗОВЩИНА.

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ ПАРАЛЛЕЛИ.

Достоевскій.

Валерій Брюсовъ.

В. В. Розановъ.

М. Арцыбашевъ.

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА „ИСКУССТВО“.

1912.

КАРАМАЗОВЩИНА.

2007051096

Александръ Закржевскій.

КАРАМАЗОВЩИНА.

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ ПАРАЛЛЕЛИ.

Достоевскій.

Валерій Брюсовъ.

В. В. Розановъ.

М. Арцыбашевъ.

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА „ИСКУССТВО“.

1912.

КІЕВЪ.
Типографія А. М. Пономарева п. у. И. И. Врублевскаго Крещатикъ, 58-2.
1912.

Посвящаю Я. П. Янишевской.

...Мы натуры широкія, Карамазовскія, способныя вмѣщать всевозможныя противоположности и разомъ созерцать обѣ бездны, бездну надъ нами, бездну высшихъ идеаловъ, и бездну подъ нами, бездну самаго низшаго и зловоннаго паденія.

Достоевскій.

Любовь моя—страшная сказка
Со всѣмъ, что есть дикаго въ ней,
Съ таинственнымъ блескомъ и бредомъ,
Созданіе жаркихъ ночей.

Гейне.

Предисловіе.

Настоящая книга представляетъ собой вторую часть задуманной мною работы о творчествѣ Достоевскаго, о трехъ преображеніяхъ этого творчества, о трехъ мірахъ его души.

Каждая изъ этихъ сторонъ творчества геніальнаго писателя представляетъ совершенно самостоятельное цѣлое, въ каждой изъ нихъ онъ является какъ-бы въ новомъ видѣ, такъ что можно не задумываясь сказать, что существуютъ три Достоевскихъ: тотъ, что находился въ подпольѣ, что проклиналъ, ненавидя весь родъ человѣческій и упивался мыслью объ его разрушеніи; тотъ, другой, что измѣрилъ глубины плоти и страсти и далъ потрясающую картину карамазовскаго сладострастія съ провалами въ такія нѣдра, гдѣ горѣніе плотское становится огнемъ духа, съ горизонтами безумія, съ источниками жестокости и изступленья; и наконецъ, — третій — самый загадочный—пришедшій къ религіозному сознанію, въ великой мукѣ отъ Бога открывшій вѣчные пути, творецъ такихъ, чисто религіозныхъ типовъ, какъ старецъ Зосима, Долгорукій—отецъ, Шатовъ, Алеша Карамазовъ;—пророкъ современныхъ

исканій, пророкъ религіознаго ренессанса нашихъ дней.

Въ освѣщеніи этихъ трехъ путей Достоевскаго, въ возсозданіи не въ шаблонныхъ рамкахъ критики, а въ *творчествѣ*, этихъ трехъ картинъ его внутренняго міра (подполья,—карамазовщины и—религіи)—заключаются задача и цѣль моего труда.

Уже сталъ неоспоримою истиной тотъ фактъ, что Достоевскій весь воплотился въ современности, что онъ сталъ вдохновеніемъ и отправной точкой почти для всѣхъ нашихъ писателей, поэтовъ, философовъ, что современное религіозное сознаніе все цѣликомъ вышло изъ Достоевскаго, что творчество нынѣшняго времени буквально живетъ имъ, лишь видоизмѣняя и преображая его мысли, его откровенья, его бездонную и вѣчную глубину. И не въ убожествѣ нашемъ, не въ оскудѣніи творческихъ силъ нужно усматривать причину этого вліянія, а въ необычайно сильномъ родствѣ всего русскаго творчества съ личностью Достоевскаго. Въ этомъ отношеніи Достоевскій какъ-бы является выразителемъ передъ міромъ всѣхъ глубинъ русскаго духа, геніальнымъ творцомъ всѣхъ бродящихъ, скрытыхъ, таинственныхъ его силъ, великолѣпнымъ символомъ, живымъ символомъ загадочнаго царства русской души и народа, его исканій и его надеждъ, его молитвъ и его проклятій! Ибо не мы возсоздаемъ Достоевскаго, а онъ самъ, его титаническая сила присутствуетъ въ насъ и творитъ въ современныхъ писателяхъ свой надрывный бунтъ и свое великое страданье и свою мистическую безумную красоту. Ибо Достоевскій—это вся Россія, ея душа, ея скрытая и стихійная сущность.

Выяснить это—не внѣшнее, а глубоко внутреннее, психологическое родство Достоевскаго съ современнымъ творчествомъ, при чемъ выяснить такъ, чтобы оно было показано не посредствомъ грубаго подчеркиванія фактовъ (что составляетъ предметъ всякихъ критическихъ работъ и увѣсистыхъ „кирпичей“ филологовъ), а чувствовалось бы само собой, въ самомъ процессѣ творческой интуиціи,—вотъ другая цѣль моихъ трехъ книгъ.

Въ вышедшей первой части моей трилогіи („Подполье“) я изобразилъ картину той стороны души Достоевскаго, которая особенно стала близка современности въ послѣдніе дни и проявилась въ углубленномъ проникновеніи въ тѣ „проклятые“ вопросы о смыслѣ и цѣли жизни, которые своей мукой создаютъ трагедію, которые доминируютъ въ творчествѣ такихъ типичныхъ для нашего времени писателей, какъ Леонидъ Андреевъ, Ѳедоръ Сологубъ, Левъ Шестовъ, Алексѣй Ремизовъ и мало кому извѣстный, безвременно погибшій Михаилъ Пантюховъ, книга котораго „Тишина и Старикъ“ принадлежитъ будущему.

Въ настоящую книгу вошли далеко не всѣ представители отраженной въ современности „карамазовщины“.

Кромѣ того, нѣкоторые писатели одинаково принадлежатъ какъ къ „карамазовщинѣ“, такъ и къ „религіи“, (Розановъ, З. Н. Гиппіусъ): изъ нихъ къ „карамазовщинѣ“ я отнесъ только В. В. Розанова, что-же касается З. Гиппіусъ, то можно сказать, что эта глубоко талантливая писательница совмѣщаетъ въ себѣ всѣ три элемента, но, хотя духъ „карама-

зовщины“ проявился въ ея творчествѣ довольно опредѣленно (разсказъ „Тварь“, „Чортова кукла“),— сущность послѣдняго все-же больше относится къ „религіи“.

Первую часть („Подполье“) критика встрѣтила съ недоумѣніемъ, поспѣшила отнести къ „подполью“ меня самого. Особенно упрекали меня въ излишнемъ субъективизмѣ и въ томъ, что я ограничиваю многосторонное творчество Достоевскаго. Послѣдній упрекъ, какъ видно изъ выясненной задачи моего труда, не справедливъ, что-же касается перваго, то онъ меня только можетъ радовать.

Въ большинствѣ случаевъ критика исполняла второстепенную должность въ литературѣ, она играла въ ней роль суфлера, была чѣмъ угодно:—компиляціей, объяснительнымъ чтеніемъ, публицистикой, журналистикой, филологическими разысканіями, но не тѣмъ, чѣмъ бы ей слѣдовало быть въ наше время—творчествомъ.

Для меня же это творчество составляетъ то главное, ради чего стоитъ писать, что даетъ совершенно новое освѣщеніе личности художника въ критикѣ.

Для меня задачей является не переложеніе своими словами того, что создалъ писатель, а—проникновеніе въ глубину души его, психологическій анализъ, созерцаніе сущности его творчества сквозь призму моихъ собственныхъ переживаній, исканій и запросовъ.

Такимъ образомъ я *живу* въ произведеніяхъ разсматриваемаго писателя, живу мыслью и душой; возсоздавая его міръ—творю міръ собственный, міръ моего творчества, міръ моего я.

V

Именно такую задачу видѣлъ въ критикѣ Оскаръ Уайльдъ, когда говорилъ: „критика есть въ сущности творчество въ высшемъ смыслѣ этого слова, критика одновременно и созидательное и независимое творчество“.

Александръ Закржевскій.

19 Января 1912 г.
Кіевъ.

I.

О, ступайте-жъ, ступайте дорогой паденія
Ниже, ниже-спускайтесь въ зіяющій адъ,
Гдѣ подъ огненной бурею всѣ преступленія,
Точно змѣи, шипя, въ безпорядкѣ кипятъ!
Бодлэръ.

Есть въ творчествѣ Достоевскаго особая область, цѣлый міръ, полный своихъ красокъ и звуковъ, совершенно отличный, замкнутый, сложный. Это *карамазовщина*—міръ пола, трагедія пола, его очарованіе, его мистика и его ужасъ. Здѣсь элементъ сладострастья, присущій Достоевскому, упалъ какъ порохъ въ огонь, и вотъ вспыхнула эта затаенная, усложненная, своеобразная жизнь, и въ яркомъ багровомъ заревѣ совершаются тайны и мистеріи плоти. Здѣсь душа больная запуталась въ кошмарныхъ построеніяхъ пола, и наступило забвенье истомленное, въ вихрѣ видѣній и лихорадочныхъ сновъ, прерываемое бѣшенымъ крикомъ, или изнемогающимъ стономъ, или безмолвной, страшной судорогой... Безвольно, но всецѣло, но безумно отдалась душа полу и длится объятье томительно долгимъ аккордомъ, и замерли силы, а на самомъ днѣ, гдѣ творчество,—всходятъ новые всходы, рисуются

тихіе узоры новой трагедіи, раздвигается новая завѣса сверхчеловѣческой боли!...

Есть Эросъ и эротическое, то, что родила эллинская культура, то, что метафизировалъ Платонъ, то, что воплотилось въ Венерѣ Милосской. Здѣсь красота спокойная, величественная, стройность линій, тихій покой аккордовъ и красокъ творятъ гармонію, которая восхищаетъ, но не волнуетъ. Здѣсь жизнь вошла въ искусство и перестала быть жизнью, здѣсь гармонія и тотъ порядокъ, та дисциплина, присущая чистому искусству—уничтожила муку, отодвинула на второй планъ ужасъ плоти, представивъ только ея художественную схему, сдѣлавъ изъ нея искусственный и безвредный экстрактъ. Вотъ почему, когда Платонъ объясняетъ любовь, когда Эросъ отражается въ классическомъ искусствѣ, мы остаемся спокойны въ созерцаніи, и пламя не охватываетъ насъ. Но любовь, но плоть,—это вѣдь страшные провалы жизни, это надрывъ природы. Это корень жизни и ея зародышъ, вотъ почему такъ страшно подходить къ нему, вотъ почему отъ прикосновенія къ этому корню отзывается стономъ міровая боль въ нашихъ сердцахъ.

Достоевскій объяснять полъ не пытался, онъ болѣлъ имъ, болѣе того, полъ изсушилъ, обезсилилъ его,—и вотъ, снова вмѣсто искусства явилось страданіе. Вмѣсто гармоническаго восхищенія передъ Эросомъ—Настасья Филипповна, вся истерика пола; вмѣсто обоготворенія любви—сладострастное хихиканіе Өедора Карамазова. Полъ истерзалъ Достоевскаго, какъ истерзало его всякое проявленіе жизни, полъ выросъ въ сердцѣ его ядовитымъ растеніемъ и оно одуряющимъ запахомъ окутало и Настасью Филипповну, и Грушеньку, и Ставрогина; у всѣхъ ихъ

именно этотъ ядовитый, раздражающій, странный ароматъ, и всѣ они окутаны дымкою кошмарнаго очарованія, и не на людей похожи они, они — живые символы души, истерзанной поломъ. На этой почвѣ выросло много страннаго, извращеннаго, уродливаго и преступнаго, родственнаго самому маркизу де-Саду и уже ожидающаго какого-нибудь Крафта-Эбинга, здѣсь преступность и уродливая извращенность опьяняютъ сознаніе! Здѣсь ярко выразилась мысль, что власть пола безпредѣльна, что она святого можетъ сдѣлать преступникомъ и ангела превратить въ демона извращенности!

Женщина—вотъ основа этой стороны творчества Достоевскаго. Женщина создала этотъ особый міръ чадныхъ видѣній, изступленнаго эротическаго мистицизма, русалочьихъ чаръ, въ которыхъ такъ сладко извивается душа, и вотъ уже заколдованные сны кажутъ ослѣпительныя бездны какихъ то новыхъ откровеній, слишкомъ утонченныхъ, слишкомъ неуловимыхъ, для которыхъ еще нѣтъ словъ, которые рыдаютъ въ тающихъ полутонахъ бреда, завороженнаго вакхической улыбкой Настасьи Филипповны или мерцаніемъ тонко-прозрачныхъ рукъ Сони Мармеладовой.

И въ душѣ бѣшеный вихрь одержимости. И кажется, что весь міръ качается въ рукахъ женщины, и въ сладострастномъ огнѣ истлѣваетъ сердце... И страшно.

Когда князю Мышкину первый разъ попалась [illegible] восторгъ, и восхищеніе его какое то нечеловѣч[illegible] въ [illegible] радость страданья перешла границы обыч[illegible]наго и кажется, что открылась завѣса какой-то управляющей міромъ Тайны. И улыбнулся и замеръ. И

экстазно озаренные глаза вспыхнули свѣтомъ лучистымъ, и воцарилась тревожная, странная музыка, и каждый аккордъ—ожиданье, и радость, и безумный, душу раздирающій смѣхъ. А изъ темной дали надвигается сила и роняетъ злые цвѣты волшебства, и все вокругъ и дико, и воспаленно, и жутко. Нервы вымотаны въ струны палящей боли, и по нимъ тихо скользитъ высокая и змѣиная, съ дерзко прищуренными глазами, съ яростнымъ, застывшимъ крикомъ, вызывающимъ крикомъ на искаженномъ красотой лицѣ, и каждая черта, каждое движеніе, каждый изгибъ тѣла звонко поетъ: „Я—царица, я—міръ, я—власть“!

И Мышкинъ-Достоевскій понялъ и увѣровалъ, и съ тѣхъ поръ женскіе чары жутко скользятъ между строкъ и одурманиваютъ, и не даютъ жить, и сладостной пыткою изводятъ очарованную душу.

Женщина—вампиръ, женщина—терзаніе, женщина—боль... Въ каждомъ женскомъ образѣ Достоевскаго горятъ эти понятія. У него, когда надвигается женщина, становится страшно тихо, какъ передъ грозой, открываются глубочайшія нѣдра, струится черное, смолистое вино опьяненія... Слышны удары сердца, и сквозь заплетающійся вихрь отрывочныхъ фразъ прыгаетъ, корчится, извивается, всхлипываетъ истерика, и глаза подернуты туманомъ истомленности, и въ страстныхъ, изнемогающихъ корчахъ задыхается жизнь...

Словно наступила женщина своей ногой на самый основной корень души, и вотъ горитъ [illegible] пламенемъ отчаянной, безвольной любви, какого то палящаго оргазма, соединеннаго съ бѣшенымъ воплемъ литургійнаго восторга и сатанинскаго проклятья.

Наступила ногой и смѣется. И какъ сладостной сказкой, сумасшедшей, пресыщенной и больной сказкой озаренъ ея смѣхъ, и открываются дали, закутанныя завѣсами глухихъ тайнъ, и кружится голова отъ надрыва, и все тѣло свивается въ дикую пляску безумнаго, оргіастическаго изступленья, и снова тихо,—и летишь внизъ, замирая въ паденьи и страхѣ, и куда то улетаетъ душа,—и весь — спаленная жертва, а она четко и тихо проходитъ сквозь душу властными шагами!

Но это терзаніе блаженно, и хочешь, чтобы оно длилось вѣчно, безумно хочешь, чтобы прозрачность рукъ выворачивала душу, чтобы злая насмѣшка издѣвалась надъ счастьемъ, чтобы въ золотыхъ сѣтяхъ застывшаго очарованія все длился этотъ истомленный, пьяный, сумасшедшій смѣхъ!

И уже въ романѣ „Игрокъ“ герой говоритъ женщинѣ, словно замирая въ восторгѣ, вѣдомомъ только одному Достоевскому:

„Мнѣ у себя наверху, въ каморкѣ, стоитъ вспомнить и вообразить только шумъ вашего платья, и я руки себѣ искусать готовъ“.

Вотъ въ этихъ-то словахъ открываются жуткія и манящія начала карамазовщины.

Всюду потомъ отраженіе женскихъ лицъ въ творчествѣ приводитъ Достоевскаго въ родъ сладострастнаго бѣшенства, и онъ готовъ искусать себѣ пальцы отъ одной тѣни женщины. А послѣдняя, почти каждая, окутана имъ же самимъ ароматомъ садическаго волшебства—и терзаетъ, и мучитъ, и хочется кричать, хочется плакать, безумствовать, умереть въ восторгѣ, а чудесная мистическая красота струится въ этомъ обаяніи, и къ сладострастью

тѣла примѣшиваетъ жестокое, еще страшнѣйшее *сладострастье души*. Однѣ изъ нихъ—чисто демоническія, чувственныя, сладостныя царицы тѣла, другія—всѣ сотканныя изъ души, одержимой безуміемъ,—чарующимъ, страстнымъ.

Женщина—болѣзнь. Каждый изъ героевъ Достоевскаго болѣлъ женщиной,—и эта болѣзнь стала выше силъ, стала безуміемъ,—и вотъ Версиловъ, уже *мертвый отъ женщины*, проходитъ предъ нами какъ чисто современный человѣкъ... И эта болѣзнь потомъ переходитъ во что то сложное, слишкомъ утонченное, слишкомъ запутанное—и безгранично мистическое—и становится символомъ. Символъ этотъ—карамазовщина, власть пола, міръ особый и чудесный, міръ очарованья, пресыщенья и опьяненія.

Сладострастіе плоти и духа—вотъ неотдѣлимые элементы карамазовщины—элементы, дѣлающіе изъ нея нѣчто очень близкое намъ, современное, и поэтому особенно интересное. Все, что близко и дорого намъ въ этой области—и Бодлэръ, и Гюисмансъ, и Барбэ де-Оревильи, и Оскаръ Уайльдъ, и Сологубъ—все исходитъ изъ этого источника и кажется чѣмъ то родственнымъ нашему надорвавшемуся духу, и мы приближаемся къ этимъ мрачно тлѣющимъ искрамъ таинственнаго, и желаемъ раздуть ихъ во что то спасительное, литургійное! И забываемъ, что у Достоевскаго давно уже расцвѣлъ и оформился этотъ будто бы открытый нами на Западѣ міръ!

И эта „извращенность“, выражаясь шаблонно — не только объективно утверждается Достоевскимъ, такъ это сдѣлалъ Золя въ своихъ романахъ, но представляетъ нѣчто его, субъективное, дорогое и

любимое, составляетъ вторую натуру Достоевскаго. Неизданная глава изъ „Бѣсовъ“, а также неизданный дневникъ Достоевскаго—подтверждаютъ это...

Можетъ быть, потому-то такъ и обаятельна эта „извращенность“ въ изображеніи Достоевскаго! И когда мы созерцаемъ Версилова, или, когда сверхчеловѣческая красота Ставрогина предстаетъ предъ нами,—намъ пріятна и таинственно прекрасна сама такъ называемая „паталогичность“, принимающая оттѣнки непонятнаго очарованія. И мы любуемся, и какъ будто забываемъ, что всею душею отдаемся поклоненію всѣми презираемой „извращенности!“

Человѣкъ, страдавшій эпилепсіей и устами Кирилова изобразившій все блаженство болѣзненнаго экстаза, когда на минуту душа становится пріобщенной чуду, не могъ не преклониться передъ тѣмъ, что люди называютъ ненормальностью и болѣзнью и создалъ изъ этого свое царство, къ счастью—навѣки закрытое для тѣхъ, которые считаютъ Достоевскаго больнымъ и ненормальнымъ!

Женщина—ядъ. Рогожинъ вкусилъ этого яду и бѣшенство овладѣло имъ, и весь міръ полетѣлъ въ бездну, и кромѣ Настасьи Филипповны не было для него никакихъ основъ жизни. Но ядъ губителенъ, смертеленъ—и создало Рогожину его бѣшенство тысячу безсонныхъ ночей, и барахталась, надрывалась опьянѣвшая душа, и мучили призраки, и звѣриная стихія ревѣла, задыхалась, барахталась, подымая цѣлый океанъ, и волны его наваливались на грудь и душили ее какимъ то озлобленнымъ изступленіемъ!.. Здѣсь оканчивается чувство человѣческое и начинается какая то литургія любви, какое то сладкоблаженное жертвоприношеніе, какая то звѣриная

первобытность съ чисто современнымъ по сложности мистицизмомъ.

Инфернальность Грушеньки создаетъ цѣлую мистерію! И, когда тяжелыя кошмарныя тѣни женщины появляются въ этой сѣрости, среди низенькихъ комнатъ, полныхъ самаго разнообразнаго сброда, среди изнѣженнаго тлѣнья преданныхъ высшей инквизиціи душъ,—то любовь никогда не выступаетъ открыто, въ словахъ, въ поцѣлуяхъ, при аккомпаниментѣ сирени или лунной ночи, какъ у Тургенева. Достоевскій прячетъ любовь, угрюмо закутываетъ въ черныя пелены тяжести своей непомѣрной и говоритъ о ней сухо, сдержанно, какъ бы боясь показать, боясь открыть... У него герой никогда не признается въ любви какъ человѣкъ любящій, у него любовныя признанія протоколируются въ сухой и сжатой формѣ и словно умираютъ на устахъ... Потому что то, что прячетъ Достоевскій— ужасно... Потому что подъ видомъ любви таится здѣсь ужасъ эпилепсіи, истерическая кошмарность, болѣзненная утонченность визіонерства, уродливыя, загадочныя переживанія и цѣлый міръ такихъ откровеній, которыя понятны одному Бодлэру или Эдгару По! Потому что элементарное, здоровое, человѣческое понятіе любви глубоко чуждо и противно Достоевскому, и онъ избѣгаетъ говорить пошлыми фразами о томъ, что надрываетъ душу, что ужаснымъ бредомъ разрушаетъ сознаніе! Посмотрите на жизнь Версилова. О ней какой нибудь медикъ или человѣкъ, любящій строгія опредѣленія—выразились бы, какъ о ярко выраженной *psychopatia sexualis!* И когда понятіе вылилось бы въ формулу—словъ бы больше не нашлось. А между тѣмъ сколько та-

инственной красоты въ этомъ человѣкѣ—такомъ *на-шемъ*, такомъ понятномъ и сверхнормальномъ. Все, что видимъ мы въ упоительныхъ ночныхъ визіяхъ Доріана Грея, или въ половыхъ надрывахъ Гюисманса или Пшибышевскаго,— все цвѣтомъ радужнымъ переливается въ образѣ Версилова и таинственно роднитъ его половой мистицизмъ съ нашей душой! Половой мистицизмъ—это именно то, что отличаетъ героевъ Достоевскаго отъ другихъ, это именно то, что поражаетъ насъ той безсознательной, очарованной утонченностью, которая представляется намъ, когда наблюдаешь за Версиловымъ изъ каморки подростка Долгорукова.

— *Единственный красочный элементъ, сохранившійся въ современной жизни это порокъ!* -говоритъ утонченный эстетъ лордъ Генри Доріану Грею. Эти слова кажутся какъ бы исходящими изъ устъ Николая Ставрогина. Онъ пережилъ это, это же составляетъ вторую природу, вторую жизнь и самого Достоевскаго. Ибо онъ сильно любилъ говорить о разныхъ порокахъ, говорить съ восхищеніемъ, а это значитъ, что они были ему пріятны, были полны той неизвѣданной красоты и упоенія, которыя сдѣлали преступникомъ въ глазахъ буржуазнаго общества Оскара Уайльда!

Достоевскій—весь—преступленіе, весь—утонченный порокъ. Въ душѣ его—темныя чащи—запутанныя, непроходимыя, и не знаешь, гдѣ что начинается и гдѣ исчезаетъ. Въ его душѣ живетъ злая и жестокая идея женщины, — и эта идея бросаетъ на его творчество тяжелую и кошмарную тѣнь. По Достоевскому женщина — это мистическое озареніе порока и преступленія. Вотъ откуда эти холодные отсвѣты

тревоги, окружающіе Настасью Филипповну, вотъ откуда этотъ истерическій смѣхъ Лизы въ „Бѣсахъ", и та непонятная мука рефлексовъ, которую бросаетъ въ разверзстыя души Аглая.

Еще, въ каморкѣ, на мансардѣ, когда мучилъ Бѣлинскій и сладко давили мозгъ Петербургскія утра, изъ глубокой горячки болѣзни, изъ кровью облитыхъ ранъ сердца родился этотъ страшный и умерщвляющій женскій Ликъ. Было это тогда, когда надрывались силы въ борьбѣ и струны души были туго натянуты, и болѣзненное опьяненіе безумія терзало изможденное тѣло. Тогда прикоснулась къ самымъ затаеннымъ струнамъ, вся—ядъ, вся—жестокая прелесть. Кошмарнымъ жаромъ разлилась въ тѣлѣ, и рванула сердце, и нервы зажгла... Можетъ быть ему казалось, что міръ погибаетъ, можетъ быть вся вселенная претворилась въ боль! Она холодна. Она ужалила и холодомъ—громомъ сквозь сердце прошла, и выпила кровь мучительно сладко, какъ въ сказкѣ пьетъ душу чудесный аккордъ! И „слѣдокъ ноги у нея узенькій и длинный—мучительный. Именно мучительный. Волосы съ рыжимъ оттѣнкомъ. Глаза—настоящіе кошачьи, но какъ она гордо и высокомѣрно умѣетъ ими смотрѣть!" („Игрокъ"). И тогда захотѣлось броситься внизъ съ высокой горы и разбиться.

И по ночамъ, когда залѣзали въ голову безумные замыслы,—позналъ силу и красоту преступленья. Потому-что женщина зажгла такія силы и на такія вершины вознесла безуміе, что остается только преступить *все* и въ багровомъ заревѣ умереть, уснуть. И не есть ли это самое чувство, когда смотришь на мучительный слѣдокъ ноги, когда слышишь шумъ

ея платья, не есть ли *это*—уже само преступленіе, самая красота его? Потому что кто знаетъ, что дѣлается тогда въ душѣ, какіе помыслы одинъ другого страшнѣе,—рождаются въ ней? Можетъ быть, въ дьявольскомъ шабашѣ извивается тамъ весь міръ? Можетъ быть въ дикомъ, страдальческомъ воплѣ совершается расцвѣтъ тѣхъ чудесъ, которыя снились Доріану послѣ мучительныхъ искушеній дьявола? И какую картину рождаетъ уже этотъ ранній романъ „Игрокъ"! Сквозь шаблонное описаніе жизни юноши, влюбленнаго въ рулетку—всюду пробиваются страшныя маски тѣхъ ночныхъ кошмаровъ, когда безуміе рождало красоту порока. Здѣсь, какъ и всюду, онъ находитъ изступленную, садическую радость въ тѣхъ мученіяхъ, которыя доставляетъ женщина. Здѣсь начало той цѣлой мистеріи, цѣлой поэмы, цѣлой метафизики жестокаго опьяненія, которое впослѣдствіи сдѣлаетъ Ставрогина въ глазахъ Верховенскаго тѣмъ чудомъ, которое въ силахъ покорить и побѣдить Россію!

Достоевскій никогда не описываетъ объятій, поцѣлуевъ, любовныхъ сценъ, какъ это бываетъ въ романахъ. И опять не потому ли, что мысль *боялась* описывать, не могла, не смѣла, въ силу цензурныхъ и другихъ условій? Не потому ли, что въ умѣ рождались такіе поцѣлуи, такіе сны и видѣнія, которые обезсиливали творческую энергію и которые нужно было прятать въ душѣ изъ боязни публично сознаться въ своей преступности. Не потому ли, что вмѣсто поцѣлуевъ и объятій здоровыхъ людей душу изводилъ ужасъ такого порока, отъ котораго лицо Ставрогина превратилось въ блѣдную маску?! Нѣтъ, не поцѣлуя желала душа, извиваясь въ кромѣш-

ныхъ тьмахъ изступленья, не поцѣлуя, а чего-то такого внѣміроваго, страшнаго и палящаго, что смогло бы разорвать женщину въ клочья бѣлыхъ, нѣжныхъ, истомленныхъ розъ... И чтобы сама смерть глянула на днѣ этого сверхміроваго поцѣлуя, поцѣлуя—тоски, поцѣлуя—надрыва! И не любви желала душа, а того цвѣтка абсолютнаго покоя, что зажегшись чудеснымъ, коварнымъ смѣхомъ безумія, засѣлъ въ этихъ кошачьихъ, зеленыхъ глазахъ и для добытія котораго понадобилось бы разбить эти глаза въ дребезги и изъ сознанія міра вычеркнуть понятіе „женщина“. И оттого, что нельзя было добыть этого цвѣтка никакой цѣной, вся жизнь превратилась въ муку!...

II.

Неспѣшный ужасъ сладострастья
Какъ смертный холодъ лезвея,
Вбираетъ жадно жизнь моя.
Неспѣшный ужасъ сладострастья
Растетъ, какъ бури шумъ—и я
Благословляю стономъ счастья
Неспѣшный ужасъ сладострастья,
Какъ смертный холодъ лезвея.
Валерій Брюсовъ.

А я всегда, неизмѣнно
Молюсь неземной красотѣ.
Я чуждъ тревогамъ вселенной,
Отдавшись холодной мечтѣ.
Отдавшись мечтѣ,—неизмѣнно
Я молюсь неземной красотѣ.
Валерій Брюсовъ.

Изъ этихъ странныхъ, уродливыхъ, страстныхъ людей мятущаяся душа Настасьи Флиипповны создала себѣ заколдованный кругъ. И въ немъ свершается волшебство необычное, переполненное жаждой зажечь такой пожаръ, создать такую месть, чтобы въ сердцѣ умерла мука... И оттого, что эта жажда перешла границы человѣческаго,—люди стали игрушками, а ея красота—инквизиціей. И когда въ зеркалахъ тусклыхъ домовъ Ганечки или Рогожина появляется истерзанный ея, блѣдный Ликъ—туманность кошмарнаго пресыщенья пламенѣетъ заревомъ безумія и жутко наблюдать, какъ надрыва-

ются силы въ борьбѣ съ ея властью, какъ человѣческая природа въ экстазахъ испускаетъ духъ.

И эти души—всѣ эти безвольныя, зачарованныя души,—только игрушки въ ея рукахъ. Ибо она всесильна—и эту силу дало ей то, что раздвигаетъ горизонты міра, что разрушаетъ и созидаетъ міръ—красота... И мучитъ всѣхъ—и старика Епанчина—солиднаго генерала, отца семейства, и озлобленнаго Ганечку, и одержимаго Рогожина, и холодную Аглаю и даже болѣзненнаго аскета, истомленнаго и надломленнаго болѣзнью—князя Мышкина! И вотъ—все горитъ, извивается въ корчахъ, разсыпается воплями и молитвами у ея ногъ! Но что ей поклоненіе и терзаніе, что эта любовь,—силы ея надрываетъ трагедія, трагедія, о которой всѣ молчатъ, но которая открываетъ безмолвныя нѣдра въ чащахъ того, что люди зовутъ поломъ и что здѣсь такимъ мучительнымъ объятьемъ сплетено съ душой. Не хочетъ Достоевскій показать красоту людямъ спокойной и величественной, съ ореоломъ холода на челѣ, свою красоту онъ истерзалъ страданьемъ и оттого самая боль, самая острота красоты зажглась мистическимъ пламенемъ наслажденья! И оттого, что старый помѣщикъ осквернилъ Настасью Филипповну блудливыми ласками потуханья, оттого, что эти ласки и вся эта исторія бросили ее на рынокъ петербургскаго свѣта,—красота стала особенно заманчивой и инфернальной. Почему это такъ,—Достоевскій не можетъ объяснить, да и врядъ ли это можетъ поддаться объясненію. Но ясенъ фактъ, что „порядочная“ женщина никогда не бываетъ у него олицетвореніемъ красоты и что для этого ему необходимо всегда женщину сдѣлать проституткой...

Порочная жизнь, такъ сказать, отшлифовала красоту Настасьи Филипповны, и отъ этого она стала еще больше обаятельною, еще больше заманчивою. Здѣсь любовь Достоевскаго къ порочности и преступности выступаетъ наглядно.

Когда прислушаешься и приглядишься ко всей этой исторіи, къ этому всеобщему поклоненію столь разныхъ межъ собой людей,—невольно зарождается мысль, что Настасья Филипповна не человѣкъ только, а символическое изображеніе творчества красоты!

Въ общемъ экстазѣ Ганечка творитъ себѣ идеалъ жены, Рогожинъ—любовницы, Аглая—абстрактную идею, кн. Мышкинъ—чудотворную икону. Но сама то она можетъ быть выше всего этого, самое то ее понимаетъ быть можетъ одинъ только Достоевскій, влюбленный въ нее не меньше Рогожина. И въ ней самой ярко выступаетъ мучительная трещина двойственности, и ярко зажженыя свѣчи этой двойственности освѣщаютъ немного ту темь, которая въ ней и которая опьяняетъ своей густотой сознаніе. Р[illegible]жинъ творитъ изъ нея оргіазмъ плоти, дѣлаетъ [illegible] вакханкой своего разстроенна[illegible]нія, и не потому только, что у него къ ней „больная страсть", какъ выразился Мышкинъ, но и потому, что въ ней самой этотъ оргіастическій элементъ составляетъ часть души и можетъ быть даже преобладаетъ надъ всею душой. И когда, въ тотъ памятный вечеръ, она бросила въ каминъ пачку денегъ, и въ вихрѣ пьянаго восторга рявкнулъ Рогожинъ свое знаменитое: „королева!", когда всякій сбродъ застылъ, ошеломленный мучительной напряженностью ея смѣха, а Ганечка упалъ въ обмо-

рокъ,—тогда этотъ элементъ оргіастическаго изступленья выступилъ наружу. Здѣсь же идея пола получаетъ новое освѣщеніе, чисто русское и знаетъ о ней одинъ лишь Парфенъ Рогожинъ!

Глубокая власть надрыва, бѣшеный разгулъ, вакхическая радость распинанія души во имя ея, „королевы"—и лихорадочная дрожь, и дикое рычанье голоднаго звѣря отъ одной ея улыбки, и желаніе поставить ее выше міра и ею разбить міръ,—вотъ что пробуждаетъ тогда полъ въ Рогожинѣ, вотъ какъ понимаетъ красоту Достоевскій!

Вознесенная на вершины страсть дальше не можетъ идти, она или должна потухнуть, или окончиться преступленьемъ. И были моменты въ жизни Настасьи Филипповны, когда страсть уходила тогда пробуждалось что-то новое, болѣе тонкое, болѣе усложненное и таинственное, то, что тянетъ ее къ князю Мышкину. „Первый разъ *человѣка* видѣла"—говоритъ она ему, уносясь съ Рогожинымъ, послѣ того, какъ Мышкинъ предлагаетъ ей выйти за него замужъ. *Человѣка*, а не мужчину, душу, а не самца, [illegible], что она привыкла видѣть въ людяхъ. [illegible] ать очень многое, они объясняютъ отношеніе Мышкина къ Настасьѣ Филипповнѣ [illegible] обратно, то есть другое отношеніе Достоевска[illegible] сотѣ и другое ея пониманіе! Здѣсь грубые [illegible] эксцессы замѣняются просвѣтленностью, вулканическая страсть облагораживается, переходитъ въ душу, въ душу того, у кого болѣзнь доминируетъ надъ всѣмъ, для кого плоть не чувствительна, для кого ее замѣняетъ душа,—князя Мышкина.

Душа кристально чистая и почти святая, душа, озаренная лучами какого-то горняго свѣта, душа,

надорванная эпилепсіей и изнурительной болѣзнью, словно тающая, словно всецѣло отдавшаяся свѣту,— князь Мышкинъ представляетъ интересное явленіе, бросающее нѣкоторые лучи свѣта на темную натуру Достоевскаго. Въ этомъ человѣкѣ онъ проявилъ свою вторую натуру, въ немъ вылилась *душа его болѣзни*, нѣчто неподдающееся истолкованію, то, что онъ переживалъ въ минуты глубокой усталости, когда душа въ припадкѣ отдѣлялась отъ тѣла, и становилось радостно, и казалось, что входитъ въ душу и таетъ въ неописанномъ наслажденіи вся міровая боль! Въ Мышкинѣ—тѣ полутѣни и полусвѣты, что мелькаютъ въ мозгу въ то время, когда познаешь болѣзнь, и оттого, что познаешь, она становится желанной, и невольно хочешь, чтобы она длилась долго, когда бредъ окутываетъ усталостью блаженства израненную душу, и вотъ, среди царства тѣней, среди ужаса боли наростаютъ и таютъ, и возникаютъ опять какіе-то смутные призраки, какіе-то сны и видѣнія, которые желалъ бы понять, но не можешь, и оттого, что не можешь, какъ то особенно легко и радостно, а мозгъ тихо пьютъ длительные, обезсиливающіе поцѣлуи экстаза. Въ Мышкинѣ красота особенная, красота усталости и умиранія, въ которой такъ много лучистой, тихой просвѣтленности.

И всѣхъ онъ любитъ одинаково, и ко всѣмъ тянется, какъ лилейный, покорный цвѣтокъ, и женщины не знала его чистая душа, и къ Аглаѣ, и къ Настасьѣ Филипповнѣ у него отношеніе одинаковое, смутное, неопредѣленное, больное.

Но Настасья Филипповна далеко не такъ относится къ нему. Сердце пресыщенное болью тянется къ нему безвольно, чувствуетъ какое-то обаяніе, но

не можетъ схватить его сущность. Она преклоняется предъ нимъ, она на него молится, и въ этой любви есть что-то особенное, опрозрачненное, не безъ примѣси тонкой извращенности. Она хотѣла бы слиться съ нимъ, взять его въ свою душу, какъ то, чего недостаетъ ей и чего она не понимаетъ, она хотѣла бы любить его, но чтобы эта любовь была не такой, какой она бываетъ, чтобы она перешла въ душу, чтобы *плоть стала душой* и, чтобы это было выше любви! Но такая любовь выше ея силъ, и вотъ она бросаетъ Мышкина и снова возвращается къ спаленному страстью Рогожину, въ жертву плоти приноситъ душу, въ то время, какъ по отношенію къ Мышкину плоть была одухотворена душою...

У современнаго поэта—Валерія Брюсова также есть своя Настасья Филипповна, не менѣе страшная и сильная, чѣмъ у Достоевскаго. Она въ его поэзіи сплетаетъ цѣлый обаятельный хаосъ сокровенныхъ переживаній, восторговъ и мукъ, близкихъ въ большой степени тѣмъ, что переживалъ Достоевскій, поверженный въ священный экстазъ передъ чудеснымъ своимъ, заколдованнымъ и зловѣщимъ Ликомъ.

Брюсовъ—это музыка безконечной ночи сладострастья, извращенности и восторговъ пола. Это—драгоцѣнный, порфироносный плащъ, наброшенный на изступленность *звѣринаго*, это —таинственный ключъ къ тому, что было неясно даже для самого Достоевскаго, а если и было понятно,—то тщательно скрываемо и оберегаемо отъ сознанія Россіи 60-хъ годовъ.

Его творчество, его музу, его вдохновеніе дерзко и жадно ужалила женщина,—и вотъ вспыхнуло, загорѣлось, разнеслось какое-то необычайное пламя,

какой-то дикій экстазъ, какая-то зловѣщая и садическая молитва, повергнутая у той завѣсы, за которою таинственно и тихо мерцаетъ непознанное и чудесное, первопричина всего, основа вселенной, корень земного—полъ.

Въ мукахъ вдохновенія, когда возникаютъ провалы, граничащіе съ безуміемъ, поэтъ интуиціей своей проникаетъ за эту завѣсу и сладостно сливается сознаніе съ міромъ запредѣльной тайны и мысль, ослѣпленная новыми искрами, брызжетъ свѣтомъ прозрѣнья во тьмѣ.

Поэтъ безумно влюбленъ не въ женщину, какъ фактъ, а въ женщину, какъ идею, и сквозь познанную реальность, чрезъ границы извѣстнаго—стремится къ синтетическому построенію познанія пола...

Задыхается въ корчахъ наслажденія, потому что познаніе пола —это ядъ, это страсть, это мука и боль, это эмпирическое дѣйство, и только внутри, сквозь экстазы распятій, въ музыкѣ пресыщенья, въ извивахъ тѣлъ, въ аккордахъ поцѣлуевъ—тихо и туманно, какъ легкій дымъ, который можетъ разсѣяться каждую минуту и который можно закрѣпить лишь на экранѣ бреда или безумія—начинается явленіе внутренней жизни пола.

И тогда сверкаютъ въ чащѣ тяжелыхъ сновъ ракеты и отблески того, чего нельзя понять, что можно только почувствовать, чѣмъ можно лишь проболѣть.

Естествознаніе, медицина рѣшились объяснить полъ—и получилось что-то уродливое, грубое, плоское и скучное, что не только не объяснило, не только не дало разобраться въ томъ, что такое полъ, но обезобразило самое понятіе его, втиснувъ сразу не-

познанное, неуловимое, неназванное въ тоску и мертвечину формулъ, сдѣлавъ надъ ужасной тьмой бездны жалкую и непрочную надстройку, которая ежеминутно готова разсыпаться и полетѣть внизъ вмѣстѣ со своими строителями.

Розановъ и Бердяевъ, какъ мы увидимъ, облагородили, одухотворили эту матеріалистическую интерпретацію, метафизировали ее, но Брюсовъ приблизился къ этому помимо всего, игнорируя всякую науку, всякую систему, ему въ хаосѣ и въ слѣпой безсознательной интуиціи явилось то, надъ чѣмъ многіе прокорпѣли бы не одинъ десятокъ лѣтъ надъ грудою книгъ.

Въ экстазахъ творчества нащупалъ единый, драгоцѣнный ключъ—и стоитъ нажать, стоитъ повернуть его—и предстанетъ чудо изъ чудесъ, предстанетъ женщина въ другой одеждѣ, въ другомъ ореолѣ, чѣмъ повседневность, предстанетъ Мадонна распятой страсти, оргіастическаго безумія, и сладостнымъ жаломъ къ душамъ прильнетъ. Открываетъ во тьмѣ запредѣльные пути, развертываетъ въ туманѣ свитки какихъ-то одурманенныхъ грезъ, въ пылу восторга срываетъ одежды, и кажетъ въ оргіяхъ запрокинутыхъ, обалдѣвшихъ тѣлъ, въ кровавомъ винѣ слившихся губъ, въ ослѣпительныхъ гроздьяхъ обнаженныхъ грудей,—какую-то неуловимую и гнетущую тайну, какое-то чуть замѣтное, чуть слышное дыханіе, какую-то еще никогда не вкушаемую чуть сладострастную, чуть боготворную дрожь!

Къ звѣриному воплю и стону приникаетъ душой и окутываетъ ею животный надрывъ, и грубый потъ, и надтреснутые крики изнеможенія,—и создаетъ волшебство одухотворенія и освященія!

И вотъ—вся природа, весь инстинктъ, весь полъ, то, что своею обнаженностью возбуждаетъ брезгливость, блистаетъ изумрудами чудесъ, какъ вѣчный и нерукотворный храмъ. Но еще не зажжены свѣчи, еще царитъ хаосъ и ночь, и только надъ алтарною жертвенностью, высоко сіяетъ блаженно истерзанный, замершій въ задыхающейся улыбкѣ распятія—страсти, распятія—муки—таинственный и прекрасный Ликъ.

И что можетъ сказать душа, кромѣ молитвы, выматывающей существо въ извивахъ бреда, кромѣ страсти огнепалительной и безумной, для которой исходъ—лишь смерть, кромѣ экстазныхъ гимновъ, въ которыхъ тихо и нѣжно струятся слезы и кровь, надъ которыми чадно парятъ призраки близкихъ чудесъ?!

Какъ жестокій чародѣй, пресыщенный всѣмъ міромъ,—онъ бросаетъ въ объятья женщины свою обезумѣвшую, свою испепеленную душу,—и вотъ въ „ночи потаенной сладко жгучій ужасъ ласкъ", и вотъ, среди ѣдко-палящаго запаха тѣлъ, среди надрывовъ страсти возникаютъ бездны, загораются міры, исчезаютъ, возникаютъ, пламенѣютъ, и сквозь тысячи міровъ, сквозь тысячи зарожденій и умираній, на самой вершинѣ такого восторга, такого счастья, отъ котораго можетъ разорваться душа,—человѣкъ становится богомъ, становится абсолютомъ, становится единственнымъ центромъ сущаго, апоѳеозомъ и концомъ всѣхъ возможностей, и разгорѣвшійся мозгъ осѣняетъ безумно радостная мысль, что въ мірѣ есть только одно мое *Я*, только одинъ законъ, только одна воля.

И шепчутъ радостью опьяненныя губы, липкія отъ страсти, липкія отъ крови поцѣлуевъ:

Я гость единственный на всей землѣ.
Спитъ міръ таинственный въ предсмертной
мглѣ...

Нѣтъ человѣчества,
Ладью влачитъ хаосъ.

Въ мукахъ пола, очевидно, есть такая бездна, когда кажется, что разрушенъ міръ, что нѣтъ никого и ничего, что я—міръ, я—богъ, я—власть. Въ мукахъ пола обрѣтается великое разрушенье и великій хаосъ.

Пусть же пьетъ душа эти чудесныя тайны, пусть онѣ разрываютъ и колесуютъ тѣло до обморочныхъ проваловъ, до инквизиціонныхъ пытокъ, до смерти, ибо только въ любви человѣкъ становится богомъ!

Красота терзаетъ, красота мучитъ и обезсиливаетъ. Здѣсь бѣдный юноша игрокъ у Достоевскаго только кусаетъ пальцы, только пламенѣетъ въ помыслахъ.

Современный жрецъ красоты идетъ дальше. Онъ жаждетъ этой муки, она ему нужна до боли, до слезъ, она является его жизнью, его вдохновеніемъ:

...„Я хочу жестокихъ мукъ,
Ласкъ и мукъ безъ промедленья!“

И тогда вылился изъ души, въ звукахъ, полныхъ кровавой прелести этотъ великолѣпный гимнъ мукѣ, это литургійное обоготвореніе и освященіе тайны, этотъ бездонный напитокъ новой, еще несознанной, грядущей Красоты, предчувствіе которой опьяняетъ намъ душу, въ лучахъ которой наше рабство кажется искупленіемъ, а женщина, а любовь—вторымъ, воздвигнутымъ нашею мукой—крестомъ!

Эта боль не разъ мной испытана
На крестѣ я былъ распятъ не разъ,
Снова кровью одежда пропитана
И во взорахъ свѣтъ солнца погасъ.

Члены пыткой злой обезсилены
Я во прахѣ кровавомъ, какъ трупъ.
Выжидаютъ мгновенія филины
Опустившись на ближній уступъ.

Но чѣмъ мука полнѣй и суровѣе,
Тѣмъ восторженнѣй пѣсни хочу,
И кричу, и пою славословія,
Вѣчный гимнъ моему палачу.

О, приди, безъ улыбки, безъ жалости
Снова къ древу меня пригвождать,
Чтобъ я могъ въ ненасытной усталости
Снова руки твои цѣловать!

Чтобъ въ борьбѣ съ сладострастной безмѣрностью
Наростающихъ яростныхъ мукъ,
Я утѣшенъ былъ дѣвственной вѣрностью
Этихъ строго безжалостныхъ рукъ.

Эта сладость мукъ отъ женщины словно бѣлое облако окутываетъ раны души. Въ ней она находитъ новое объясненіе любви, ибо мука даетъ любви вѣчное утвержденіе, въ ней исчезаетъ страхъ предъ пресыщенностью, передъ тѣмъ моментомъ, когда женщина расплывается въ мутной тоскѣ повседневности, когда чудо превращается въ будничную, мѣщанскую сладко-приторную скуку! Ибо только мука—спасенье, только она -вѣчность, только она не обманетъ, не надоѣстъ, не выдохнется!... И нѣтъ въ мірѣ того, что могло бы опошлить радость этого чуда изъ чудесъ, этого мистическаго яда—единственнаго, желаннаго!

Вотъ приближается ликъ женщины и становится все яснѣе, все прекраснѣе, все понятнѣе, свѣтло-прозрачное лицо повисло надъ трупомъ души и рыдаетъ бездонно.

Въ хаосѣ дикомъ и страстномъ кружится міръ... Но нѣтъ границъ для безумія и хочется забыться, хочется сладострастной смерти въ пожарѣ безумія. И въ бреду возникаетъ картина.

Ты монахиня—лилія Бога!
Ты навѣки невѣста Христа!
Это я постучалъ въ ворота,
Это я у порога.
Выходи же. Иди мнѣ навстрѣчу!
Я послѣдней любви не таю!
Я безумно тебя обовью,
Дикой лаской отвѣчу!

Я измученъ, я весь истомленъ,
Я безсиленъ, я мертвъ отъ желаній,
Все вокругъ—какъ въ багряномъ туманѣ,
Все вокругъ—точно звонъ!
И мы вздрогнемъ, и мы упадемъ,
И, рыдая, сплетемся, какъ змѣи,
На холодномъ полу галлереи
Въ полумракѣ ночномъ.

Но подъ тѣмъ же таинственнымъ звономъ,
Я нащупаю горло твое
Я сдавлю его страстно—и все
Будетъ кончено стономъ!

Женщина Брюсова—это мучительный сфинксъ, рожденный вдохновеніемъ поэта, который не надо разгадывать, котораго боишься разгадать и слѣпо вѣришь, что это невозможно! Женщина—это красота міра, потухающаго въ объятіяхъ ея, женщина это—проклятье и заколдованно жуткій бредъ!...

Во имя спасенія души, во имя радости вѣчной и дѣвственно-чистой, говоритъ поэтъ, нужно узнать то очарованье, тотъ ароматъ, что струится отъ женщины, ту ея мистику, ту вѣчную женственность, что возвышается надъ тѣломъ и словно неизрѣченно чистая одежда заключаетъ въ себѣ природу всѣхъ вещей.

Нужно познать символъ женственнаго, душу любви, душу всѣхъ ея извивовъ и уклоненій, нужно пріобщить небу каждую ласку, каждый поцѣлуй, нужно въ мистикѣ пола познать святое, вѣчное, то, что роднитъ нашу душу съ богомъ, съ великимъ Паномъ земли.

Нужно полюбить болѣзнь любви, ея отчаянье, ея безумную, космическую Красоту, для того, чтобы за гранями земного глянуло спасеніе!

Губы мои приближаются
Къ твоимъ губамъ,
Таинства снова свершаются
И міръ какъ храмъ.

Мы какъ священно-служители,
Творимъ обрядъ,
Строго въ великой обители
Слова звучатъ.

Ангелы, ницъ преклоненные
Поютъ тропарь
Звѣзды—лампады зажженныя
И ночь—алтарь.

Что насъ влечетъ съ неизбѣжностью
Какъ сталь магнитъ?
Дышимъ мы страстью и нѣжностью
И взоръ закрытъ.

Водоворотомъ мы схвачены
Послѣднихъ ласкъ
Вотъ онъ, отъ вѣка назначенный
Нашъ путь въ Дамаскъ.

Но есть и другое—таинственное и непознанное, но не менѣе прекрасное, чѣмъ всякій пантеизмъ, всякая радость. Это—тѣ минуты, когда женщина выпила всю душу, всѣ силы и всю возможность жизни, тѣ минуты, когда разрушается мозгъ и сквозь жалкій бредъ сознанія вспыхиваютъ отсвѣты какой-то новой надежды, какого-то непонятнаго предчувствія, предчувствія того, что весь міръ умретъ и отъ этого станетъ легко и блаженно! Тогда начинается медленная агонія и слышно, какъ поютъ въ тишинѣ давно знакомые голоса, тогда мокрую отъ слезъ пелену усталости изрѣзываютъ искаженныя лица, грустныя и бѣлыя, какъ снѣгъ, отчаянно бѣлыя и машутъ руками, и зовутъ, и создается настроеніе неизмѣримой легкости, но желаніе не гаснетъ, а вспыхиваетъ пожаромъ, безумное желаніе убить тоску, которая и въ эту минуту выше всего!

Тогда пожалуй и женщина, и вѣчно женственное не спасутъ! Но не бѣда, есть воображеніе и фантазія для того, чтобы выдумать себѣ новую женщину, болѣе сильную и болѣе спасительную, имя которой—смерть.

И пусть приходитъ тогда и тѣшится надъ влюбленнымъ трупомъ, вѣчно прекрасная.

И когда меня ты убьешь,
Ты надѣнешь бѣлое платье,
И свѣчи у трупа зажжешь
И сядешь со мной на кровати.

И будемъ съ тобой мы одни
Среди безмолвія ночи,
Лишь будутъ змѣиться огни
И глядѣть мои тусклыя очи.

Потомъ заструится разсвѣтъ
И окна окраситъ кровью,
И ты засмѣешься въ отвѣтъ
И прильнешь къ моему изголовью.

Что будетъ потомъ—Брюсовъ не боится!... Онъ знаетъ только, что „красота и смерть неизмѣнно одно“. Онъ создалъ мистику любви, онъ полюбилъ ее какъ поэтъ, но въ его творчествѣ есть намеки, родственные намъ, намеки, побуждающіе его бросить всякую мистику, и всякую женщину въ вѣчность, и идти туда, гдѣ зарождается хаосъ и смерть міровъ.

Дальше, все дальше! Отъ счастья до муки,
Въ ужасы, въ бездну, во тьму!

. . . .

Повѣсть Брюсова: „Послѣднія страницы изъ дневника женщины“, которая вызвала столько толковъ въ печати,—я считаю чуть-ли не единственнымъ цѣннымъ вкладомъ въ литературу изъ всего, что писалось у насъ о женщинѣ... Здѣсь Брюсовъ проникъ въ то святое святыхъ, о которомъ знаетъ только женщина, здѣсь его психологическій анализъ помогъ ему нарисовать такой законченный, такой яркій и живой образъ женщины, какой намъ едва-ли случалось встрѣчать за послѣднее время!.. Здѣсь женщина какъ бы вырвана изъ жизни, женщина-красавица, жестокая и хищная въ любви, бездонно таинственная въ своей загадочной сущности, величе-

ственная Царица, ради которой жертвуютъ жизнью и свершаютъ преступленья, та мучительно прекрасная Царица пытокъ, что сквозитъ однимъ и тѣмъже настроеніемъ въ его стихахъ, та, о которой такъ великолѣпно сказалъ Бодлэръ: „Машина страшная, глухая и слѣпая,—спасительный вампиръ, сосущій кровь земли!“... Холодной стѣной равнодушія, того врожденнаго равнодушія, которое присуще только женщинѣ,—она окружила себя отъ людей, отъ внѣшней жизни, отъ мужа, отъ любовниковъ. Властно и гордо, ничуть не смущаясь—она взяла въ свои руки души тѣхъ, которые ее любятъ, и терзаетъ ихъ такъ, какъ можетъ терзать только Владычица! Тѣхъ, что идутъ на ея удочку—плѣненныхъ ея красотой, влюбленныхъ въ нее безъ ума—принимаетъ одинаково, принимаетъ всѣхъ, безъ разбора, отдается всѣмъ, даже какому-то пьяному ловеласу, котораго встрѣчаетъ на улицѣ, отдается всѣмъ, но въ сущности—никому, ибо никому не можетъ отдаться всецѣло, ибо не можетъ быть ничьей рабой, ибо всюду и вездѣ *сама* только беретъ все, беретъ до дна, выпиваетъ всю душу, всю жизнь, всю кровь, и съ мокрыми отъ крови выпяченными губами ненасытнаго вампира—смотритъ русалочьимъ взглядомъ въ тусклую даль, вся—ожиданіе, вся—призывъ, вся мечта о томъ, что не придетъ никогда, чего нѣтъ, чего быть не можетъ!.. И смѣется надъ грезой своей... а можетъ быть грезы-то вовсе и нѣтъ... Можетъ и души нѣтъ, а есть только красивое до умопомраченія тѣло и въ тѣлѣ—извѣчный, проклятый обманъ?!..

Она въ смѣхѣ холодномъ, какъ въ крѣпкой, стальной бронѣ!.. И сильный, безстрашный Модестъ, который убилъ ея мужа, чтобы овладѣть ею всецѣло,

который ради этой мечты отдалъ всю жизнь, и безумно влюбленный, нѣжный Володя—не могутъ удовлетворить ее, не могутъ заставить полюбить самозабвенно, на всю жизнь, она внѣ этого круга, она принимаетъ всѣ жертвы, всѣ проклятья, всѣ молитвы съ холоднымъ безстрастьемъ той Царицы изъ дальнихъ вѣковъ, которая, играя какъ игрушками и Цезаремъ и Антоніемъ, чуть не сдѣлалась владычицей всего міра—Клеопатры! Она любитъ эти любви, поверженныя у ея ногъ, любуется ихъ оттѣнками и переливами, она любитъ ихъ страсть и сама отдается страсти, но на одно лишь мгновенье, и даже въ минуты ласкъ остается наблюдательной и себѣ на умѣ, какъ скользкая, золотисто-прекрасная гадина, съ любопытствомъ наблюдающая муки жертвъ, бьющихся въ ея упругихъ, страстныхъ объятьяхъ! И только потому, что не принимаетъ никакого участья въ ихъ мученьяхъ, потому что сама далека и даетъ лишь упоительную пытку и на всѣ мольбы проникнуть въ ея душу,—отвѣчаетъ холоднымъ блескомъ затуманенныхъ глазъ, потому—она Царица, а они—рабы!.. Можетъ быть безсознательно она овладѣла секретомъ, на которомъ держится весь міръ, что жестокость и страданье есть единственная сила, которую люди любятъ, ради которой живутъ! Если бы не было страданья, любовь-бы умерла. Ибо любовь есть боль. Даже одинъ изъ медиковъ нашего времени дѣлаетъ такое любопытное признаніе: „Жестокость играетъ величайшую роль въ личной жизни индивидума и въ культурной всего человѣчества. Она даетъ намъ возможность заглянуть въ сокровеннѣйшія тайны человѣческой души и являетъ собою замѣчательную иллюстрацію той связи, которая су-

ществуетъ между примитивно-животными инстинктами сѣдой древности и высшей духовной жизнью нашего времени. Она углубляетъ любовь и затрагиваетъ самыя темныя стороны нашего существа". (Ив. Блохъ. „Половая жизнь нашего времени"). Героиня Брюсова жестока, потому что такова ея природа и потому, что ей нравится и любовь, и страсть, и преступленье, которое создала ея красота. Никакой глубины въ этомъ всемъ она не видитъ, можетъ быть, это вообще замѣчательно вѣрно схваченное женское качество: она можетъ прекрасно играть роль глубокой, но на самомъ дѣлѣ эта глубина больше искусственная, театральная, которую женщина должна поневолѣ симулировать въ угоду мужчинамъ, которые ей навязываютъ эту глубину, которая ей въ сущности не нужна! И вотъ именно такія-то въ мужчинѣ и углубляютъ любовь, и доводятъ ее до безумія, до слѣпого отчаянія, до самоубійства, до преступленья, и чѣмъ красивѣе женщина и ограниченнѣе, тѣмъ любовь сильнѣе... И не женщина здѣсь виновата, а міровой законъ жестокости, ибо человѣкъ любитъ боль до самозабвенья, и чѣмъ больше его мучаютъ, чѣмъ больше не понимаютъ, тѣмъ сильнѣе любитъ, тѣмъ безумнѣе кричитъ душа его въ то пустое пространство, которое зовутъ женской душой!

Бѣдный мальчикъ Володя умѣетъ любить, онъ вѣдь отдалъ ей всю жизнь, бросилъ для нея любимое дѣло, самозабвенно любитъ, но этимъ не можетъ достичь того, чтобы она бросила Модеста... Ужъ такова она отъ рожденья, такой ее видѣлъ Брюсовъ въ своихъ поэтическихъ снахъ, когда закутанная въ пеплумъ бѣлый она хищной куртизанкой на берегу морскомъ подстерегала прохожихъ! Ибо она

развратна, что и говоритъ, сама сознается въ этомъ, но это ея вторая натура и женой Синяго Бороды она быть не можетъ! И съ какой коварной улыбкой она слушаетъ вопли Володи, который отдаетъ ей всю свою жизнь!...

„Я былъ счастливъ своей работой, и у меня было удовлетвореніе въ сознаніи, что жизнь моя нужна на что-то! Ты меня вырвала изъ этого міра, ты меня, какъ сирена, зачаровала своимъ голосомъ и заставила сойти съ моего корабля. Что же ты мнѣ дала взамѣнъ? Жизнь, которая любовь ставитъ въ центръ міра, какъ божество, а потомъ самую эту любовь подмѣшиваетъ лицемѣріемъ, фальшью, притворствомъ! Ты научила меня жить однимъ чувствомъ, а сама вмѣсто чувства давала мнѣ искусную ложь! Ты постепенно коварствомъ и ласками довела меня до того, что я сталъ твоимъ альфонсомъ! Мнѣ страшно встрѣчаться съ прежними друзьями. Я стыжусь своей жизни, своего лица, своихъ рукъ“...

Что отвѣтить! Коварно щурятся зеленые кошачьи глаза, походкой тигра—легкими, упругими, зыбкими шагами ходитъ около валяющагося на полу въ бѣшеномъ изступленіи Володи, искрится среди паники безумія холодный матовый смѣхъ! Ей все это смѣшно и не этого она хочетъ, ей хочется, чтобы мужчина бралъ отъ нея, что хочетъ и уходилъ поскорѣе и чтобы на мѣсто его былъ другой, а за нимъ—третій, и чтобы это не носило характера трагедіи, а было страстной игрой разбушевавшихся инстинктовъ, такъ она привыкла отъ вѣка,—и когда въ бѣломъ пеплумѣ заманивала матросовъ, и когда Клеопатрой заставляла мужчинъ сражаться предъ нею

за ночь любви! И тихимъ шелестомъ бѣлаго лотоса падаетъ изъ міра древняго въ нашу жизнь—нѣжному Володѣ признаніе или ложь: „я любила тебя, мальчикъ“!

Но тѣ времена, времена беззакатнаго солнца Эллады, времена орфическихъ таинствъ и свободной любви, освященный богами, въ храмахъ, прошли, безвозвратно прошли, а на мѣстѣ культа прекраснаго и свободнаго тѣла—узкія сѣти культурной лжи, въ которыхъ такъ смѣшно, такъ безсильно барахтается человѣкъ—животное, человѣкъ—рабское извращеніе врожденныхъ инстинктовъ—въ угоду морали, долга, предразсудковъ, всего, что было чуждо *тогда*, въ ослѣпительномъ блаженствѣ временъ, которыя прошли, невозвратно прошли! Теперь человѣкъ требуетъ рабства во имя любви, рабства на всю жизнь, какъ будто можно овладѣть душой другого, рабства съ пеленками, съ кухоннымъ запахомъ, съ дрязгами, съ ненавистью, съ отвращеньемъ, которое водворяется на мѣстѣ любви, съ неизмѣннымъ торжествомъ пошлости, съ игомъ постыднымъ и тяжкимъ, какъ вся эта жизнь!.. Все ниже, все ниже опускаются рѣсницы ея на пылающія ненавистью глаза, и снова слетаетъ изъ далекихъ временъ тихій шелестъ бѣлаго лотоса на тяжкій, непонятный бредъ здѣшней любви:—„Я любила тебя, мальчикъ“!

Больной, неразрѣшимый вопросъ затрагиваетъ здѣсь Брюсовъ, вопросъ не одного нашего времени, вопросъ вѣковъ, вопросъ о томъ, можно ли въ любви всецѣло овладѣть душой другого такъ, чтобы она уже не была чужой!.. Но вопросъ вѣдь остается безъ отвѣта, и для женщины Брюсова всѣ чужіе, даже въ

любви! Всѣ чужіе, и поэтому всѣ одинокіе,—въ самый великій часъ, когда кажется—два существа слились въ одну гармонію—чужіе, далекіе... Любовь,—это вѣдь призывъ души къ тому неизвѣстному, котораго ждутъ всю жизнь и который стоитъ за черной завѣсой жизни, знаешь, что только онъ одинъ—божество, онъ одинъ—спасенье, но всѣ реальные люди, которые надѣваютъ его маску, не онъ, не тотъ, ради котораго рождена душа, все и всѣ—лишь тѣни его, лишь намеки, а онъ—только безнадежная скорбь усталаго сердца, только мечта! И не оттого-ли Брюсовская женщина отталкиваетъ всѣхъ и никому не можетъ отдать своей жизни, что всѣ, которыхъ она любила и любитъ—только тѣни того единственнаго, желаннаго и неизвѣстнаго, который не придетъ никогда, который—мечта? Всюду ищетъ душа знакомаго лика, въ радужной смѣнѣ лицъ, ласкъ и восторговъ тоску свою больную и истерзанную распинаетъ въ безсильи, пусть кружится, кружится міръ, переломляясь во множествѣ цѣлуемыхъ глазъ, пусть множится и разсыпается лепестками усталыми чудный цвѣтокъ мечты, намъ дана лишь одна реальность!.. И чѣмъ сильнѣе, чѣмъ безумнѣе любовь—мечта все дальше, все гуще туманы тоски, а вокругъ просятся въ душу самые обыденные, самые скучные люди, а вокругъ все одно и то-же, изо дня въ день, то, что было, что будетъ всегда!

И въ любви одиночество. Но одиночество, возносящее на вершины, одиночество, распаляющее душу въ жаждѣ обнять и задушить въ своихъ объятьяхъ весь міръ! И убившему себя Володѣ, и убившему мужа Модесту, и множеству мужчинъ, стоящихъ за ними, и земной любви—рабской и узкой,

она отвѣчаетъ однимъ признаніемъ: „Такой меня создалъ Богъ или жизнь, и я хочу оставаться сама собой. Мнѣ, какъ спутникъ, какъ другъ, какъ любовникъ, нуженъ человѣкъ, который былъ бы способенъ меня понимать всю, отвѣчать на всѣ запросы моей души! Если нѣтъ такого одного, мнѣ нужно двоихъ, троихъ, пятерыхъ, почемъ я знаю, сколько! Пусть онъ, Владиміръ, усложняетъ и возвышаетъ свою душу, пусть онъ дорастетъ до меня, пусть онъ одолѣетъ меня въ поединкѣ любви,—и я буду рада оказаться побѣжденной. Но поддаваться, или притворяться побѣжденной, я не хочу!“...

Итакъ, любовь—роковой поединокъ. И кто скажетъ, что въ этихъ словахъ Брюсовъ не правъ? И его женщина—это именно та жестокая и властная владычица, которая сама привыкла побѣждать, но, когда ее побѣждаетъ мужчина,—она покоряется, она дрожитъ въ страстной истомѣ, она блаженствуетъ, въ тайникахъ души своей—загадочной и странной, ненавидя своего побѣдителя и готовя ему злую, коварную месть! Таинственная смѣсь первобытной звѣрности съ современностью—соединяется въ ней еще съ загадочностью сфинкса, съ развращенностью куртизанки, съ грубостью и деспотизмомъ древнихъ ассирійскихъ, египетскихъ царицъ и очаровательною покорностью тѣхъ рабынь-эфіопокъ, которыя въ одномъ изъ его стихотвореній отравили свою повелительницу! Брюсовъ любитъ подстерегать женщину въ минуту страсти,—и эта страсть у него изображена съ какой то демонической силой, это страсть Карамазовская, сжигающая, сверхчеловѣческая, на днѣ которой—преступленье, на днѣ которой—черная и холодная смерть!

Я видѣлъ женщину. Кривясь отъ мукъ,
Она безстыдно открывала тѣло,
И каждый стонъ ея былъ дикій звукъ.
Ея лицо отъ боли посѣрѣло,
Шла кровь изъ сдавленныхъ зубами губъ,
Съ упорной яростью она глядѣла,
И смыслъ рѣчей ея былъ страшно грубъ.
Когда порой ея слабѣли схватки,
Она молчала тягостно, какъ трупъ.
И послѣ вновь металась въ лихорадкѣ,
И мучась, вся вытягивалась вновь,
И, видимо, ей всѣ казались гадки.
Въ ней все угасло—разумъ и любовь,
Хотѣлось одного: уйти отъ боли...
Пьянящимъ запахомъ царила кровь.
О дѣвушки! О, мотыльки на волѣ!
Васъ на балу звенящій вальсъ влечетъ,
Вы въ нашей жизни какъ цвѣты магнолій!
Но каждая узнаетъ свой чередъ,
И, корчась, будетъ припадать на ложе,
Глаза сжимая, искривляя ротъ...
Всѣ станете звѣрями—тоже! тоже!

Но, какъ у Достоевскаго, реальность Брюсовскихъ женщинъ, воплощенная въ чудесную, пластическую, поющую упругимъ ритмомъ форму, неразлучна съ тѣми неземными, полными божественнаго безумія чертами, которыя вселяютъ въ душу и благоговѣніе, и восторгъ, и идею бездонности прозрачной и синей, какъ въ апрѣльскій день весенняго чуда!.. И въ тѣхъ кровавыхъ, часто кошмарныхъ оргіяхъ страсти, и въ мукахъ земли, и въ мучительныхъ надрывахъ пола,—у него все же, несмотря на преобладаніе жгучихъ формъ тѣлесности, въ женщинѣ мы находимъ мистическій элементъ, то, что окружаетъ женщину сіяніемъ алмазно-чистымъ, пламенно-скорбнымъ, то, что Данте преобразилъ въ единую

мечту, то, ради чего Вертеръ бросился въ океанъ забвенья, что у Ал. Блока приняло чудотворный ликъ Прекрасной Дамы, то, что на языкѣ поэтовъ, на днѣ душъ, опьяненныхъ экстазомъ, въ часъ великаго чуда всей жизни носитъ странно-звучное имя: Беатриче!

Беатриче!... Не идея, не умственная мудрость—Софія—безстрастно философическая, нѣтъ, это—рыданіе, рыданіе души, увидѣвшей въ праздникѣ плоти печальный конецъ, увидѣвшей въ ея побѣдѣ муку невыносимую и страшную, муку не по силамъ, муку, идущую къ Богу путями невѣдомыми, въ паденіяхъ, порокахъ, въ развратѣ пьяномъ, въ позорахъ земли черной и угрюмой, повисшей въ вѣчности на проклятыхъ тяжелыхъ цѣпяхъ!...

Беатриче! Восторгъ и печаль безотвѣтной любви, когда какъ икону, воздвигаешь на крыльяхъ блаженства страданье души—дѣтской и мудрой безумно!... Беатриче! Въ страстныхъ вопляхъ ниспадающихъ земныхъ одеждъ, за усталыми гранями тѣлеснаго,—внезапный, пурпурно страстный возгласъ „осанна!“,—и вся жизнь сожжена, и багряными свитками пламени рушится въ бездну, гдѣ Демонъ жуткій, прекрасный, печальный манитъ въ подземныя глуби нездѣшнихъ надеждъ!... Беатриче! Во тьмѣ умиранія и терній—магическій символъ возврата къ райскимъ напѣвамъ, къ преображенію дней утомленныхъ, дней черныхъ, мрачныхъ—въ чертоги небесъ!...

Въ той женщинѣ, что душу художника разрываетъ когтями кровожаднаго тигра, женщинѣ Бодлэра, Брюсовъ нашелъ свой обликъ, это она манитъ его въ пучину страсти, это она говоритъ эти безум-

ныя, эти вѣчныя слова о любви, о бѣдномъ сердцѣ любви, принесенномъ въ жертву ей:

Онъ дышетъ мной! Я идоловъ античныхъ
Хочу собой для міра воскресить!
Вся въ золото одѣнусь; благовонный
Заставлю нардъ мнѣ жечь и фиміамъ;
Въ его душѣ колѣнопреклоненной
Какъ божеству себѣ воздвигну храмъ.

А, утомясь кощунственой забавой,
Я коготь свой безумцу покажу
И въ грудь вонзивъ, со смѣхомъ путь кровавый
Какъ гарпія до сердца проложу.
И это сердце розовое выну,
Какъ изъ гнѣзда дрожащаго птенца
И на обѣдъ любимой кошкѣ кину,
И трепетомъ упьюсь его конца!

Но и здѣсь сказалась душа поэта, душа женственности, душа любви: эту жестокую, демоническую женщину знаетъ Брюсовъ лишь какъ реальность земли, какъ тяжелую форму, тяготѣющую надъ жизнью художника вѣчной трагедіей! Но любитъ онъ не ее—не эту,—въ трагической маскѣ насмѣшку бездушнаго тѣла, которое вдохновеніе его превращаетъ въ храмъ, нѣтъ, это только маска одна, только то, что видятъ всѣ и зовутъ привычнымъ понятіемъ: женщина земная! На самомъ же дѣлѣ онъ любитъ другую, ту, что просвѣчиваетъ во многихъ лицахъ, что имѣетъ много измѣнчивыхъ обликовъ и видѣній, но вѣчно одна, отъ вѣка едина, во множествѣ напѣвовъ одинъ основной напѣвъ, въ многообразіи страстей—одна непорочная страсть, Дѣва-кумиръ,— *Беатриче!* И здѣсь снова воскресаетъ странная загадка любви и женщины, ненайденный смыслъ, безъзакатный свѣтъ, вѣчно лазурная молодая весна! Лю-

бимъ красоту земную, глаза, черты, голосъ, движенія, но откуда же эта щемящая и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣзненно сладостная тоска, рождающая въ душѣ смутное воспоминаніе о какой-то безумной жизни, невозвратной, о какомъ-то невыносимомъ, но чисто святомъ счастьи—навѣки утраченномъ, о какомъ-то Ликѣ чудесномъ, бездонно прекрасномъ, но уже забытомъ, забытомъ навѣки, оставившемъ только одно томленье, только однѣ слезы восторга и боли, только одну безнадежность Мечты?!

Какъ сладостно на голосъ Красоты,
Закрывъ глаза—стремиться въ безнадежность,
И бросить жизнь въ кипящую мятежность!
Какъ сладостно сгорѣть въ огнѣ мечты,
Въ безумномъ снѣ, гдѣ слиты „я“ и „ты“,
Гдѣ ранитъ на смерть лезвеями нѣжность!

Этотъ Ликъ—неизмѣнный, похороненный еще до рожденія, но всегда воскресающій, всегда единственный и желанный, является поэту во дни его юности, во дни весны безмятежной и сказочной, въ чарахъ первой любви, оставляющей слѣдъ навсегда!

Я измѣнилъ, но ты не измѣнила,
Лишь отошла, поникнувъ головой,
Когда меня смутила злая сила.

О, какъ я могъ пожертвовать тобой!
И женщинѣ изъ плоти и изъ крови
Какъ предпочелъ небесный образъ твой!

Но лишь съ тобой мнѣ счастье было вновѣ.
Въ часы луны, у перепѣвныхъ струй,
На ложѣ—у палящихъ изголовій,

Прильнувъ къ груди, впивая поцѣлуй,
Невольно я тебя искалъ очами,
Тебя я жаждалъ!... Вѣрь и не ревнуй!

Попрежнему твой ликъ виталъ надъ снами!
Кого-бъ я ни ласкалъ, дрожа, любя,
Я счастливъ былъ лишь тайными мечтами,—
Во всѣхъ, во всѣхъ лаская лишь тебя!

Быть можетъ, любовь,—лишь одно воспоминаніе объ утраченной божественности человѣка—тамъ, въ вѣкахъ!? Быть можетъ, странныя предчувствія, весеннія грезы, необъяснимыя чары, боль отъ тоски и жажда тоски—лишь повторенія образовъ утраченнаго рая въ круговоротѣ временъ? И быть можетъ *Она* живетъ въ душѣ и, когда засыпаетъ сознаніе,—дышетъ въ лицо ароматомъ тѣхъ странныхъ, забытыхъ цвѣтовъ, что сорвала желѣзная рука пошлой и постылой жизни?... И бываютъ странныя встрѣчи, жуткія встрѣчи, когда міръ вдругъ просвѣчиваетъ неземною далью, и бѣлыя крылья души рвутся въ эти дали, и просятъ возврата, и просятъ забвенья, отдыха, конца, лишь бы вернулось хоть на мигъ одинъ то таинственное и жуткое бытіе въ мірахъ невѣдомаго царства, на блаженной, на невозвратной землѣ!

Близъ медлительнаго Нила, тамъ, гдѣ озеро Мерида
въ царствѣ пламеннаго Ра,
Ты давно меня любила, какъ Озириса Изида, другъ,
царица и сестра!
И клонила пирамида тѣнь па наши вечера.

Вспомни тайну первой встрѣчи, день, когда во храмѣ
пляски увлекли насъ въ темный кругъ,
Часъ, когда погасли свѣчи, и когда, какъ въ странной
сказкѣ, каждый каждому былъ другъ,
Наши рѣчи, наши ласки, счастье, вспыхнувшее вдругъ!

Развѣ ты, въ сіяньи бала, легкій станъ склонивъ мнѣ
въ руки, черезъ завѣсу временъ,
Не разслышала кимвала, не постигла гимновъ звуки
и толпы отвѣтный стонъ?
Не сказала, что разлуки —конченъ, конченъ долгій сонъ!

Наше счастье—прежде было, наша страсть - воспоминанье, наша жизнь—не въ первый разъ,
И за временной могилой, неугасшія желанья съ прежней силой дышатъ въ насъ,
Какъ близъ Нила, въ часъ свиданья, въ роковой и краткій часъ!

Онъ ищетъ ее всюду, какъ ищутъ чуда, средь пьяныхъ ласкъ жизни, средь пожаровъ страстей. Она навѣваетъ глубокіе сны и ледяной, неподвижной вширущей проникаетъ къ нему, и даритъ мертвый ужасъ такихъ необычныхъ, такихъ страшныхъ ласкъ, что послѣ этого онъ чуждъ всѣмъ женщинамъ земнымъ. А вотъ, на улицѣ, сойдя съ конки, въ стальномъ вихрѣ уличной суеты она снова идетъ къ нему навстрѣчу, опьяняя безумнымъ восторгомъ, какъ и тогда, на балу. Царица неземная въ формѣ земной, преходящей, снова приходитъ затѣмъ, чтобы влить ядъ тоски неизлѣчимой, надолго, до новой встрѣчи съ нею -единственной—Прекраснoю Дѣвой—Беатриче!

Съ конки сошла она шагомъ богини
(Лилія бѣлая, взросшая въ тишѣ)
Долго смотрѣлъ я на правильность линій
Молодого лица.
Сумракъ холодный лежалъ безъ конца,
Небеса были звѣздны и сини.

Она подняла накидку на плечи.
Я оскорбить не осмѣлился встрѣчи,
Были ненужны и тягостны рѣчи
Здѣсь на землѣ!
Контуръ ея затерялся во мглѣ.
Горѣли кругомъ погребальныя свѣчи.

Да! Я провидѣлъ тебя въ багряницѣ,
Въ золотой діадемѣ... Надменной Царицей
Ты справляла тріумфъ въ покоренной столицѣ...

Чу! Крики безчисленныхъ устъ!
Нѣтъ, тротуаръ озаренный безмолвенъ и пустъ,
Лишь фонари убѣгаютъ впередъ вереницей.

Такова любовь: круговоротъ мучительныхъ исканій чуда въ линіяхъ померкшихъ, въ формахъ усталыхъ, въ тяжкомъ дыму чадной, надрывающей душу тоски! И счастливъ тотъ, кто въ этой жизни поэтъ: онъ можетъ творить чудеса, и даже ту тоску, отъ которой задыхаются люди, отъ которой сходятъ съ ума, поэтъ можетъ облечь въ серебристыя одежды мечты своей—прекрасной и чудной! Это мечта о невозможномъ, о можетъ быть навсегда закрытыхъ царскихъ вратахъ безумно желаннаго алтаря, за которыми стоитъ чудо! И если даже нѣтъ его, а есть лишь одна о немъ молитва, то развѣ не прекрасна она, развѣ тотъ восторгъ, который въ ней— можетъ съ чѣмъ либо сравниться? Развѣ слова ея слова грусти и наслажденья грустью,—не покоряютъ душу вѣчнымъ своимъ смысломъ, смысломъ святой и великой любви:

Царица думъ и всѣхъ желаній! Ты
Не явишь лика. Взоровъ безмятежность
Мнѣ не покажешь. Ты не примешь нѣжность
Моихъ усталыхъ губъ. Ты „безнадежность“
Дашь мнѣ девизомъ. Тайну Красоты
Дано мнѣ знать лишь въ призракѣ мечты...

И буду я надъ пропастью мечты
Стоять, склоняясь, повторяя: „ты?“
Любуясь ликомъ вѣщей красоты.
И пусть звучитъ въ моихъ стихахъ мятежность!
Тамъ вся любовь, вся страсть моя, вся нѣжность,—
Но ихъ, смѣясь, вѣнчаетъ Безнадежность.

III.

Всякій узнаетъ, что онъ смертенъ весь, безъ воскресенія, и приметъ смерть гордо и спокойно, какъ богъ. Онъ изъ гордости пойметъ, что ему нечего роптать за то, что жизнь есть мгновенье, и возлюбитъ брата своего уже безъ всякой мзды. Любовь будетъ удовлетворять лишь мгновенію жизни, но одно уже сознаніе ея мгновенности усилитъ огонь ея настолько, насколько прежде расплывалась она въ упованіяхъ на любовь загробную и безконечную. *Достоевскій.*

И крикъ восторга въ небо кинетъ
Моя сожженная душа!
Валерій Брюсовъ.

Можно любить жизнь, какъ самую сущность, или какъ форму, можно любить жизнь и съ людьми и безъ людей, хотя съ людьми—безконечно трудно, иногда невозможно!... Жизнь отвлеченную отъ людей, жизнь какъ идею, но идею такъ сказать, тѣлесно воплощенную, осязательную,—Достоевскій понялъ можетъ быть какъ никто—глубоко и кровно, и когда открылась предъ нимъ страшная глубина ея, она, *только она* и опьянила и отравила его, а люди, а все внѣшнее, ненужное, преходящее,—отступило на второй планъ. Людей и дѣйствительность онъ былъ въ силахъ преобразить, создать по своему подобію, сдѣлать таки-

ми, какими они были ему нужны, ибо онъ былъ великій творецъ!... Это не значитъ, однако, что онъ игнорировалъ эту внѣшнюю человѣческую жизнь, или, какъ многіе, носящіе названіе поэтовъ,—проходилъ мимо нея съ гордымъ видомъ мнимаго побѣдителя,—нѣтъ, эта-то внѣшняя, ежедневная, человѣческая жизнь и истерзала и истомила, и надорвала его душу, изъ этого-то страданья онъ и приготовилъ себѣ опьяняющій ядъ *преображающаго* творчества! Кто ищетъ смысла жизни, тотъ можетъ запутаться, больно и безумно запутаться, а какъ начнетъ распутывать то, что напуталось въ этомъ исканіи,—то тутъ ужъ, если онъ захочетъ быть справедливымъ и искреннимъ до конца, не миновать сумасшедшаго дома,—и на это ухлопывается не одна жизнь, особенно жизнь русской души, русской по преимуществу! Жизнь Достоевскаго была необычайно многообразна, не было человѣка, который бы прошелъ сквозь такое множество самыхъ противоположныхъ, самыхъ разнообразныхъ между собой переживаній! Но въ то время, когда онъ искалъ этого смысла, этого таинственнаго неизвѣстнаго русской души, въ результатѣ рождались двѣ одинаково ядовитыя и одинаково убійственныя идеи: идея проклятія и идея Бога!... Исканіе и искательство могутъ въ конечномъ счетѣ давать только эти никому ненужные и во всякомъ случаѣ,—довольно плачевные результаты! Но въ промежуткахъ между этими переживаніями, а иногда въ теченіе цѣлыхъ періодовъ жизни Достоевскій просто и непосредственно принималъ самоё жизнь, какъ таковую, принималъ инстинктъ, принималъ любовь, принималъ женственность, какъ основной нервъ сущаго, какъ томительную и таинственную душу міра,—и вотъ тогда-

то въ его творчествѣ появлялись самые роскошные, самые жизненные ростки, изъ которыхъ удалось ему создать подъ конецъ, пышный и жгучій букетъ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ"! Въ этомъ, я бы не сказалъ принятіи жизни, а ея ощущеніи и воспріятіи, не было ничего предвзятаго, ничего догматическаго, все это свершалось посредствомъ дара интуиціи и интуиціи геніальной, вотъ отчего картина жизни не была только картиной, а—психологической симфоніей вселенной, въ которой можно найти больше поучительнаго и любопытнаго, чѣмъ это кажется на самомъ дѣлѣ!...

И кто знаетъ, можетъ быть, въ этой именно мукѣ жизни, въ этомъ геніальномъ проникновеніи къ самымъ сокровеннымъ, къ самымъ основнымъ источникамъ бытія, въ этихъ полубредовыхъ, полукошмарныхъ переживаніяхъ въ сферѣ любви, страсти, похоти и грѣха,—Достоевскій безсознательно, ощупью находилъ какой-то высшій смыслъ, какое-то новое метафизическое оправданіе міра, только на этотъ разъ это не была *польза* отъ вновь найденныхъ истинъ, это было что-то далеко стоящее отъ всякой пользы, какова бы она ни была жизненная, или философская, это было нѣчто невысказанное и вмѣстѣ съ тѣмъ драгоцѣнное до болѣзненности,—быть можетъ красота, быть можетъ—новоявленное чудо земли!...

Явленіе характерное и мало извѣстное профессіональнымъ философамъ: чѣмъ меньше мучаешься надъ загадками жизни, чѣмъ меньше думаешь, а больше живешь, больше переживаешь, больше любишь и больше страдаешь, тѣмъ яснѣе и глубже начинаешь понимать самоё жизнь!!... И какими безсильными и смѣшными тогда кажутся всѣ въ потѣ лица

изготовленныя системы, теоріи и догматы, какимъ ненужнымъ и жалкимъ кажется этотъ „умственный", житейскій и философскій грузъ, который земля въ безконечномъ круженіи своемъ испепеляетъ въ прахъ, исчезающій въ вѣчности! Чѣмъ больше напрягаетъ человѣкъ свой узкій мозгъ, выжимая изъ него несчастныя крупицы истинъ, которыя давно ужъ были, давно изношены, давно истлѣли, тѣмъ больше онъ несчастенъ въ своей самоувѣренности! А вотъ предъ нимъ стоитъ сама загадочная и въ глубинѣ глубинъ все же прекрасная *жизнь*, и манитъ въ неизвѣданныя чертоги, въ непроходимыя дѣвственныя свои чащи! И все равно—проклинаетъ ли ее человѣкъ, или осмысливаетъ, или освящаетъ, она все такъ же загадочна, все такъ же безотвѣтна, все такъ же мучительно и жестоко прекрасна!... И вотъ въ нѣдрахъ ея стоятъ неподвижно какъ сфинксы, тѣ три загадки, мимо которыхъ не въ силахъ пройти ни одинъ человѣкъ, тѣ три завѣтныя и священныя тайны, предъ которыми въ ужасѣ трепещетъ душа: любовь, грѣхъ, преступленіе!

Полная біографія Достоевскаго— дѣло будущаго. Она кое-что покажетъ, кое-что разъяснитъ, во всякомъ случаѣ это будетъ довольно непріятный сюрпризъ всѣмъ любящимъ добро, всѣмъ „истиннымъ христіанамъ". Но мнѣ кажется, что такой біографіей иногда можетъ быть и самое творчество писателя, его книги и то, что въ нихъ... А Достоевскій въ книгахъ своихъ воплотился весь, больше, чѣмъ какой либо другой писатель, вѣдь книги эти—это его жизнь, его сокровенная тайна, его плоть и кровь, вотъ отчего онѣ такъ потрясаютъ, вотъ отчего глубина ихъ неизмѣрима и цѣнность ихъ вѣчна!

То, что теперь зовутъ „карамазовщиной",—это можетъ-быть самая богатая сторона жизни и творчества Достоевскаго, во всякомъ случаѣ, сторона еще мало освѣщенная и мало извѣстная! То, что сконцентрировалось въ братьяхъ Карамазовыхъ и ихъ отцѣ,- мучило Достоевскаго всю жизнь, мучило не меньше. чѣмъ Богъ!

Что это было? —сказать нельзя, или вѣрнѣе нельзя сказать, не опошливъ, не исказивъ того, что не поддается точному опредѣленію, что есть, можетъ быть, сама жизнь, сама ея дымящаяся внутренность! Но дѣло-то вовсе и не въ опредѣленіи... Здѣсь цѣлое море самыхъ многообразныхъ переживаній, здѣсь лабиринтъ безъ выхода, здѣсь жуткая чаща извѣчныхъ таинъ—непроходимая! Достоевскому было дано откровеніе, что *„красота міръ спасетъ"*, это откровеніе таилось внутри „карамазовщины", оно было подземнымъ динамитомъ, повлекшимъ за собой бурные потоки горячей лавы, сжигающей своимъ палящимъ жаромъ весь этотъ міръ, міръ души одинокой и внѣжизненной, потому что познавшей жизнь слишкомъ по божественному, а не по человѣчески!

Да, это красота! — думаешь, созерцая созданные Достоевскимъ образы, какъ напримѣръ образы Настасьи Филипповны, Грушеньки,—но сколько въ ней муки, сколько трагическаго! Что-то неукладывающееся въ рамки обыденщины, что-то истинно богочеловѣческое, что-то истинно религіозное прошло сквозь эту красоту и возвысило ее до какихъ-то застывшихъ въ вѣчности символовъ!...Вдумываясь въ психологію этихъ лицъ, всматриваясь въ ихъ поражающія черты, невольно приходишь къ мысли, что можетъ быть въ нихъ воплотился крикъ души ху-

дожника, но крикъ не человѣческій, крикъ обезумѣвшаго восторга, что эти лица впитали въ себя его кровь, его душу, его любовь, что этотъ надрывъ влюбленности далъ имъ какую-то *вѣчную* жизнь, и что вслѣдствіе этого они перестали быть людьми, а сдѣлались неумирающими символами красоты, той красоты, о которой зналъ одинъ лишь Достоевскій и которая стаду такъ называемыхъ „здоровыхъ“ людей вовсе и непонятна! Чары женщины, женской красоты, чары вѣчной женственности, разлитыя среди молчанія земли какъ упоительный хмель,— это была мука Достоевскаго, но мука самая сладостная и самая творческая, изъ этой муки онъ приготовилъ себѣ упоительное зелье, въ ней онъ прозрѣлъ ту пропасть, что на днѣ своемъ таитъ великую таинственную радость!

Изъ-за этой красоты Достоевскій заставляетъ мучиться такихъ прямо другъ другу противоположныхъ людей, какъ Өедоръ Павловичъ и Иванъ Карамазовы, какъ Свидригайловъ и князь Мышкинъ, какъ Ставрогинъ и Алеша Карамазовъ, мало того, ради этой красоты онъ готовъ принести жертву, ибо любовь его есть жертва, ибо любовь его таитъ въ себѣ гибель!...

√*Все для любви, ибо все—любовь,*—это зналъ не одинъ Димитрій Карамазовъ, это было вѣдомо и самому Достоевскому, каждый созданный имъ женскій образъ—это приступъ такой любви, и любви не столько къ самому этому образу, сколько къ той мукѣ, которая окружаетъ его, къ тѣмъ переживаніямъ, которыя связаны съ нимъ! Ибо мука эта огромна, ибо переживанія эти образуютъ новый міръ, недоступный взорамъ людей!... Вотъ, около Грушень-

ки,—простой дѣвушки съ румянымъ русскимъ лицомъ, вокругъ образа, можетъ быть абстрактной идеи, можетъ быть только мечты,—создается цѣлая трагедія, убійство, смердяковщина, цѣлая уголовщина, и все это на мой взглядъ, вовсе не оттого, что у нея много инфернальнаго, а оттого, что пригрезившійся въ мечтахъ ликъ невидимый и страшный своею красотой, вызвалъ надрывъ, вызвалъ молитву, вызвалъ восторгъ въ душѣ,—и вотъ и земля, и предметы, и люди наряжаются въ одежды, вѣдомыя только одному ихъ творцу, и вотъ дѣйствительность преображается въ кошмарное царство призраковъ, сновъ и видѣній, дѣйствительность какъ бы перестаетъ быть реальной, ибо кто видѣлъ такихъ людей, которые у Достоевскаго? Кто видѣлъ такихъ женщинъ?.. Все это далеко отъ дѣйствительности, все это по временамъ кажется романтикой, все это внѣ-жизненно, потому что символично, ибо Достоевскій въ творчествѣ своемъ больше визіонеръ, больше пророкъ, чѣмъ художникъ-реалистъ! „Страшно много тайнъ! -говоритъ Дмитрій Карамазовъ Алешѣ,—слишкомъ много загадокъ угнетаютъ на землѣ человѣка. Разгадывай какъ знаешь и вылѣзай сухъ изъ воды! Красота! Перенести я притомъ не могу, что иной, высшій даже сердцемъ человѣкъ и съ умомъ высокимъ, начинаетъ съ идеала Мадонны, а кончаетъ идеаломъ Содомскимъ! Еще страшнѣе кто уже съ идеаломъ Содомскимъ въ душѣ не отрицаетъ и идеалы Мадонны, и горитъ отъ него сердце его, и воистину, воистину горитъ, какъ и въ юные безпорочные годы!“...

Вотъ въ этихъ то словахъ вся трагедія любви! И не только любви, а цѣлой жизни! Ибо изъ за нея

погибъ не одинъ Митя, а также такой, казалось бы, испорченный и истлѣвшій человѣкъ, какимъ является Карамазовъ-отецъ! Испорченность его прямо таки каррикатурна, развращенность его слишкомъ ужъ сгущенна, но въ этой то сгущенности заключается нѣчто такое, что заставляетъ думать, что можетъ быть, этотъ, всѣми презираемый человѣкъ, есть самый полножизненный человѣкъ, ибо никто, можетъ быть, не возлюбилъ такъ жизнь, какъ Ѳедоръ Павловичъ, возлюбилъ до ужаса, до пресыщенья, до какого то неутолимаго голода, не меньше возлюбилъ, чѣмъ самъ Достоевскій...

„Сладострастье—буря, больше бури—восклицаетъ Достоевскій устами Мити,—*Красота—это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопредѣлимая, и опредѣлить нельзя, потому что Богъ задалъ однѣ загадки. Тутъ берега сходятся, тутъ всѣ противорѣчія вмѣстѣ живутъ!*“.

Посмотрите, что эта буря сдѣлала съ Дмитріемъ,—и вы поймете всю глубокость этихъ словъ. Но не меньше Дмитрія мучился, переживая эту бурю и Достоевскій. И въ этомъ бурномъ, стихійномъ переживаніи, въ этихъ сладострастныхъ до ужаса, до изступленія восторгахъ, въ этомъ пантеистическомъ вознесеніи до небесъ человѣческой природы, слышится что-то ужъ слишкомъ торжественное, какъ бы литургійное, ибо здѣсь человѣкъ всего себя отдаетъ въ жертву, съ высоты бросается въ пропасть бездонную, въ душѣ своей раздуваетъ пламя, и вся жизнь горитъ, вся жизнь въ вихрѣ безумія, въ лихорадочномъ упоеніи уносится сквозь земное въ высоту безмѣрную!.. Страсть—это стихія, которой покоряется вся вселен-

ная, страсть—это единственное оставшееся на сгнившей землѣ наслѣдіе чудесныхъ и сказочныхъ временъ, это сила, двигающая горами и превращающая въ жалкія щепки рахитичное зданіе культуры, страсть это отрава, проникающая въ душу человѣка и дѣлающая его безстрашнымъ, обезумѣвшимъ, иногда преступнымъ! Страсть разрушаетъ и сжигаетъ все вокругъ, кошмарнымъ огнемъ бреда озаряетъ мрачные своды житейской тюрьмы, вселяетъ палящій вихрь разнообразныхъ чувствъ въ существо человѣка, отъ проклятья ведетъ къ восхваленію, къ восторгу, къ тому забвенному, истомленному состоянію молитвы, которое въ силахъ былъ выразить одинъ лишь Вагнеръ въ своемъ „Лоэнгринѣ"... И кто охваченъ ею, кто любитъ, для кого любовь и безуміе—одно, тотъ, незамѣтно для самого себя, совершаетъ чудеса въ этой жизни, ибо для него уже не существуетъ ни границъ, ни рамокъ, ни условностей, ни запрета, ни догматовъ, онъ самъ, по своей волѣ, внутренней силой своей раздвигаетъ все это, разбиваетъ въ дребезги, уничтожаетъ все, онъ какъ богъ творитъ для себя новую землю, на него сходитъ затменіе, блаженное затменіе, въ которомъ исчезаютъ, умираютъ всѣ люди, всѣ человѣческія отношенія, весь жизненный механизмъ, онъ какъ ясновидящій проходитъ сквозь адскій ужасъ жизни, не замѣчая его, онъ какъ загипнотизированный,—не видитъ и не слышитъ вокругъ ничего, кромѣ своей любви, для него вся жизнь—горѣніе, пламень, восторгъ, для него всѣ дни—лишь ступени къ тому алтарю, гдѣ виднѣется измучившій всю душу божественный ликъ! Пусть все это лишь призракъ одинъ, пусть болѣзнь, пусть самогипнозъ, но счастье въ томъ, что онъ живетъ

полной жизнью, что онъ не чувствуетъ ни скуки, ни сѣрой тоски, ни угнетенности будней, что онъ творитъ *изъ себя,* творитъ что то огромное, необъятное, безумное, что какую то дикую и ликующую пѣснь поетъ душа его,—и онъ поетъ, надрываясь,—весь какъ изступленный, весь какъ грозный и пламенный богъ!

Пусть сторонится жизнь,—поетъ душа Дмитрія,—пусть трепещутъ люди,—любовь идетъ въ міръ! Любовь идетъ въ пышныхъ царственныхъ одеждахъ, и херувимскимъ свѣтомъ озаренъ ея страшный ликъ, и власть ея безмѣрна, и сила ея выше всѣхъ силъ земли! Молчаливо склоняются предъ нею всѣ, всѣ безсильны передъ нею и всѣ любятъ ее тревожною и рабскою любовью! Она опьяняетъ такими чарами, которыя остаются надолго, тяжелымъ бредомъ остаются въ душѣ, она преображаетъ темное, жалкое, низкое существо человѣка, до божества, до человѣкобога она возноситъ его, она побѣждаетъ самое страшное въ жизни—смерть, ибо для того, кто любитъ—нѣтъ смерти, онъ не чувствуетъ ея, онъ не можетъ ея чувствовать, потому что огонь его сжигаетъ всякій мракъ и всякое умираніе, потому что любовь сильнѣе смерти и значитъ сильнѣе всего!..

Любовь—это причудливо нѣжный цвѣтокъ папоротника, который цвѣтетъ въ темную ночь жизни и цвѣтетъ лишь одно мгновенье... Одно мгновенье, и въ мгновеньи этомъ цѣлая жизнь, цѣлая мука, цѣлая красота, это мгновенье можетъ быть по силѣ своей какъ вѣчность, но оно исчезаетъ въ темной ночи навсегда, оно невозвратно, и потому такъ драгоцѣнно,—оно невозвратно, но оно оставляетъ въ душѣ тяжкій и мучительно-сладостный слѣдъ

навсегда!.. Какъ часто бываетъ любовь одной лишь молитвой, однимъ лишь мучительнымъ неудовлетвореннымъ желаніемъ, и тогда она прекрасна, она до того прекрасна, что съ нею легко умереть. Это любовь Вертера, любовь идущая въ вѣчность и загадочная и священная,—вѣчностью манящая изъ глубины глубинъ! Но еще чаще любовь—это ядовитый цвѣтокъ грѣха, это невѣдомая красота преступленья, соединяющая въ себѣ всѣ пороки міра, всю его извращенность, апоѳеозъ сладострастья ради самого сладострастья, какое то болѣзненное желаніе выпить для утоленія своей нечеловѣческой жажды всю богатую многообразіемъ ощущеній чашу жизни, выпить до самаго дна! Такую любовь зналъ Достоевскій, о такой любви говоритъ онъ устами Мити Карамазова: „*Что уму представляется позоромъ, то сердцу сплошь красотой.* Въ Содомѣ ли Красота? Вѣрь, что въ Содомѣ-то она и сидитъ для огромнаго большинства людей,—зналъ ты эту тайну иль нѣтъ? *Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь.* Тутъ дьяволъ съ Богомъ борется, а поле битвы—сердца людей!"..

Искать смысла въ жизни—многотрудное занятіе, всякій смыслъ будетъ лишь созданіемъ нашего мозга, а жизнь... жизнь останется безсмысленной, какъ была, какъ есть, какъ будетъ. Гораздо важнѣе найти забвенье, хотя бы для того, чтобы хоть на минуту почувствовать себя свободнымъ! Но кто узналъ отраву Красоты, кто узналъ любовь,—тотъ смѣется надъ всякимъ смысломъ, въ головѣ у него все пошло кругомъ, въ душѣ у него бушуетъ цѣлый адъ!...

Жизнь человѣческая—это одно непрерывное распятье, одна сѣрая однообразная тоска, одна без-

надежность, а кто созналъ это, тотъ ищетъ спасенья всюду, тотъ самъ создастъ изъ себя пожаръ и безуміе, ибо одна лишь жертва, одно лишь всесожженіе спасаютъ отъ тоски! Въ страшныхъ мукахъ носитъ человѣкъ по землѣ свою отяжелѣвшую душу, но пора и отдохнуть, но кто не зналъ, что такое восторгъ, тотъ не человѣкъ, а мученикъ, но довольно уже на землѣ мучениковъ, сѣрая, пыльная тоска ложится на душу отъ ихъ вѣчнаго и, главное, ненужнаго, никому ненужнаго,—страданья! Не мертвый покой, не забвенье измученныхъ мертвецовъ нужно принять, нужно принять красоту полной жизни, красоту любви, красоту безумнаго счастья, такого счастья, которое дѣлаетъ людей богами, вкусившими отъ древа жизни и въ безуміи своемъ познавшими добро и зло!.. Если мучаетъ тайна, то не дрожать предъ нею надо, вѣчная дрожь надоѣла, нужно сорвать съ нея всѣ покровы, всѣ одежды, всѣ обманчивыя и мишурныя украшенья, и впиться въ наготу ея жадными поцѣлуями, упиться ею до пресыщенности, въ обладаніи открывшейся тайной вкусить страшный ядъ, ядъ разрушающій мозгъ и всякое сознаніе, ядъ разверзающій багряныя бездны въ душѣ!

Карамазовы вовсе и не думаютъ о смыслѣ жизни, они закружились, въ дикой, безумной, вышибающей всѣ силы пляскѣ закружились около женщины,—она отравила воздухъ вокругъ сладкимъ блаженствомъ, жгучимъ желаніемъ, пьянымъ восторгомъ, она электрической силой пронзила тѣла и зажгла кровь бѣшенствомъ сладострастья,—какъ они кружатся, извиваются, точно демоны въ преисподней, они не знаютъ покоя, но зато они знаютъ, *что такое жизнь!*... И только они одни... Пусть смѣются философы и мудре-

цы, копошась надъ мертвою падалью истины, которая давно умерла и которой нѣтъ, они не знаютъ восторга, не знаютъ радостей, а здѣсь у Карамазовыхъ свершается пиръ жизни, бушующій, дикій, страстный пиръ во имя Красоты,—и только здѣсь знаютъ, что такое упоеніе, и только здѣсь знаютъ, какова должна быть жизнь!... Ибо если все суета, и все сгніетъ, а это знаютъ не только Карамазовы, это прекрасно вѣдаютъ и всѣ мудрые міра сего,—то пусть сгоритъ въ одной бѣшеной оргіи вся жизнь, пусть все существо преобразится въ одинъ сплошной ликующій гимнъ въ честь красоты, пусть всѣ минуты и всѣ дни, и всѣ слезы, и всѣ надежды, и всѣ бродящія силы смѣшаются въ одну стихійную бурю, и пусть она пройдетъ отъ одного края земли до другого, опустошая и сжигая все, ибо божественное чудо познается лишь въ бурѣ и въ страсти!

Надъ умирающей землей, вокругъ костра любви, поется литургическій гимнъ Тангейзера Венерѣ, гимнъ души охваченной пожаромъ страсти, пусть умираетъ земля, пусть умираютъ люди,—радость любви настаетъ, радость преображенія, радость безумія!

„Ахъ Алеша, жаль, что ты до восторга не додумывался!"—говоритъ Дмитрій брату, это онъ открываетъ ему чуждый міръ. Въ этомъ восторгѣ чадное что-то, нездоровое,—слишкомъ больной, слишкомъ ужъ *жизненный* этотъ восторгъ, но вѣдь человѣкъ горитъ одинъ лишь разъ въ жизни, слишкомъ боится пепла человѣкъ, и все раздуваетъ пламя свое, раздуваетъ бѣшенно, словно желая собственнымъ восторгомъ вышибить изъ мозга своего идею конца!... Но бываютъ минуты, когда въ этомъ ураганѣ любовнаго похмелья совершенно утрачивается

не только сознаніе конца и гибели, но вообще всякое сознаніе, вотъ тогда-то наступаетъ полное блаженство! Вѣдь влюбленный человѣкъ это по преимуществу пьяный человѣкъ, въ этомъ все счастье любви! И пусть боится онъ отрезвленія, воистину, оно въ тысячу разъ ужаснѣе смерти! И пусть не ищетъ онъ дна въ обладаніи, часто дно это ощущается раньше времени!... И пусть остерегается онъ самоанализа, ибо кто философствуетъ, любя, тотъ не любитъ! Тайну единственную сохранили люди, еще философія и наука пощадили ее, не умертвили еще, но, можетъ быть, любовь сильнѣе всякой науки и всякой философіи, можетъ быть она выше всякой жизни, ибо таитъ въ себѣ жизнь вознесшуюся до самыхъ небесъ!..

Безумный бредъ, жестокое томленіе, вулканическое кипѣніе страстей испытываетъ влюбленный Дмитрій, о, можно сказать положа руку на сердце, что въ такомъ состояніи онъ ни мало не заботится о томъ, есть ли истина и нужна ли она, имѣетъ ли жизнь смыслъ или нѣтъ, онъ такъ далекъ отъ этого, для него никакихъ вопросовъ не существуетъ, онъ весь охваченъ безуміемъ своимъ, и пусть знаютъ несчастные мученики истины, что онъ переживаетъ и ощущаетъ нѣчто такое, о чемъ не снилось имъ никогда, что онъ бродитъ надъ такими безднами, что сердце содрогается въ ужасѣ, глядя внизъ, что въ своемъ экстазѣ онъ приближается къ такимъ тайнамъ и къ такимъ загадкамъ, которыя никогда, никогда не откроются человѣческому познанію и вѣчно будутъ представлять изъ себя недостижимое, неразгаданное, что онъ на путяхъ своихъ проходитъ сквозь такую муку, которая способна убить, но никогда не можетъ пощадить человѣка, и мука эта—это драго-

цѣнный алмазъ, несознанное чудо этой жизни, и пусть никто не стремится разгадать ее, или объяснить человѣческими словами, она безпощадна и нерушима, какъ вѣчный и грозный сфинксъ надъ пустынею уходящихъ вѣковъ!

— Зачастую гибельна эта мука, но кто гибнетъ любя, тотъ пережилъ самое святое изъ всего, что есть въ жизни! Любовь его безпощадна и гибельна и какъ хищный звѣрь выпиваетъ изъ него по каплѣ всю жизнь и всѣ силы, но съ каждой раной восторгъ все сильнѣе, но съ каждою новою мукой все ярче озаряются свѣтомъ экстаза измученныя черты!

Что такое красота? Этотъ основной вопросъ эстетики тысячу разъ пережевывался профессіональными эстетами, но что осталось отъ ихъ объясненій и споровъ, не вылилась ли хоть въ одномъ изъ нихъ сущность красоты? А вотъ Дмитрій Карамазовъ человѣкъ малообразованный, малокультурный и, можетъ быть, потому умѣющій всею душою, всѣмъ существомъ своимъ отдаваться своимъ переживаніямъ, этотъ человѣкъ не даетъ себѣ отчета, что такое красота, а между тѣмъ онъ ее прекрасно понимаетъ, онъ склоняется предъ нею съ благоговѣніемъ... И онъ въ глубинѣ глубинъ знаетъ больше, чѣмъ эстеты, что такое красота... Ибо только безумно влюбленные въ Красоту постигли всю ея глубину... И они хранятъ молчанье, и они носятъ въ душѣ своей нѣкую великую тайну, и они живутъ этой тайной... Дмитрія ослѣпила красота, онъ весь отдался служенію ей, онъ готовъ отдать за нее всю свою жизнь, но развѣ онъ въ силахъ постичь, почему именно въ Грушенькѣ воплотилась она, почему въ *ея* тѣлѣ воскресла мечта всей жизни, почему именно

въ этомъ „инфернальномъ изгибѣ“ затаился божественный ядъ, отравившій всю душу, всѣ мысли, всю жизнь?... И кто скажетъ, кто отвѣтитъ—почему?... То, что въ человѣкѣ кажется обыкновеннымъ, мимо чего равнодушно проходятъ толпы людей, можетъ поразить, можетъ обезсилѣть, можетъ замучить и довести до безумія, до преступленія, до святотатственнаго кощунства!... И сколько бы ни писалось эстетическихъ трактовъ, объяснить причину этого явленія невозможно, оно выше человѣческаго пониманія, оно загадочно и таинственно, и именно вслѣдствіе этого имѣетъ такую огромную цѣну!... Кто знаетъ, можетъ быть, въ одномъ созерцаніи красоты, въ одномъ восторгѣ предъ нею таится цѣлая бездна глубоко-*религіозныхъ* переживаній, а развѣ это не можетъ освятить человѣка, развѣ это не въ силахъ освятить всю жизнь и сдѣлать изъ нея одинъ величественный храмъ, храмъ этому невѣдомому и вѣчно живому, вѣчно могущественному божеству? Въ томъ то и трагедія любви, что сущность красоты навѣки закрыта для взоровъ людскихъ и, значитъ, застрахована отъ пошлости, что глубина ея бездонна,—и никакое обладаніе, никакая жертва не смогутъ исчерпать ея, разгадать загадку,—вотъ почему красота подобна зловѣщему очарованію улыбки Джіоконды, такъ много обѣщающей, но ничего, кромѣ муки, не дающей въ отвѣтъ! Волшебныя чары таятся въ Грушенькѣ, но Дмитрія онѣ только все больше и больше опьяняютъ, жгучія жала впиваются въ душу его, а она сладко смѣется и все кружитъ въ безконечномъ лабиринтѣ страданья, и все манитъ, словно русалка, въ глухія чащи безумія—все дальше, все глубже, туда, гдѣ то „что уму кажется позоромъ, то сердцу—сплошь красотой!“...

„Я говорю тебѣ: изгибъ. У Грушеньки, шельмы, есть такой одинъ изгибъ тѣла, онъ и на ножкѣ у нея отразился, даже въ пальчикѣ-мизинчикѣ на лѣвой ножкѣ отозвался... Видѣлъ, цѣловалъ, но и только — клянусь!“...

Въ этомъ брошенномъ вскользь Митиномъ признаніи, можетъ быть, заключается вся сущность, вся трагедія его любви!.. И въ самомъ дѣлѣ, одинъ какой нибудь такой изгибъ, одно движеніе, одинъ взглядъ, и вся душа горитъ, и все кругомъ провалилось въ бездну, и въ глубокомъ молчаніи притаившагося къ бѣшеному прыжку человѣка-звѣря только слышно, какъ шумитъ море обезумѣвшей, кипящей крови!.. Это грозитъ гибелью, или оргіей, похожею на гибель, оргіей, въ которую превоплотится вся жизнь, но страшно именно то, что здѣсь человѣкъ безсиленъ, что сильнѣе человѣка, сильнѣе разума именно этотъ пожаръ, этотъ палящій, проклятый надрывъ человѣческой природы, эта безумная страсть, сила которой творитъ все новые и новые міры, какъ въ заколдованной сказкѣ, и міры исчезаютъ въ пожарѣ, и клубится въ чадномъ дыму всесожженія вся вселенная, и вотъ человѣкъ какъ богъ, и ему уже все позволено, и для него уже не существуетъ ни преградъ, ни законовъ, ни общественныхъ столповъ, ибо онъ любитъ, это любовь сдѣлала его такимъ свободнымъ, такимъ безстрашнымъ, ибо любовь—это свободный вѣтеръ—ураганъ, сметающій съ лица земли всякое рабство и всякое безсиліе!.. Отчего? Кто знаетъ!.. Именно и хорошо все то, что необъяснимо!.. Достоевскій и не пытается объяснить, онъ только фактъ констатируетъ и фактомъ любуется, ибо это дѣйствительно прекрасная и великолѣпная кар-

тина! „Тутъ... тутъ, братъ, нѣчто, чего ты теперь не поймешь. Тутъ влюбится человѣкъ въ какую нибудь красоту, въ тѣло женское, или даже только въ часть одну тѣла женскаго (это сладострастникъ можетъ понять), то и отдастъ за нее собственныхъ дѣтей, продастъ отца и мать, Россію и отечество: будучи честенъ, пойдетъ и украдетъ; будучи кротокъ—зарѣжетъ, будучи вѣренъ—измѣнитъ“...

А самъ Митя отвѣтить на это свидѣтельство можетъ только утвердительно, онъ чувствуетъ, что въ немъ нѣчто огромное, нѣчто жизненное кипитъ и бушуетъ, Митя въ любви своей отчаянный, онъ знаетъ и видитъ, что не сдобровать ему въ виду всего этого, что нужно свершить какой то безумный подвигъ, ибо огонь врѣзался палящей раной въ его существо. „Потому что, если ужъ полечу въ бездну, то такъ-таки прямо, головой внизъ и вверхъ пятами и даже доволенъ, что именно въ унизительномъ такомъ положеніи падаю и считаю это для себя красотой! И вотъ въ самомъ-то этомъ позорѣ я вдругъ начинаю гимнъ. Пусть я проклятъ, пусть я низокъ и подлъ, но пусть и я цѣлую край той ризы, въ которую облекается Богъ мой; пусть я иду въ то же самое время вслѣдъ за чортомъ, но я все таки и Твой сынъ, Господи, и люблю Тебя, и ощущаю радость, безъ которой нельзя міру стоять и быть!“...

Все, что произошло въ селѣ Мокромъ, въ эту ночь страсти и пьянаго разгула, явилось только полнымъ расцвѣтомъ бродящихъ силъ, только завершеніемъ всего, только апоѳеозомъ всего... Здѣсь такъ ярко сказалась правда Митиныхъ словъ: „широкъ человѣкъ, слишкомъ широкъ, я бы сузилъ!“

Широкъ человѣкъ! — восклицаетъ Достоевскій, любуясь богатырскимъ Митинымъ разгуломъ. Онъ

словно думаетъ: видите ли вы этого человѣка, видите ли его безудержную силу, его безстрашную волю, его ликующій, Діонисовскій восторгъ? Ему все—море по колѣна, онъ весь кипитъ, онъ съ презрѣніемъ плюетъ на вашу мерзкую землю, на ваше рахитичное безсиліе, на вашу надоѣвшую тоску, ему все позволено, ибо слишкомъ возлюбилъ онъ свободу, ибо слишкомъ возлюбилъ онъ любовь!

И въ самомъ дѣлѣ, кто сравнится съ Митей въ ту минуту, когда онъ взваливаетъ на плечи плюгавенькаго Грушенькинаго жениха и съ побѣдоноснымъ видомъ уноситъ его прочь, когда онъ бушуетъ, рветъ и мечетъ, какъ разъяренный звѣрь, когда въ багровомъ туманѣ нахлынувшаго страшнаго веселья утопаетъ вся будничная, надоѣвшая, затхлая дѣйствительность?! И что вся многотрудная, кропотливая, чахлая жизнь человѣка-труженика, человѣка-работника мысли, человѣка книжнаго и безсильнаго, -передъ одной этой минутой вспыхнувшей страсти, передъ этимъ вулканическимъ огнемъ, передъ этой бурей обезумѣвшихъ, разсвирѣпѣвшихъ чувствъ! Иногда человѣкъ до конца жизни бродитъ по темнымъ. затхлымъ долинамъ тоски своей и не находитъ ничего подобнаго даже во снѣ, а здѣсь дѣйствительность преобразилась въ пышный ураганъ чудодѣйственнаго, волшебнаго празднества, здѣсь жизнь утонула въ морѣ бѣшенаго упоенія, здѣсь человѣкъ воистину богомъ сталъ и преклонилась предъ нимъ въ страхѣ и ужасѣ вся вселенная! Правда, въ этой мгновенной побѣдѣ истощились всѣ силы, и никогда уже она не повторится, но *что лучше,—безцвѣтная вѣчность тоски передъ неизвѣстнымъ, или это одно мгновенье, мгновенье царствен-*

наго величія, мгновенье божеской, безумной, страшной любви?...

Если бы человѣкъ научился цѣнить эти невозвратныя мгновенья, эти блестящія ракеты вспыхивающихъ чувствъ, эти магическія, волшебныя картины опьяняющихъ настроеній,—можетъ быть, легче было бы ему понять все богатство свое и всю потрясающую красоту жизни, которая познается такъ рѣдко!...

Если бы онъ хоть разъ одинъ, хоть въ бреду, хоть во снѣ силой любви своей сдѣлался богомъ и бросилъ дерзкій вызовъ всѣмъ страшилищамъ жизни, всѣмъ призракамъ и видѣніямъ, всѣмъ истинамъ не стоющимъ гроша, если бы въ этой чудесной интуиціи предстала предъ нимъ цвѣтущая, лазурная, пахучая земля, онъ понялъ бы тогда все безсиліе своего проклятія и всю безмѣрную силу восторга, онъ въ безумномъ весельи бросился бы на роскошную грудь земли, покрывая ее страстными поцѣлуями, орошая ее своими слезами, слезами страданья и любви!

. . . .

Грушенька—это безконечность красоты, это разлитый по жиламъ и бурно кипящій кровавый огонь восторга, того восторга, сущность котораго знаетъ одинъ лишь Дмитрій! Можетъ быть нарочно Достоевскій выдумалъ себѣ эту Грушеньку, чтобы вдругъ весь міръ завертѣлся въ чаду, но это хорошо—если ужъ охватила душу мечта,—пусть гибнетъ и душа, и міръ, и вся вселенная, лишь-бы минута, *минута* одна—-богатство летучее—вышла ярка, лишь-бы хоть въ минутѣ одной уничтожилась вся боль земли, весь ужасъ ея, лишь-бы хоть въ минутѣ одной

сверкнула молнія побѣды надъ человѣческимъ! Жить вѣдь можно лишь безсознательно, всякое сознаніе губитъ, убиваетъ жизнь, не надо сознанія! Карамазовы устроили себѣ изъ жизни оргію, тамъ преступленіе смѣняется надрывомъ молитвы, и молитва исчезаетъ въ адскомъ пламени страсти, мучительная инквизиція отъ женщины искривляетъ лицо въ истерзанную маску страданья, а потомъ опять тяжкій сплинъ и опять голодное завываніе тоски, но надъ безднами протянуты спасительные канаты минутъ, но минуты идутъ въ вѣчность, но каждая послѣдующая минута должна заглушить собой тоску отъ минуты уже умершей!... А самое главное для нихъ— выдумать такую минуту, которая свела бы съ ума!... Это будетъ страшное мгновенье -миріады самыхъ противоположныхъ чувствъ смѣшаются въ одинъ отрадно мрачный хаосъ ужаса, а потомъ пронзитъ его пламенная стрѣла, разверзающая небо, и запоютъ серафимы тихую, тихую, рѣющую надъ спаленными крыльями, надъ обугленными душами пѣснь воскресенья, и вдругъ, безсильно барахтаясь среди ослѣпительной наготы открывшагося счастья, обезумѣвшее отъ нечеловѣческаго желанія сердце найдетъ одну желанную, опьяняющую, истерзанную мелодію и въ ней обрѣтетъ свою прекрасную и отчаянную гибель навсегда! Тамъ, въ тѣни сгущенныхъ проваловъ бушующей страсти скрывается Грушенька, но не видно лица ея, и лицо ея здѣсь не при чемъ, важно одно лишь очарованье отъ невѣдомаго, отъ погибшаго въ мукахъ мечты Лика, погибшаго для памяти надолго, вплоть до пробужденія отъ заколдованнаго сна! И если бы взглянуть прямо въ это лицо— то можетъ-быть, оно расплылось бы въ тающій хохотъ

пустоты, ибо всюду ищутъ *окончательнаго* облика, вѣрнаго, яснаго, отчетливаго, какъ та будничная дебелая старуха, отъ которой бѣгутъ въ такой панпкѣ, всюду ищутъ и находятъ одни лишь предчувствія, одни ожиданья, отрекаются отъ дѣйствительности цѣною адскихъ мукъ, завораживаютъ ее обезсиливающими, гашишными чарами, лишь бы исчезла, лишь бы отошла хоть на время, не мучила, пощадила, гнилого дыханія ея боятся, убійственной, плоской прозы разложенія страшатся, ибо преслѣдуетъ ихъ все одна и та же безпощадная истина, что дѣйствительность—смерть! Но образъ Грушеньки вбираетъ въ себя дѣйствительность и преображаетъ въ красоту, въ красоту живую, мучительную, желаемую, обладаемую даже, но выходящую за предѣлы умопостиженія, красоту безъ названія, безъ опредѣленія, ибо опредѣлить красоту—значитъ снова увидѣть смерть.

Карамазовы презираютъ смерть—знаменательное явленіе! Можетъ быть, въ минуты отрезвленья, послѣ ночныхъ оргій, послѣ пьянаго сна, въ угнетающемъ чувствѣ сознанія они и видятъ ея призракъ, чувствуютъ весь ужасъ связанныхъ съ нею вопросовъ (какъ это случилось съ Иваномъ Карамазовымъ), но въ то время, когда они во власти любви, смерти нѣтъ, но когда они молятся на Грушеньку и бѣгаютъ за ней, путаясь въ сѣтяхъ страсти и падая, и снова зажигаясь для новыхъ оргій, для новыхъ преступленій, для новыхъ интригъ, смерть уходитъ, смерть утопаетъ въ золотыхъ волнахъ беззакатнаго счастья!.. Ослѣпляющая истина, истина выше всѣхъ истинъ на землѣ: *любовь побѣждаетъ смерть, любовь побѣждаетъ всѣ человѣческіе вопросы, любовь есть воскре-*

сенье въ беззакатную зарю восторга! Великая тайна, великій загадочный Сфинксъ, она застилаетъ всѣ тернистые пути облаками счастья и на всѣ томительно скучные боли земли набрасываетъ багряный, по атласисто нѣжный, но прекрасный какъ весенній разсвѣтъ—покровъ своего страданья! Оно родило поэзію, музыку, творчество, оно родило великихъ геніевъ, оно одно вѣчно и неизмѣнно и неисчерпаемо до конца! Грушенька вливаетъ ядъ этого страданья въ души Карамазовыхъ безсознательно, но она знаетъ, что страданье есть залогъ безумной любви, она запутываетъ всѣ пути и создаетъ преступленье, ибо таково назначенье красоты: раскрывать горизонты безумія, уводить въ томительныя дали, навѣки отнимать желанье достиженья, или путь достиженья превращать въ мучительную пытку боли! Таинство красоты познается только въ любви, недаромъ Митя бросаетъ своему Богу всю душу въ ликующемъ гимнѣ, недаромъ же онъ такъ прославляетъ природу, только любовь даетъ ключъ къ навѣки запертымъ дверямъ этой тайны, но все лишь въ томъ, что если двери откроются, человѣкъ умретъ. Словами Іеговы говоритъ сфинксъ красоты человѣку: если увидишь меня, если откроешь тайну мою, смертью умрешь! Это откровенье свято хранитъ человѣкъ въ глубинѣ душевной, изъ за этого-то онъ и боится стать человѣкобогомъ, ибо страшно ему увидѣть предъ собою конецъ... Достиженіе всего, открытіе всѣхъ тайнъ, разрѣшеніе всѣхъ загадокъ есть конецъ, ужасъ котораго въ тысячу разъ сильнѣе ужаса смерти,—а если такъ, то пусть не будетъ конца, пусть этотъ конецъ знаетъ лишь одинъ Богъ, а я буду только человѣкъ, и не потому, что человѣку богомъ

не хочется быть, а потому, что выгоднѣе взвалить па отвѣтственность Бога животный страхъ передъ концомъ! Такъ поступали и поступаютъ всѣ, такъ поступилъ и Дмитрій Карамазовъ; хоть и простоватъ онъ былъ, а вся трагедія конца ему была извѣстна, хоть онъ отъ Грушеньки ничего не получилъ, а только ногу ея цѣловалъ и вслѣдствіе этого еще находился далеко отъ конца!

Хоть и ослѣпила его страсть, но все, что мучило Ивана—и ему вѣдомо. „Новый человѣкъ пойдетъ, это-то я понимаю, а все-таки Бога жалко!"—говоритъ онъ Алешѣ... Еще-бы, ему-то, Дмитрію, Бога-то и должно жалѣть, и онъ изъ тѣхъ, которые безъ Бога и шагу въ жизни не сдѣлаютъ, въ этомъ отношеніи между нимъ и Нитцше разницы никакой, оба потеряли Бога и оба жалѣютъ объ этомъ! Но страшенъ конецъ, страшно очутиться вдругъ на такой вершинѣ, гдѣ уже вѣчное знаніе и вѣчное достиженіе и кромѣ этого ничего нѣтъ, скука должно быть неисцѣлимая въ этомъ состояніи! Недаромъ-же Дмитрій такъ отчаянно возвращается къ Богу отъ своихъ сверхчеловѣческихъ мыслей, впрочемъ, не только Дмитрій, всѣ, всѣ наши мыслители, всѣ философы, пророки, поэты,—дойдя въ своихъ исканіяхъ до самой вершины, вдругъ съ страшною силою, точно обжегшись,—бросаются внизъ, назадъ, бѣгутъ безъ оглядки, стучатъ зубами, визжатъ отъ страха, и то и дѣло кричатъ: „подавайте теперь намъ Бога, довольно уже, силъ нѣтъ, дайте духъ перевести!"... Имъ просто жалко тепленькаго насиженнаго мѣстечка, просто головка разболѣлась отъ длиннаго путешестія, просто хочется спрятаться за что-нибудь, хотя-бы мертвое, но могущее спасти отъ конца. А иногда просто предпочи-

таютъ дурачками прикинуться, лишь-бы только не брать на себя похищеннаго у Бога знанія конца!... Такова человѣческая храбрость, и не потому, что человѣкъ труслнвъ (вотъ Кирилловъ, Нитцше, Иванъ Карамазовъ не побоялись же), а потому, что участь этихъ непремѣнно ведетъ за собой смерть, ведетъ гибель или дряхлое старческое состояніе. Пожить еще хочется, вотъ въ чемъ все дѣло, и еще какъ хочется, и еще какъ пожить! Человѣкъ, понявшій что такое конецъ, изъ кожи лѣзетъ вонъ, чтобы захлебнуться жизнью до удушья, впитываетъ съ какою-то собачьею жадностью въ себя всѣ соки жизни, все, что для другихъ кажется нестоющимъ вниманія... Вотъ, паукъ ползетъ,—говоритъ Кирилловъ передъ концомъ—и ему хорошо, что паукъ ползетъ... Когда художникъ Левитанъ былъ тяжело боленъ, онъ понялъ, что такое смерть, не такъ понялъ, какъ всѣ люди, а какъ понимаютъ тѣ, которые сознаютъ, что смерти имъ не избѣжать, что смерть есть конецъ. И тогда вырвались у него замѣчательныя слова, въ которыхъ жажда жизни выступаетъ со всей откровенностью: „Дайте мнѣ только выздоровѣть—и я совсѣмъ иначе буду писать. Теперь, когда я такъ много выстрадалъ, теперь я знаю, какъ писать".

Дмитрій слышалъ, что будто идутъ люди, которые станутъ богами, а одинъ изъ этихъ людей—его братъ... Карамазовская натура въ этихъ людяхъ навѣрное будетъ преобладать, ибо у кого же и стихія, у кого же и вызовъ, какъ не у Карамазовыхъ?

Но Митенькѣ все это мало понятно, и мало нужно... Изъ этого онъ почерпнулъ одно лишь понятіе минуты, какъ страшной бездны вѣчности—и знаетъ онъ, что эта минута лишь въ одной любви! И это

откровеніе какъ нельзя лучше подошло къ нему! Ибо онъ способенъ пѣть гимны, цѣловать землю, упиваться Грушенькиной ножкой, сочинять стихи, полные наивнаго восторга передъ жизнью, а до остального у него мало дѣла, и въ этомъ отношеніи онъ правъ, и недаромъ же онъ дышитъ здоровьемъ, молодостью, красотой, силой, отвагой, у него отъ всего одна защита — здоровенный кулакъ!... У него поучиться жизни могъ бы не только братецъ Иванъ, но и тотъ, который написалъ о силѣ столько отчаянныхъ книгъ, скрывающихъ въ себѣ отчаянное, худосочное безсиліе—Ницше. Ницше упивался тѣмъ, что не было доступно ему въ этомъ мірѣ, гдѣ Діонисовскія и Элевзинскія таинства, которыя онъ такъ боготворилъ, смѣнились худосочнымъ развратникомъ въ кафешантанахъ, онъ для того, чтобы забыть объ этой позорной для нашего вѣка метаморфозѣ, безчисленное множество разъ хаживалъ въ оперу слушать „Карменъ" Бизе, такъ какъ Діонисовскій элементъ, заключающійся въ этой оперѣ—позволялъ ему, конечно, интеллектуально лишь,—переживать навѣки утраченную для него дѣйствительность! И какъ бы позавидовалъ онъ Дмитрію Карамазову, который тѣмъ и счастливъ, что никогда не бралъ пера въ руки,— и могъ изъ жизни своей сдѣлать одну божественную оргію. Посмотрите, какъ онъ упивается однимъ лишь желаніемъ Грушеньки: въ головѣ шумитъ, радость, дикая, страстная, первобытная радость распираетъ его грудь, кровью жгучею и опьяняющею разливается по жиламъ, вызываетъ слезы дѣтскаго восторга на глазахъ, онъ куда-то уносится, куда-то летитъ на внезапно выросшихъ орлиныхъ крыльяхъ, и въ пьяномъ заревѣ любви его,—вся дѣйствительность становится

лишь подножіемъ у ногъ загадочной и мучительной инфернальницы—Грушеньки!

И развѣ не хорошо, когда онъ, весь завороженный, въ пьяномъ восторгѣ противопоставляетъ всей гнилой дѣйствительности свой сверкающій золотистыми искрами счастья вызовъ.

— „Пей и не фантазируй! Жизнь люблю, слишкомъ ужъ жизнь полюбилъ, такъ слишкомъ, что и мерзко! Довольно! За жизнь, голубчикъ, за жизнь предлагаю тостъ! Женщину я люблю, женщину! Что есть женщина? Царица земли! Выпьемъ за жизнь, милый братъ! Что можетъ быть дороже жизни? Ничего, ничего! За жизнь и за одну царицу изъ царицъ!". („Братья Карамазовы").

IV.

> ...Тамъ-же, гдѣ сказано объ „образѣ и подобіи Божіемъ“, сказано и „плодитесь, множитесь!“ Несчастная книжность, несчастная интеллигентность сдѣлала то, что человѣкъ мыслитъ себя „подобіемъ Божіимъ“, когда строчитъ газетную статью или брошюру, а не когда носитъ на рукахъ больного ребенка, не когда мать кормитъ его грудью, не когда родители зачинаютъ его. Проклятое скопчество, родитель сухой и *суетной* интеллигентности. Нѣтъ, явно надо перемѣнить всѣ мотивы религіозности, всю мотивировку отношеній къ Богу и связи съ нимъ.
>
> *В. Розановъ.*

Полюбить жизнь больше, чѣмъ ея смыслъ, полюбить жизнь *безсмысленную*, страшную, злую—это желаніе терзало Достоевскаго всю жизнь, ибо только отъ *надрыва любви* къ жизни рождается и страданье, и геніальное творчество, и религія!... Этотъ надрывъ любви рождаетъ и проклятье и разрушеніе, но вѣдь неизвѣстно еще, можетъ быть, проклятіемъ и разрушеніемъ освящается и преображается міръ, можетъ быть, въ ту минуту, когда проклятье достигнетъ своего наивысшаго апогея, вдругъ, изъ глубины глубинъ, изъ глухихъ подземелій, изъ замученнаго человѣческаго сердца, брызнетъ живительная великая сила! Ибо *что* есть проклятье, какъ не титаниче-

ская, молніеносная молитва, призывающая къ очищенію весь міръ? Ибо что есть разрушеніе, какъ не религіозное дѣйство въ предчувствіи будущаго воскресенья?... Трудно себѣ представить большаго бунтовщика, чѣмъ Иванъ Карамазовъ, онъ билетъ свой Богу возвращалъ и требовалъ отчета за слезинку замученнаго ребенка, однако же, кто, какъ не онъ, открылъ Алешѣ ту страшную жажду жизни, ту инстинктивную любовь къ ней, которыя надрывали, именно *надрывали* все его существо?... Любопытная, крайне любопытная черта:—и въ Бога не вѣруешь, и чорта призываешь, и весь міръ испепелить стремишься, и при всемъ этомъ (а можетъ быть въ глубинѣ всего этого) трепетно, беззавѣтно, и тревожно любишь жизнь, любишь ея инстинктъ, ея безмѣрную красоту и тѣ бродящія въ себѣ силы, что позволяютъ тебѣ такъ мощно проклинать, такъ яростно разрушать!... И кто знаетъ, можетъ быть и разрушенье-то и проклятье-то—отъ *избытка* этихъ силъ, отъ бури разбушевавшихся инстинктовъ, не находящихъ себѣ исхода, вѣчно безпокойныхъ?... А можетъ быть проклинаемъ-то потому только, что пошлость заслонила намъ самое священное мѣсто въ жизни, что грязь покоится при входѣ въ святое святыхъ, что *слишкомъ* возлюбили мы Красоту и святость, чтобы примириться съ этимъ оскверненіемъ? Кто знаетъ? Все это глубоко скрывается и крѣпко закрыто отъ взоровъ!

√ —„Я сейчасъ здѣсь сидѣлъ и, знаешь, что говорилъ себѣ: не вѣруй я въ жизнь, разувѣрься въ дорогой женщинѣ, разувѣрься въ порядкѣ вещей, убѣдись даже, что все, напротивъ, безпорядочный, проклятый и, можетъ быть, бѣсовскій хаосъ, порази меня хоть всѣ ужасы человѣческаго разочарованія,—а

я все-таки захочу жить и ужъ какъ припалъ къ этому кубку, то не оторвусь отъ него, пока его весь не осилю! Впрочемъ, къ 30 годамъ навѣрно брошу кубокъ, хоть и не допью всего, и отойду... не знаю куда!"...

... — Я спрашивалъ себя много разъ: есть ли въ мірѣ такое отчаянье, чтобы побѣдило во мнѣ эту изступленную и неприличную, можетъ быть, жажду жизни, и рѣшилъ, что кажется нѣтъ такой... Черта-то она отчасти Карамазовская, это правда, жажда-то эта жизни; несмотря ни на что, въ тебѣ она тоже непремѣнно сидитъ, но почему же она подлая? Центростремительной силы еще страшно много на нашей планетѣ, Алеша. Жить хочется, и я живу, хотя бы и вопреки логикѣ.

„Пусть я не вѣрю въ порядокъ вещей, но дороги мнѣ клейкіе, распускающіеся листочки, дорого голубое небо, дорогъ иной человѣкъ, котораго иной разъ повѣришь ли, не знаешь, за что и любишь, дорогъ иной подвигъ человѣческій, въ который давно уже можетъ быть, пересталъ и вѣрить, а все-таки по старой памяти чтишь его сердцемъ!"...

Эта великая сила, животная сила,—проявляется въ человѣкѣ именно въ тѣ моменты, когда, кажется, все ужъ погибло и погибло навсегда, когда все испробовано и брошены всѣ надежды, когда кажется, что въ мірѣ есть одно только отчаянье! И сила жизни спасаетъ. Какъ непобѣдимый магнитъ, она тянетъ къ себѣ человѣка, какъ дурманъ,—опьяняетъ его голову, тяжкимъ томленіемъ, страстной тоскою манитъ въ нераскрытыя нѣдра свои!... Куда и къ чему?— Неизвѣстно! Можетъ быть затѣмъ, чтобы познать еще большее страданье и еще сильнѣйшій ужасъ, можетъ

быть туда, гдѣ нѣтъ никакого ужаса, гдѣ все просто и все радостно, какъ солнечный майскій день! Человѣкъ повинуется и идетъ, но что видитъ онъ на пути своемъ, что слышитъ онъ, что переживаетъ онъ тогда,—никто не знаетъ, ибо это самое опасное мѣсто на его пути, когда обыкновенно идешь съ зажмуренными глазами и въ молчаньи таишь великій страхъ! Логика вообще ужасная вещь, нерѣдко она приводитъ къ неизбѣжной гибели, къ тупику, но человѣкъ можетъ перехитрить и логику во имя своего спасенія и въ этомъ ему приходитъ на помощь жизненный инстинктъ! И въ тотъ часъ, когда откроется предъ нимъ глубина жизни, ея кипящій водоворотъ, ея магическая сила, онъ пошлетъ къ чорту всякую логику, всякій разумъ, всякое мышленье,—за одну минуту страстнаго упоенія, за одинъ экстазъ восторга, за одинъ поцѣлуй любви!... Ибо человѣкъ всегда человѣкъ...

Страданье изуродовало міръ, оно отравило колодцы любви! Люди такъ измочалились и такъ испошлились благодаря прославляемому прогрессу, что на самое святое въ человѣкѣ наложено клеймо презрѣнія, что самое жизненное въ немъ названо неприличнымъ и возбуждающимъ негодованіе!... Есть чѣмъ возмутиться, ибо не равносильно ли это убійству жизни?... Есть надъ чѣмъ посмѣяться, ибо развѣ не смѣшно, когда стыдятся самого себя?!...

Любовь для неба и земли святыня
И только для людей порокъ она;
Во всей природѣ дышитъ сладострастье
И только люди покупаютъ счастье.

Въ этихъ словахъ Лермонтова таится весь ужасъ земли, ужасъ царствующей пошлости, ужасъ измель-

чанья, нравственнаго уродства всего человѣчества!... Здѣсь можетъ быть скрывается еще нѣчто, слишкомъ глубокое, чтобы выразить и объяснить словами, но нѣчто такое, что можетъ не только заставить призадуматься, но всю жизнь и все творчество свое употребить на вѣчное подчеркиваніе этого гнуснаго преступленія противъ святости жизни!... Эти слова поэта—какъ бы эпиграфъ къ творчеству выдающагося мыслителя нашихъ дней, еще неоцѣненнаго, еще слишкомъ глубокаго, чтобы могла понять его толпа—В. В. Розанова.

Вотъ философъ, который весь вышелъ изъ Карамазовщины, изъ адскаго кипѣнія жизни, изъ неотравленнаго колодца такихъ глубинъ, о которыхъ намъ, современникамъ, можетъ быть и не снилось еще!... Несомнѣнно, онъ отъ Өедора Павловича, плоть отъ плоти, кость отъ костей его, это можетъ быть возмужавшій и созрѣвшій монашекъ Алеша, можетъ быть перешедшій границу тридцатилѣтняго возраста Иванъ, можетъ быть углубившійся и побывавшій около очаговъ культуры—Дмитрій!... Многому поучился онъ и у Достоевскаго и у русскаго духовенства и у русской жизни, но всѣ свои помышленья и силы онъ направилъ совсѣмъ въ другую сторону, гдѣ Достоевскій только временно побывалъ, но вся его философія, несмотря на крѣпчайшія узы родства, не только чужда духовенству и вообще христіанству, но прямо враждебна ему, направлена противъ самой его сущности, и тамъ, гдѣ онъ особенно смакуетъ христіанство, гдѣ его анализъ по отношенію къ последнему слишкомъ тонокъ и остръ, тамъ-то онъ является опаснымъ врагомъ христіанства, такъ сказать бунтовщикомъ и можно безъ сомнѣнія сказать,

что Розановъ это змѣя отогрѣтая на лонѣ христіанства!... Мудрая и безпощадная змѣя!... Онъ для нихъ и непонятенъ, и чуждъ, и далекъ, и когда онъ съ ними особенно нѣжно и любовно цѣлуется, тогда-то онъ и опасенъ, тогда-то поцѣлуи его—поцѣлуи Іуды, но Іуды неизмѣримо глубокаго, одареннаго, я бы даже сказалъ—геніальнаго!... Все, что открылъ въ своихъ исканіяхъ Розановъ, все, что выстрадалъ и пережилъ—представляетъ богатую собственность, но только для него самого, ибо никто его такъ не пойметъ, какъ онъ самъ, ибо никто не сможетъ пройти около его святого мѣста, не опошливъ его и не исказивъ, до того испорчены и развращены люди, которые называютъ развратникомъ Розанова въ простотѣ сердечной! И онъ въ этомъ отношеніи индивидуалистъ *par excellence*, индивидуалистъ, равный по силѣ одному лишь Ницше, недаромъ же говорятъ о немъ: *„русскій Ницше“*.

Только въ одной Россіи возможно такое явленіе, какъ Розановъ! Только одна Россія таитъ въ своихъ дикихъ дѣвственныхъ нѣдрахъ скрытыя богатства, чуждыя всему міру, таитъ такія чудеса и такія диковины, предъ которыми еще не настало время преклониться Европѣ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что такое время придетъ! Въ этомъ человѣкѣ бездна русскаго, глубоко русскаго, здѣсь и отчаянная жажда жизни, и бѣшеный Карамазовскій размахъ, и ехидненькое юродство, и на ряду съ самыми бунтовскими, самыми анархистскими идеями — Меньшиковскій консерватизмъ изъ „Новаго Времени“... Характерно, что эту-то послѣднюю черту только и видятъ въ Розановѣ, онъ широкой публикѣ и извѣстенъ-то какъ талантливый фельетонистъ изъ „Новаго Времени“, а больше о немъ мало кто и знаетъ.

Хотя это вполнѣ естественно... Популярнымъ Розанову быть не время и не мѣсто... Можетъ быть, въ древней Элладѣ его идеи вызвали бы всеобщій восторгъ и сдѣлали бы его кумиромъ, но въ наше время ему могутъ только удивляться, какъ рѣдкой диковинѣ, а его эллинская мудрость вызываетъ только печальную улыбку на увядшемъ, дрябломъ, сморщенномъ лицѣ современности!...

Христіанство умертвило жизнь!—вотъ основная и завѣтная мысль въ міровоззрѣніи Розанова... Христіанство изгнало изъ жизни любовь и предало проклятью радости и наслажденья любви, христіанство отравило и замучило человѣческую совѣсть сознаніемъ грѣховности этой жизни,—въ этомъ, по мнѣнію Розанова, заключается извѣчная трагедія человѣчества!... Тяжкія узы наложило на себя оно, оно отреклось во имя небеснаго царства (для Розанова это равносильно смерти) отъ богатыхъ даровъ жизни, оно тысячелѣтнимъ аскетизмомъ своимъ извратило и развратило человѣческую природу, извратило до такой степени, что то, что казалось прежде святымъ, намъ кажется низкимъ и преступнымъ! Страданье возвело оно въ культъ, призракомъ смерти, смертными чарами зачаровало всѣ эти дни, улыбки веселья, розы любви, тайну рожденья, земныя заботы осудило какъ искушенье дьявола, гробъ сдѣлало оно кораблемъ всѣхъ стремленій, могилу—пристанью всѣхъ кораблей!... Такое пониманіе христіанства Розановъ обосновалъ необычайно талантливо и остроумно, съ такими предпосылками онъ въ своихъ книгахъ идетъ все глубже и глубже, къ корнямъ всего земного, и вскрываетъ онъ эти корни умѣло и ловко!...

Радость замучили люди, они убиваютъ въ себѣ очарованье пола и красоту любви,—вотъ скорбь Розанова! Онъ негодуетъ на современность, онъ страстно нападаетъ на выродившійся аскетизмъ современныхъ христіанъ не какъ диллетантъ въ христіанствѣ, а какъ глубокій и тонкій его знатокъ *). Его помыслы постоянно направлено къ тому, чтобы обнаружить сквозь видимые покровы глубину жизни и ея красоту, чтобы найти въ проявленіяхъ человѣческой мысли нужныя для его философскаго бунтарства устои и на нихъ строить свои излюбленныя теоріи о бракѣ, о семьѣ, о тайнахъ и загадкахъ пола, о дѣторожденіи, о той лазурной, великой, навѣки утраченной радости, которую онъ противопоставляетъ христіанству.

Новый завѣтъ чуждъ ему, хотя онъ глубоко его понимаетъ, временами любитъ, его Богъ—это Богъ Ветхаго Завѣта, Іегова карающій, безликій и стихійный, Богъ Авраама, Іакова, Моисея, Богъ рождающій и любящій рожденье, Богъ дающій всему человѣчеству единый завѣтъ: „плодитесь и размножай-

---

*) Творчество Розанова, его душа до того усложнены, до того уклончивы и многообразны, что въ одной статьѣ невозможно дать опредѣленной характеристики, нельзя охватить *всего* Розанова. Много у него различныхъ ликовъ и маски его безчисленны. До сущности же докопаться трудно, а если и постигнешь ее,—то она сейчасъ же станетъ новой маской, и снова таинственно засмѣется, и снова исчезнетъ во тьмѣ. И вотъ это-то и есть то, что я особенно цѣню въ этомъ художникѣ. Ибо отъ всѣхъ скрываться и уходить, и уклоняться, измѣняясь безконечно, вѣчно подвергая издѣвкѣ всѣ старанія критиковъ умертвить живую глубь формулой или буквой, или пошлостью фразъ,—не значитъ ли это носить въ себѣ богатство тайны великой, не значитъ ли это въ загадкѣ своей хранить для себя одного свою душу?

Язычникъ и христіанинъ въ немъ сплетены почти что неотдѣлимо. И не знаешь, который глубже. Одна книга „Темный Ликъ"—цѣлый лѣсъ загадочнаго. Въ ней онъ и христіанинъ больше, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Къ ней и вообще къ христіанству Розанова я еще возвращусь въ своей книгѣ: „Религія".

тесь и населяйте землю!“... Отсюда эти вспышки его любви къ еврейству, къ его патріархальному быту, полному земляного очарованья, къ его культу плодовитости, къ его привязанности къ земнымъ заботамъ и всему земному, благоустрояющему, полножизненному!... Отсюда это страстное любованіе той гармоніей, тою рѣдкою лучистою любовью, тѣмъ тайнымъ очарованіемъ, которое открывается ему въ анализированіи еврейской половой жизни, семьи и брака... Отсюда его страстная любовь къ землѣ, къ вопросамъ и загадкамъ земнымъ, у него есть даже двѣ толстыя книги посвященныя по преимуществу разводу!

Въ Розановѣ много языческаго—это несомнѣнно. О немъ можно не задумываясь сказать, что онъ язычникъ до мозга костей!... Язычникъ, весь погруженный въ солнечную зарю человѣчества, язычникъ любящій свою землю и ея богатые дары,—язычникъ, влюбленный въ божественный ликъ вѣчной женственности, которая грезится ему и въ снахъ и на яву, ароматъ которой, вкусъ которой, очарованіе которой онъ ищетъ въ каждомъ движеніи жизни, въ каждомъ ея изломѣ, въ каждомъ ея проявленіи, ищетъ и находитъ, ибо кто знаетъ, можетъ быть вся природа пресыщена женственностью, и чары ея сквозь сумракъ жизни струятся какъ запахъ пышныхъ, красныхъ, чувственно роскошныхъ розъ!? И не здѣсь, не въ холодныхъ Петербургскихъ дняхъ живетъ Розановъ, онъ живетъ въ давнопрошедшихъ временахъ сѣдой древности, его душа пребываетъ то въ разнузданномъ Вавилонѣ, гдѣ свершается религіозный культъ въ честь богини Милитты, той богини, которая олицетворяетъ собою творческую жизнь природы,

то среди религiозныхъ празднествъ въ честь Изиды въ Египтѣ, гдѣ пирамиды, гдѣ сфинксы, гдѣ волшебная тайна, въ жертвоприношенiяхъ въ честь Баалъ-Пеора въ степяхъ излюбленной Древней Iудеи, въ афродизiйскихъ, элевзинскихъ таинствахъ грековъ, тамъ, гдѣ двѣ лазурныя бездны—небо и море сливались въ одномъ пламенномъ поцѣлуѣ божественной любви, тамъ, гдѣ вѣчно движетъ и дышетъ Деметра, гдѣ сiяетъ Аполлонъ, гдѣ въ пѣнистыхъ волнахъ жизненнаго моря всегда и вѣчно рождается Афродита!...

Ибо все, что отъ жизни,—священно и радостно, ибо все, что отъ избытка жизни,—не требуетъ оправданiя, ибо многообразность и загадочная сложность человѣческой природы болѣе цѣнна и болѣе любопытна, чѣмъ сама жизнь!... Поэзiя Розанова это Соломонова пѣснь пѣсней, пѣснь любовнаго похмелья, восхваленiя жизни и тѣла, обожествленiе тѣла, ликующiй гимнъ прекрасному тѣлу, половой экстазъ воплощенный въ вѣчность, ибо все, что отъ радости, должно застыть въ вѣчности, какъ изваянiе нерушимаго идола:—поэзiя Розанова—это беременность престарѣлой Сарры и плодоносная красота красавицы Ревекки; поэзiя Розанова—это поэзiя ночи любви, когда въ тайникахъ человѣческой природы свершается зачатье и готовится мiру новое рожденье и значитъ, новая жизнь, быть можетъ новая красота, новое чудо!... А все, что внѣ рожденья, внѣ плодородiя, внѣ земли, то для него равнодушно и можетъ и не существовать, ибо внѣ жизненно, а онъ вѣчно хлопочетъ, вѣчно суетится, вѣчно заботится, чтобы всюду была жизнь, чтобы всюду цвѣла любовь, чтобы всюду зеленѣла весна, до того сiяетъ въ немъ этотъ

солнечный теплый свѣтъ, что даже въ монастыряхъ онъ видитъ жизнь, и въ Саровской пустынѣ, среди угрюмаго молчанья лѣсовъ, онъ улыбается и восклицаетъ: „И капустка на грядкахъ хороша! И камень чуденъ, очень чуденъ! И все кругомъ чудно и хорошо!“...

Но дѣло-то не въ одной этой жаждѣ жизни, не въ одной любви къ землѣ,—въ Розановѣ живетъ еще другая идея, другая завѣтная мечта, которая именно и дѣлаетъ его новымъ и необычнымъ для современности. Это — идея *святости плоти*, идея преображенія не только человѣка, но всего міра въ любви, идея освященія жизни во имя ея вѣчнаго торжества! Для язычника, воздвигающаго храмъ Фаллусу, эта идея не представляетъ собой ничего чуждаго, болѣе того,—онъ, можетъ быть, самъ внутри себя, внутри своей жизни носитъ эту идею, какъ свою собственную сущность, ибо для язычника, особенно для эллина—человѣческое тѣло и половая жизнь были чѣмъ-то естественно священнымъ, ибо высшей святыни, чѣмъ самъ человѣкъ, для него, въ сущности, не было!... Но намъ все это представляется совершенно въ другомъ свѣтѣ, благодаря христіанству, наложившему узы на плоть и сдѣлавшему плоть низкой и преступной, мы уже отучились видѣть все это глазами непорочными, глазами дѣтей, все это, несмотря на всю вопіющую важность свою для жизни, для насъ постыдно, мы стыдимся говорить объ этомъ, стыдимся обнажать, кутаемъ въ непроницаемыя одежды приличія, что несомнѣнно,—признакъ нравственной извращенности! Осквернены колодцы жизни, нечиста человѣческая совѣсть, поблекла и вянетъ любовь! — восклицаетъ Розановъ...

Мало кто его слышитъ, а еще меньше понимаетъ, въ суетѣ базарной пошлости, на рынкахъ грязи и убогаго разврата всѣ заняты другимъ, совсѣмъ другимъ; но кто знаетъ, кому дороже человѣкъ - христіанину-ли, любующемуся проявленіемъ въ немъ аскезы и обрекающему на вѣчныя муки вторую душу—плоть, или Розанову—для котораго именно эта-то плоть и составляетъ нерушимую святыню?...

Вотъ какія совсѣмъ новыя, совсѣмъ необычныя для нашего слуха слова говоритъ Розановъ въ своей замѣчательной статьѣ „Объ Іисусѣ сладчайшемъ и горькихъ плодахъ міра":—„Во Христѣ прогорькъ міръ, и именно отъ Его сладости. Какъ только вы вкусите сладчайшаго, неслыханнаго, подлинно-небеснаго, такъ вы потеряли вкусъ къ обыкновенному хлѣбу. Кто-же послѣ ананасовъ схватится за картофель? Это есть свойство вообще идеализма, идеальнаго, могущественнаго. Великая красота дѣлаетъ насъ безвкусными къ обыкновенному. Все обыкновенно сравнительно съ Іисусомъ"... Христіанство это сладкая смертная отрава, Розановъ этимъ какъ бы хочетъ подчеркнуть свою любимѣйшую, свою завѣтную мысль о гибели земного, плотскаго, тѣлеснаго подъ эгидою христіанства! Онъ говоритъ: „Подъ такимъ угломъ зрѣнія христіанство есть мистическая пѣснь переходу изъ земного житія, всегда и непремѣнно грѣшнаго, въ вѣчную жизнь—тамъ. Хорошая религія? Конечно,—но не отрицайте же, что это есть величайшій пессимизмъ и глубочайшее отрицаніе земли и земного, стихій планетныхъ, лунныхъ, солнечныхъ, но въ основѣ всего—родительскихъ, рождающихъ. Передъ мистицизмомъ похоронъ что значитъ „Исаія ликуй!" или „жена да убоится своего мужа", наиболѣе му-

зыкальныя и выразительныя мѣста вѣнчанія? Вотъ ужъ раціонализмъ, вотъ краткословіе и грубословіе, т. е. не въ смыслѣ, а въ музыкѣ. Музыкантъ, съ такою прилежностью сложившій напѣвы: „идѣ-же нѣсть печаль и воздыханіе, но жизнь безконечная“, отмахнулся отъ брачущихся: „Э—пусть вамъ діаконъ проореть: „жена да боится своего мужа“. Очевидно—религія *тамъ, въ могилѣ*: здѣсь-же, гдѣ начинается, гдѣ будетъ, черезъ дѣтей и рожденье, убѣганіе отъ могилы—есть только впаденіе въ грѣхъ, выступленіе въ океанъ „жала сатанинскаго“. Сатана—жизнь: Богъ—смерть. („Темный Ликъ“ стр. 87—88).

Но не думайте, что эти слова — только бунтъ, только Іудино злословіе... О, нѣтъ, быть можетъ сами христіане не знаютъ такой любви ко Христу и къ церкви, которая у Розанова!... Онъ понимаетъ всю красоту ея, именно-то *красоту* христіанской религіи онъ и любитъ паче всего, но его душа лежитъ не здѣсь, его душа и его мысль не умѣщаются здѣсь, и не потому, что узки рамки (христіанство это вѣдь океанъ великій, все геніальное тонетъ въ немъ, навсегда, невозвратно, это пристань для всѣхъ), а потому, что онъ—сынъ земли, вѣрный и любящій сынъ, потому что не хочетъ онъ страданья, не хочетъ трагедіи, ибо въ нихъ гибель жизни, божественнаго дара, чудодѣйственнаго цвѣтка, который цвѣтетъ одно мгновенье, а потомъ—увяданье, гибель, мракъ, пустота, навѣки, невозвратно (какой ужасъ въ этой вѣчной пустотѣ, зачѣмъ же еще заживо стремиться къ ней?)... Нѣтъ, нужно беречь этотъ цвѣтокъ, онъ такъ нѣженъ, такъ хрупокъ, нужно впитать въ него всю живоносную влагу вселенной, и пусть онъ будетъ роскошенъ, пусть ароматъ его опьянитъ всякое со-

знаніе, всякое „умствованіе“, (ибо разумъ великій и разумъ малый одинаково подлежатъ уничтоженію), пусть великая жажда, великая любовь, огненная плоть разгорятся въ пламенный костеръ роскошнаго цвѣтенія, пусть это цвѣтеніе длится безконечно, пока плодоносящія зерна не истощатся въ немъ!...—Человѣкъ—бездна всякихъ пороковъ и грѣха, нѣчто, что подлежитъ исправленію и искупленію—гласитъ законъ міра, христіанство... Человѣкъ—это нѣчто святое и плоть его должна быть священна, ибо изъ нея рождаются жизнь и любовь,—два чуда, два божества, два прекрасныхъ идола всей моей жизни,—восклицаетъ Розановъ... Это голосъ вопіющаго въ пустынѣ, голосъ возставшаго изъ мертвыхъ послѣ тысячелѣтняго сна язычника... Но русскій человѣкъ и въ язычествѣ ищетъ святости, ищетъ религіознаго оправданія... Но его язычество *религіозно* по существу, ибо на немъ строится вся жизнь... Вотъ это-то и есть самая замѣчательная сторона въ творчествѣ Розанова!... Посмотрите ближе на вашу жизнь, на вашъ полъ, на вашъ бракъ!—говоритъ онъ. Тамъ мерзость запустѣнія на мѣстѣ святомъ, тамъ пошлость превратилась въ грязное гніеніе, тамъ—самое ужасное преступленіе на землѣ, ибо полъ чрезъ распятіе тѣла уже оскверненъ, но истина въ томъ, что полъ—основа жизни, основа наивысшей и наибезумнѣйшей красоты на землѣ и поэтому подлежитъ освященію, но пусть разрушится жизнь трусливая, замореная и сѣренькая, будемъ жить какъ боги по ту сторону добра и зла, какъ боги, вновь увидѣвшіе свой утраченный рай!... „*И я вообще думаю*—говоритъ въ одномъ мѣстѣ Розановъ,—*что въ наше время хорошо сохранить дѣтство, а серьезному взрослому душою засыпать и*

потихоньку просыпаться въ тотъ древній міръ, когда люди не задыхались подъ ватною одеждой, подъ книгами, подъ утренними газетами, а умывали утромъ руки въ солнечныхъ лучахъ и солнце золотило ихъ смуглую кожу!"... *).

Какія слова! Какая идея въ замученномъ, умирающемъ, выдохшемся мірѣ! Какая мечта—волшебная, почти сказочная!... Вѣдь это протестъ противъ всей нашей жизни, противъ ея измельчанія, противъ ея угасанія! Вѣдь это какой-то свѣжій, пахучій, благодатный вѣтеръ изъ тѣхъ странъ, изъ тѣхъ временъ, гдѣ люди жили какъ гордые и безстрашные боги Олимпа и были равны имъ и вступали съ ними въ родство,—и не было страха, не было отчаянья, не было смерти, потому что была только одна свѣтлая влюбленность въ жизнь и *только* въ жизнь!... А теперь? Гдѣ это живое, бродящее, богоборческое, богоравное? Гдѣ эта навѣки утраченная, самозабвенная влюбленность? Гдѣ это бурлящее, крѣпкое вино въ жилахъ, вино, опьяняющее разумъ и дающее крылья?... Его нѣтъ—скорбитъ Розановъ. Есть христіанство, побѣдившее міръ, но и погубившее его. Христіанство культивируетъ пессимизмъ, смерть, отчаянье, гибель,—вотъ трагедія міра, вотъ трагедія замученной и проклятой плоти!... Но Христова—келья, а міръ—*не* Христовъ. „Мужайтесь, нынѣ Я побѣдилъ міръ": никакъ гуманистамъ-христіанамъ не удастся сломить это и нѣкоторыя другія столь же основныя, таинственныя, необходимыя изреченія Христа. Міръ естественный, натуральный несомнѣнно *не* Христовъ, ибо если-бы онъ былъ уже изначала и по существу

*) Курсивъ мой. *А. З.*

своему не „Христовъ“, то *не зачѣмъ* было Христу и приходить! Фраза Тертулліана, безчисленное множество разъ повторенная, что „душа человѣческая есть *по природѣ* своей христіанка“—одна изъ самыхъ ложныхъ, ошибочныхъ фразъ, съ которою не согласится ни одинъ монастырь. Напротивъ, „душа человѣческая есть по природѣ *язычница*“, которая воспитывается къ христіанству только черезъ тѣсную „дверь“ безчисленныхъ отреченій (Марія отреклась отъ *всего*, чтобы *только* Інсуса слушать)... Какова „естественная душа человѣка“—это она показала памятно и документально до Христа, въ Ахиллѣ и Тирситѣ, Платонѣ и Эпикурѣ, въ Сократѣ и Суллѣ, въ Неронѣ и Кроткомъ Титѣ, „утѣшеніи рода человѣческаго“ (прозваніе). Древность, язычество,—это и есть *Humanität*, чистая и исключительная человѣчность, новыя пѣсни которой запѣли Гете и Шиллеръ:

Радость, ты искра небесъ, ты божественна,
Дочь Елисейскихъ полей,
Мы, упоенные, входимъ торжественно
Въ область святыни твоей“.

Сумракъ заслонилъ улыбку, горечь побѣдила радость. Невольно вспоминаются слова Нитцше: „И не иначе умѣли они любить своего бога, какъ распявъ человѣка.—Они думали жить какъ трупы; въ черныя одежды облекли они тѣло свое; и даже изъ рѣчей ихъ я слышу еще зловоніе склеповъ. И кто живетъ вблизи ихъ, живетъ вблизи черныхъ прудовъ, откуда жаба, въ сладкой задумчивости, поетъ свою пѣсню“. („Такъ говорилъ Заратустра“).

Съ какою жадностью ищетъ этой улыбки, этой влюбленности Розановъ во Христѣ. Но напрасны его

поиски, и онъ въ концѣ концовъ заявляетъ: „Христосъ никогда не смѣялся... Я не помню, улыбался ли Христосъ?“ („Темный Ликъ“). И еще: „я предложу вамъ представить одну изъ юныхъ женъ евангельскихъ, или котораго-нибудь апостола,—извините за смѣлость,—влюбленнымъ. Я *извиняюсь*, и вы чувствуете, что я *долженъ* былъ извиниться. Отчего? По *міровой несовмѣстимости* влюбленія и Евангелія. Я не читалъ „Жизни Іисуса“ Ренана, но слыхалъ, всегда въ словахъ глубочайшаго негодованія, что дерзость этого французскаго вольнодумца простерлась до того, что которое-то изъ евангельскихъ лицъ онъ представляетъ влюбленнымъ... Ни смѣха, ни влюбленности нѣтъ въ Евангеліи, и одна капля того и другого испепеляетъ всѣ страницы чудной книги, „раздираетъ завѣсы“ христіанства. Да, „мертвые“ *возстали*, когда умеръ Христосъ: но зато таинственная „завѣса Соломонова храма“—она „разодралась“... А вѣдь „законъ“ этого храма состоялъ, между прочимъ, въ томъ, что при постройкѣ его нельзя было употребить, какъ инструментъ или какъ части, хотя бы крошечнаго кусочка желѣза: ибо „изъ желѣза—оружіе, а оно *„укорачиваетъ жизнь“*. Стало быть, тайная мысль храма—*„удлиненіе жизни“* („Темный Ликъ“, 256)...

Такихъ страницъ вы найдете у Розанова—множество. Въ нихъ весь онъ, вся его душа... Какая-то горячая лава струится изъ этихъ страницъ, какое-то ожиданіе, какая-то новая, свѣтозарная вѣсть!... И посмотрите, какъ онъ любитъ землю и все, что связано съ землей и съ тайной рожденья, и съ тайной любви,—какъ онъ цѣлуетъ каждую травку, каждый цвѣтокъ, каждое живое сѣмя... Откуда это?... Лучше

не спрашивать, откуда... Можетъ быть ужаснулись бы, если бы узнали... Но можно догадываться, и есть на основаніи чего догадываться!... Вѣдь, можетъ быть, смерть, та смерть, которая его такъ раздражаетъ въ христіанствѣ, можетъ быть эта-то самая *смерть*, проникновенно сознанная, и заставляетъ Розанова такъ жадно пить жизнь, такъ страстно на нее молиться, можетъ быть та самая *трагедія*, отъ которой онъ отвернулся съ отвращеніемъ,—и научила его возлюбить радость? Радость это вѣдь что-то легконосное, сквозное облачко, какая-то головокружительная пляска въ высотѣ, надъ страшной глубиной, и конечно, съ зажмуренными глазами! Радость—это вѣдь единственное лѣкарство отъ безумія!... И многіе, многіе, и Розановъ въ томъ числѣ, взглянувшіе внизъ съ высоты въ головокружительную и манящую бездну,—отвернулись отъ нея, поблѣднѣвшіе, съ дрожью во всемъ тѣлѣ, съ паническимъ страхомъ побѣжали отъ нея, и вотъ, одинъ изъ нихъ, вмѣсто того, чтобы умереть отъ испуга,—пришелъ къ радости, къ искупительному источнику любви, къ чарамъ вѣчной женственности... Но не все ли равно, какъ спастись, безразлично!... Лишь бы только спастись!

Человѣкъ, говоритъ Розановъ, долженъ радоваться: онъ можетъ любить, онъ можетъ рождать! Нѣтъ тайны большей, чѣмъ тайна любви, на этой тайнѣ зиждется вся эта земля, всѣ эти звѣзды, вся красота природы, если тайну любви постигъ,—все, что нужно для твоего спасенія постигъ!... Какъ просто, и вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько мучительной глубины въ этой простотѣ!... Человѣкъ—это что-то безумно живоносное, что-то таящее въ себѣ миріады жизней, миріады міровъ!... „Человѣкъ—говоритъ Розановъ—весь есть только

трансформація пола, только модификація пола, и своего и универсальнаго!" („Люди луннаго свѣта").

Мы живемъ въ мірѣ женственности... Въ этомъ таится какой-то еще невѣдомый міру восторгъ, въ этомъ разлито какое-то опьяняющее, вѣчно спасительное, вѣчно религіозное томленіе... Ибо женственность, женское,—это можетъ быть аттрибуты невѣдомаго божества... У Розанова по этому поводу создалась цѣлая метафизика. Въ „Людяхъ луннаго свѣта" книгѣ, которую лучше было бы назвать метафизикой пола, а не христіанства, находимъ такія слова: „Я все сбиваюсь говорить, по старому: „Богъ", когда давно надо говорить *Боги*; ибо вѣдь ихъ *два*, Эло-*гимъ*, а не Эло-*ахъ* (ед. число). Пора оставлять эту навѣянную намъ богословскимъ недомысліемъ ошибку. Два Бога —*мужская* сторона Его и сторона —*женская*. Эта послѣдняя есть та „Вѣчная Женственность", міровая женственность, о которой начали теперь говорить повсюду. „По образу и подобію Боговъ (Элогимъ) сотворенное" все и стало или „мужомъ" или „женою", „самкою", или „самцемъ" отъ яблони и до человѣка. „Дѣвочки"—конечно въ Отца Небеснаго, а мальчики —въ Матерь Вселенной! Какъ и у людей: дочери—въ отца, сыновья —въ мать! („Люди лун. свѣта").

Повторяю, правъ былъ Иванъ Карамазовъ, постигшій это внутреннее очарованіе міра, и съ страстною жаждою прильнувшій къ кубку жизни. Правъ онъ и тогда, когда этотъ восторгъ, это томленіе онъ выражаетъ въ словахъ, обращенныхъ къ Алешѣ: „Собственнымъ умиленіемъ упьюсь. Клейкіе весенніе листочки, голубое небо люблю я, вотъ что! Тутъ не умъ, не логика, тутъ нутромъ, тутъ чревомъ любишь, первыя свои молодыя силы любишь!"...

Несомнѣнно, правъ и Иванъ, правъ и Розановъ. Только все дѣло-то въ томъ, что сущность не въ ихъ умиленіи и не въ ихъ экстазѣ, а въ чемъ-то другомъ, очень далеко отъ нихъ стоящемъ, тамъ именно, куда они не хотятъ, боятся взглянуть, въ той области, отъ которой они навсегда отвернулись!... Ибо какъ ни хороша эта радость, какъ ни эстетично это язычество, но оно въ сущности, хорошо какъ *настроеніе*, какъ переживаніе момента, но строить на немъ всю жизнь это хотя и возможно, но слишкомъ ужъ узко, я бы сказалъ:—скучно!... Догматическое язычество, язычество, низведенное съ высоты мечты въ реальную человѣческую жизнь,—какъ скоро здѣсь испаряются всѣ геніальные Розановскіе замыслы, какъ слишкомъ быстро куда-то исчезаетъ всякая эстетика, всякое очарованіе, всякое безуміе, какъ незамѣтно все это замѣняется все той же надоѣвшей, сѣрой тоской дѣйствительности!... Принять дѣйствительность за то только, что въ ней таится геніальная идея дѣторожденія.—это слишкомъ ужъ примитивно, до смѣшного примитивно, несмотря на всю сложность скрывающейся въ немъ идеи! Но идея одно, а жизнь—другое, совсѣмъ другое, и въ томъ-то и весь ужасъ, что жизнь своимъ убожествомъ и своею пошлостью убиваетъ всякую, самую возвышенную идею. Всѣ замыслы Розанова при попыткахъ реализаціи разсыпаются въ прахъ, и остается отъ этого только одна скука, только одинъ вѣчный и ничѣмъ не заглушаемый кошмаръ!

Слишкомъ возлюбили мы свою глубину, чтобы промѣнять ее на самое яркое сверканіе торжествующей дѣйствительности, слишкомъ возлюбили мы свою скорбь, чтобы замѣнить ее маленькими радостями этой

жизни! Да, *маленькими* радостями, ибо кто принимаетъ жизнь во имя мечты о великой радости, тотъ долженъ жить только ея измельчаніемъ, ибо въ предѣлахъ реальнаго не за что ухватиться, и все великое обращается въ пошлость тоски! Объ этомъ самъ Розановъ прекрасно знаетъ, онъ какъ бы боится даже отвѣтить на вопросъ, какимъ образомъ возможно осуществить въ жизни его теоріи, а когда отвѣчаетъ, то простота отвѣта далека отъ всякой геніальности... Въ одномъ мѣстѣ онъ такъ все это рисуетъ: „Вы не можете доказать, а я не хочу доказывать. Столъ долженъ быть сытенъ и *вкусенъ*, жена добра и *красива*, дѣти—хороши и ихъ *много*: деньги въ достаткѣ и съ *запасомъ*, домъ для себя и *для гостей*. *Иначе, иной* путь ведетъ вовсе не къ объѣданію, бездомности, убѣганію отъ сосѣдства, къ выгону гостей или всеобщему раззнакомленію. Отвратительно и не понимаю, почему божественно!“... Если *это* объясненіе, если это *жизнь*, та безумно радостная жизнь, что грезится въ языческой мечтѣ, то и объ этомъ можно сказать, что это не только не божественно и не только отвратительно, но просто *пошло!* И стоило же, было же во имя чего отворачиваться отъ Христа! Гдѣ же не то что геніальность, но даже та пресловутая эстетика, за которую Розановъ такъ любитъ хвататься, анализируя христіанство?... Ея нѣтъ въ этомъ всемъ, самъ Розановъ это признаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Эстетика это мигъ, а вѣчность—именно не эстетика, и даже что-то отрицательное въ отношеніи ея. Здѣсь права земли, права безобразнаго или вообще не красиваго. Эстетически можно умереть, а прожить—никакъ нельзя эстетически, и здѣсь—права жизни,

реализма"... Развѣ этимъ не сказано все? Развѣ это не говоритъ само за себя?... Нѣтъ, если такъ осуществляется эта радость, если таковъ ея реальный видъ, то лучше, въ тысячу разъ лучше христіанская смерть... И сама *святая плоть* не есть ли это только мечта, мечта лучшихъ дней этой жизни, а въ жизни—одно настроеніе, *минута* одного настроенія, а въ жизни—чаша ея, тотъ кубокъ, который пьетъ такъ жадно Иванъ Карамазовъ—все сильнѣе дрожитъ въ рукахъ, и дно ея все ближе, и вѣчная пустота, вѣчная скука все явственнѣе, все неопредѣленнѣе! „Я вѣдь сказалъ тебѣ: мнѣ бы только до тридцати лѣтъ дотянуть, а тамъ—кубокъ объ полъ.

— А клейкіе листочки, а дорогія могилы, а голубое небо, а любимая женщина? Какъ же жить-то будешь, чѣмъ ты любить-то ихъ будешь?—горестно восклицаетъ Алеша"...

Гдѣ найти отвѣтъ? Въ томъ-то и вся трагедія, что его и найти нельзя, что вопросы одни, вопросы всюду, на каждомъ шагу, а отвѣта нѣтъ... И не въ природѣ это русскаго человѣка—отвѣты давать. Розановъ попробовалъ дать отвѣтъ и спасовалъ передъ дѣйствительностью, а отвѣтъ-то получился скучный... Вопросы любитъ русскій человѣкъ, а не отвѣты, до того возлюбилъ вопросы, что даже самая возможность отвѣта вызываетъ въ немъ печальную улыбку сомнѣнія!... Отчего это? Не оттого ли, что слишкомъ глубока, неизмѣримо глубока его скорбь, что слишкомъ велика трагедія, что слишкомъ сердцу дорога безысходность? Радость призываемъ всею душой, но когда обрѣтаемъ ее, ужасаемся и стремимся убить ее всяческими проклятіями, горькими слезами залить свѣтъ души! Неисцѣлима наша тоска и мучительна

наша рана, и если возлюбили мы религію скорби, если *все* стремится въ насъ къ ней, то не значитъ ли это, что мы навѣки погибли для той языческой гармоніи, о которой говоритъ Розановъ? И не правъ ли въ словахъ своихъ Иванъ Карамазовъ: „Люди сами, значитъ, виноваты: имъ данъ былъ рай, они захотѣли свободы и похитили огонь въ небеси, сами зная, что станутъ несчастны, значитъ, нечего ихъ жалѣть. О, по моему, по жалкому, земному эвклидовскому уму моему, я знаю лишь то, что страданія есть, что виновныхъ нѣтъ, что все одно изъ другого выходитъ прямо и просто, что все течетъ и уравновѣшивается,—но это вѣдь лишь эвклидовская дичь, вѣдь я знаю же это, вѣдь жить по ней я не могу-же согласиться! Что мнѣ въ томъ, что виновныхъ нѣтъ и что все прямо и просто одно изъ другого выходитъ, и что я это знаю—мнѣ надо возмездіе, иначе я вѣдь истреблю себя!“...

Какъ все это далеко отъ Розановской прославляемой гармоніи! Какъ все это далеко отъ его мечты! Онъ такъ хорошо изучилъ трагедію христіанства, трагедію русской души, это ужъ одно доказываетъ, что знаетъ онъ, видѣлъ онъ ту глубину, которая открылась ему въ этомъ ночномъ царствѣ и отъ которой онъ въ испугѣ побѣжалъ прочь!... Если ужъ въ этомъ случаѣ человѣкъ заговоритъ о радости, значитъ онъ увидѣлъ нѣчто такое страшное въ глубинѣ своей, что ему нужно уже лѣчиться, нужно смѣхомъ своимъ заглушать уныніе, нужно хоть искусственнымъ свѣтомъ освѣтить таинственные своды темной ночи!... Ибо онъ видѣлъ Ликъ Христовъ, онъ видѣлъ больное страданье Его, онъ видѣлъ всю безысходную красоту Его, и нельзя, невозможно пред-

положить, чтобы не понялъ онъ, *отчего, откуда* это страданье? Онъ побывалъ въ подземельяхъ человѣческаго духа и стало ему тамъ холодно, стало нестерпимо, но великую истину онъ вынесъ оттуда: *„религія реальна и вѣчна, но только разсмотрѣть-то ее можно изъ подземелій и страданія!“*... Отчего? Да не оттого ли, что чѣмъ глубже внизъ, въ тайники человѣческой души, тѣмъ больше страхъ, тѣмъ сильнѣе мучительная рана, тѣмъ безысходнѣе скорбь, требующая забвенья, только одного забвенья... Не оттого ли, что какъ только *все* поймешь—тупѣетъ разумъ, и хочется скорѣе во имя своего спасенія отказаться отъ этого пониманія, оглушить себя чѣмъ-то, хочется хоть радостью исцѣлить себя на время, хоть настроеніемъ, хоть чарами женственности утѣшить совсѣмъ уже никуда негодную жизнь?!

Вотъ былъ писатель—Михаилъ Пантюховъ, до того проникшій въ глубину и такое что-то въ этой глубинѣ увидѣвшій, что ничего ему послѣ этого не оставалось, какъ добровольно пойти въ психіатрическую больницу и умолкнуть тамъ навсегда, для себя, для себя одного сохранить свою тайну и съ ней умереть... И этотъ человѣкъ, уходя изъ міра, написалъ въ своемъ дневникѣ такія слова: „Все идеи доведены до конца. Внѣ Христа—пустота, пустота, пустота!“... Этотъ какъ никто другой созналъ всю необходимость радости, всю необходимость утѣшенія, но и онъ нашелъ эту радость тоже во Христѣ; то-есть въ Богѣ страданья, въ Богѣ горькой и печальной любви!

Да, христіанство—это волшебная красота ночи, это подземное царство скорби—правильно это понялъ Розановъ. Только можетъ быть это не христіанство, а сама русская душа?... Можетъ быть это ея очаро-

ваніе, ея красота, которую принялъ онъ за христіанство?... Какъ бы то ни было, онъ раздражается, что здѣсь много скорби, много унынія, что отъ языческаго солнца оно отвернулось и спряталось въ глубину долинъ... Была же вѣроятно какая-нибудь причина, недаромъ же это свершилось. Но о причинѣ нужно молчать, Розанову то больше другихъ нужно молчать, но кто умѣетъ чувствовать безмолвіе, тотъ пойметъ и безъ словъ...

„*Свѣте тихій, святыя славы*"—поется въ христіанскомъ церковномъ пѣснопѣніи... И еще есть тамъ мудрыя, знаменательныя слова: „пришедше на Западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній!"... Вотъ, кому эти люди молятся, свѣту вечернему, полному грусти, полному невыразимаго очарованья, свѣту потухающей печали... И въ ночь идутъ, и видятъ неразгаданные сны... И въ снахъ живутъ... Какъ хорошо Розановъ понимаетъ эту ночную жизнь! Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „День и ночь имѣютъ совсѣмъ разную психологію въ себѣ; я хочу сказать, что не только измѣняется психика людей въ это время, но что, какъ будто, и сама природа на ночь воодушевляется совсѣмъ другимъ воодушевленіемъ, нежели какое владѣетъ ею днемъ... Ночь болѣе одушевлена, чѣмъ день; но не раціональнымъ одушевленіемъ, а полетомъ скорѣе мистическихъ сторонъ души. Тогда молятся, тогда изобрѣтаютъ стихи, тогда слушаютъ музыку, мечтаютъ: все—послѣ захода солнца, или ранѣе восхода его!"... Вотъ въ этомъ-то таинственномъ царствѣ Розановъ и понялъ и почувствовалъ тотъ великій надрывъ, то великое томленіе духа, ту тоску, отъ которыхъ побѣжалъ отсюда, далеко побѣжалъ, въ глубокую древность, къ давно

умершему язычеству. Такъ спасаются отъ трагедіи... Но вотъ тѣснятся въ душу все тѣ же вѣчные, незабвенные, болящіе вопросы, все мучаетъ неразгаданность ихъ! Отчего же трагедія вѣчна, несмотря на яркое сознаніе, что радость есть, что радость возможна? Отчего то, чѣмъ можно жить—безуміе и красота—открываются только въ одномъ мгновеньи и хороши какъ мгновенье, какъ настроеніе одно?... Отчего *мечта* только можетъ одушевлять жизнь, а реальная дѣйствительность, будничная жизнь есть кошмаръ, въ которомъ клейкіе листочки покрываются сѣрою пылью тоски, въ которомъ голубое небо застилается туманомъ, въ которомъ женщины проходятъ вдаль, оставляя въ душѣ одну лишь горечь пресыщенья?...

Эти вопросы останутся вѣчной загадкой. Но Розанову нѣтъ до этого дѣла. И онъ правъ... Ибо несравненно счастливѣе тотъ человѣкъ, который непосредственно отдается хоть маленькой, хоть земной, хоть низкопробной радости, чѣмъ тотъ, который надорвалъ себя трагедіей неразрѣшимыхъ вопросовъ. Ибо, въ концѣ концовъ, клейкіе листочки, голубое небо, женщины—дороже всего, дороже всѣхъ вопросовъ, ибо хоть на минуту даютъ безумный восторгъ, отъ котораго гаснетъ вся жизнь. Ибо—великую истину говоритъ Розановъ въ предисловіи къ своей книгѣ: „Люди луннаго свѣта“.

„Если даже все поймемъ, то самое это пониманіе бросимъ въ огонь!

... Ибо уже лучше пусть померкнетъ умъ, нежели чтобы погасла жизнь“.

Тана.

V.

Въ послѣдней жестокости—есть бездонность
нѣжности
И въ Божіей правдѣ—Божій обманъ...
З. Гиппіусъ.

Николай Ставрогинъ—это, можетъ быть самое цѣльное, самое выдержанное, самое яркое созданіе Достоевскаго... Впрочемъ, можетъ быть и не созданіе, а мечта. Это не первая его мечта и не послѣдняя, у него ихъ много, все творчество его—углубленная до надрывнаго экстаза мечта... Хоть и не завидная, тяжелая была жизнь Достоевскаго, но все же—онъ былъ уже счастливъ тѣмъ, что всегда у него имѣлась мечта и что предавался онъ ей всей силою своей души. Это и спасало. Сѣрые Петербургскіе дни, кошмаръ повисшихъ надъ истомленной душой будней, страхъ передъ пустотой и передъ голодной смертью, эпилепсія и другія болѣзни, а главное тоска, все это какъ нельзя лучше располагало къ мечтѣ... У него даже по этому поводу есть знаменательныя слова: „Всякое раннее утро, петербургское въ томъ числѣ, имѣетъ на природу человѣка отрезвляющее дѣйствіе. Иная пламенная ночная мечта, вмѣстѣ съ утреннимъ свѣтомъ и холодомъ, совершенно даже испаряется, и мнѣ самому иногда случалось припо-

минать по утрамъ иныя свои ночныя, только что минувшія грезы, а иногда и поступки, съ укоризною и стыдомъ. Но мимоходомъ, однако, замѣчу, что считаю петербургское утро, казалось бы, самое прозаическое на всемъ земномъ шарѣ,—чуть ли не самымъ фантастическимъ въ мірѣ. Это мое личное воззрѣніе или, лучше сказать впечатлѣніе, но я за него стою. Въ такое петербургское утро, гнилое, сырое и туманное, дикая мечта какого-нибудь Пушкинскаго Германа изъ „Пиковой Дамы" (колоссальное лицо, необычайный, совершенно Петербургскій типъ— типъ изъ Петербургскаго періода!)—мнѣ кажется, должна еще болѣе укрѣпиться. Мнѣ сто разъ, среди этого тумана, задавалась странная, но навязчивая грёза: „А что̀ какъ разлетится этотъ туманъ и уйдетъ кверху, не уйдетъ-ли съ нимъ вмѣстѣ и весь этотъ гнилой, склизлый городъ, подымется съ туманомъ и исчезнетъ какъ дымъ, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы, бронзовый всадникъ на жарко дышащемъ, загнанномъ конѣ? Однимъ словомъ, не могу выразить моихъ впечатлѣній, потому что все это фантазія, наконецъ, поэзія, а стало быть—вздоръ; тѣмъ не менѣе, мнѣ часто задавался и задается одинъ уже совершенно безсмысленный вопросъ: „Вотъ они всѣ кидаются и мечутся, а почемъ знать, можетъ быть, все это чей-нибудь сонъ, и ни одного-то человѣка здѣсь нѣтъ настоящаго, истиннаго, ни одного поступка дѣйствительнаго? Кто-нибудь вдругъ проснется, кому это все грезится—и вдругъ все исчезнетъ". („Подростокъ")...

Эти слова крайне характерны для Достоевскаго! Вотъ, чѣмъ онъ себя тѣшилъ и спасалъ,—мечтами

выше жизни, грезами ставшими для него не только дѣйствительностью, но чѣмъ-то гораздо важнѣе дѣйствительности. Такъ воскресали лица, такъ рождались геніальныя идеи. И все это уже потому цѣннѣе всякаго, самаго первосортнаго реализма, что въ этомъ мы видимъ символъ внутренняго міра художника, символъ души его,— такой необычной, такой всегда неизмѣнно и вѣчно загадочной и нездѣшней! Да, нездѣшней въ томъ смыслѣ, что въ человѣческомъ муравейникѣ то, что являлось для него мукой, болящей загадкой, или крестомъ,—то для стада всегда курьезно, всегда ненормально и всегда до смѣшного ненужно! И вотъ этой-то своей чертой Достоевскій, можно сказать—переросъ міръ, сталъ выше міра и внѣ міра,—сталъ въ вѣчности... И не писателя это твореніе, ибо всѣ писатели—большіе и малые, и тѣ, которыхъ теперь возводитъ на пьедесталы толпа,— пройдутъ въ концѣ концовъ мимо, и если останется отъ нихъ „геніальности“ что-либо, то во всякомъ случаѣ,—малая толика, а Достоевскій,—тотъ будетъ стоять вѣчно и для каждой эпохи, для каждаго вѣка будетъ всегда новой загадкой и той красотой, что рождаетъ въ душѣ совершенно новые міры,—ибо онъ слишкомъ ужъ далеко шагнулъ... Словно родился изъ творческихъ его тайнъ безконечный лабиринтъ безконечныхъ, манящихъ въ безконечность путей—и вотъ пути эти прошли сквозь грядущіе вѣка, и ждутъ пока время не донесетъ къ нимъ эту землю, а можетъ быть, эти пути уже ушли въ такую страшную даль, что ихъ уже не догонитъ земля?! Вотъ почему поднятый недавно въ русской журналистикѣ вопросъ о такъ называемомъ „преодолѣніи“ Достоевскаго,— кажется празднымъ... Вѣдь для общественнаго мнѣ-

нія Достоевскій не только безусловно „преодолимъ", но и непонятенъ, и ненуженъ, и чуждъ, и, еще я бы сказалъ—вреденъ. Ненуженъ въ томъ смыслѣ, что никакая общественная пошлость не въ силахъ опошлить хоть единое мѣсто изъ Достоевскаго, на такой недосягаемой высотѣ стоитъ онъ надъ нею, а чуждъ потому, что слишкомъ глубокъ, до того глубокъ, что, когда говорятъ о немъ люди общественнаго пошиба, то въ большинствѣ случаевъ говорятъ не о немъ, а о своемъ его непониманіи, а въ этомъ случаѣ „преодолѣніе" дается безъ особаго труда!

Для того, чтобы создать Николая Ставрогина, нужно далеко было шагнуть Достоевскому. Въ этомъ случаѣ какъ нельзя сильнѣе обнаружился его вѣщій пророческій даръ! Въ наши дни Ставрогинъ кажется то Оскаръ Уайльдомъ, то Фалькомъ, то кѣмъ-то еще болѣе близкимъ и современнымъ, словно вышедшимъ изъ глубины нашего духа, словно символическимъ изображеніемъ загадочныхъ письменъ творчества... Излюбленная это, видно, была мечта! Мечта и, вмѣстѣ съ тѣмъ—живой человѣкъ, который ходитъ среди людей и гипнотизируетъ. Загадка и красота, возведенная въ такую степень, что не хочется вѣрить, что живой человѣкъ можетъ быть такъ красивъ! Не человѣческая красота, а скорѣе—демоническая, и, хотя Ставрогинъ и увѣряетъ, что его бѣсенокъ просто „изъ неудавшихся, съ насморкомъ", но это кажется одной лишь скромностью. Слишкомъ ужъ сложный и слишкомъ глубокій это человѣкъ—Николай Ставрогинъ!

Прошлое Ставрогина покрыто мракомъ неизвѣстности, онъ въ „Бѣсахъ" если и появляется время отъ времени, то больше молча, и вотъ это-то молча-

ніе его производитъ необычайно сильное впечатлѣніе... Молчитъ, промолвитъ небрежно одно-два слова — и весь тутъ, а вокругъ него свершаются чары, онъ создаетъ настроеніе, онъ влюбляетъ и мучаетъ однимъ движеніемъ, или поворотомъ головы, или взглядомъ! Всегда изысканно одѣтый, всегда безукоризненно свѣтскій,—онъ однако все это носитъ на себѣ безъ малѣйшаго оттѣнка напряженія, какъ настоящій врожденный аристократъ; появляясь среди этого сброда золотушныхъ бѣсенятъ, онъ сразу же выдѣляется, сразу покоряетъ, приковываетъ, въ душныхъ и черненькихъ комнатахъ провинціальнаго городка онъ безсознательно чертитъ лицомъ и фигурой музыкальный рисунокъ тайны! Странные поступки чередуются съ рафинированною вѣжливостью скучающаго дэнди, вокругъ него въ паникѣ кружатся и пляшутъ какія-то затѣйливыя, очень сумеречныя, туманныя тѣни... И дамы шепчутъ, вздыхая въ углахъ „ужь не великій ли Розенкрейцеръ, или кровожадный убійца?“... И досадливо кусаютъ губы салонные львы... И лицо у него удивительное, нездѣшнее и не жизненное, словно заперъ онъ отъ всѣхъ крѣпко и на-глухо свою душу, словно вышибъ изъ нея жизнь, и это отразилось на лицѣ... Словно великая усталость, та наша, современная усталость, о которой поэтъ говоритъ, что она „выше горъ“, истомила до того все его существо, что сталъ онъ подобенъ смерти и стало лицо блѣдной застывшей маской, наводящей ужасъ, вызывающей ледяные уколы страха... Среди дѣйствительности это *лицо-маска* до того необычно, до того странно, что это ужъ одно служитъ побужденіемъ къ преклоненію или къ любопытству. Можетъ быть,—впервые люди увидѣли, что такое маска страданья,—и

стало имъ страшно... Словно сверхжизненный символъ великой боли, великаго надрыва низшелъ къ нимъ, и они впервые *увидѣли* то, чего нельзя видѣть, что можно только чувствовать въ рѣдкія минуты, или предугадывать! Это выше ихъ пониманія, что человѣкъ властенъ выбросить въ лицо свое всю свою умирающую отъ боли душу и потомъ великою силою воли приказать лицу застыть въ мраморѣ холоднаго, брезгливаго равнодушія!

Вотъ онъ прошелъ мимо нихъ какъ загадка, ибо глубина его закрыта отъ всѣхъ! Вотъ онъ наводитъ холодныя чары и взглядомъ однимъ соблазняетъ женщинъ, и это потому, что владѣетъ онъ силой смотрѣть на все и на всѣхъ съ высоты своего презрѣнія. Иногда кажется, что онъ держитъ судьбы всѣхъ этихъ людей въ рукахъ своихъ, но это обманъ, это оттого, что онъ одинъ среди нихъ знаетъ великую тайну презрѣнія и тихой ненависти ко всему рѣшительно, что вокругъ... И многіе думаютъ—онъ побѣдилъ міръ,—но это тоже обманъ, онъ только посмѣлъ уничтожить въ себѣ всю цѣнность міра, онъ посмѣлъ все отвергнуть и надъ всѣмъ поставить вѣчный крестъ и надъ всѣмъ посмѣяться, уже для этого одного нужна нечеловѣческая сила, уже это одно можетъ сдѣлать лицо маской смертельной блѣдности!

Тамъ, въ прошломъ, за границей, которое неизвѣстно, во всякомъ случаѣ—мало извѣстно и только мелькаетъ въ отрывкахъ разговоровъ,—тамъ Николай Всеволодовичъ былъ вдохновителемъ и невольнымъ учителемъ не только такихъ незаурядныхъ людей, какъ Кирилловъ, или Шатовъ, или Верховенскій, но и всего русскаго движенія и тѣхъ чисто русскихъ,

съ закваской сатанинскаго анархизма идей, которыя потомъ развились въ Шигалевщину и въ странное человѣкобожество Кириллова! Всѣ ему чѣмъ-то обязаны, каждый носитъ въ себѣ невольное благоговѣніе передъ его геніальнымъ умомъ, каждый на случайно и небрежно брошенной имъ мысли,—строитъ цѣлое міровоззрѣніе, цѣлую систему самыхъ дикихъ, самыхъ дерзкихъ идей, для нихъ Ставрогинъ не только вдохновеніе, но нѣчто вродѣ божества, какой-то властный идолъ, которому они поклоняются, какая-то сверхчеловѣческая и обезсиливающая красота... „Ставрогинъ, вы красавецъ!—истерически вскрикиваетъ ошалѣвшій Петръ Степановичъ Верховенскій, словно предъ иконой молитвенно скрещиваетъ руки этотъ ни во что невѣрующій типичный нигилистъ— „знаете-ли, что вы красавецъ! Въ васъ всего дороже то, что вы иногда про это не знаете. О, я васъ изучилъ! Я на васъ часто сбоку, изъ угла гляжу! Въ васъ даже есть простодушіе и наивность, знаете-ли вы это? Еще есть, есть! Вы должно быть, страдаете, и страдаете искренно, отъ этого простодушія. Я люблю красоту. Я нигилистъ, но люблю красоту. Развѣ нигилисты красоту не любятъ? Они только идоловъ не любятъ, а я люблю идола! Вы мой идолъ! Вы никого не оскорбляете, и васъ всѣ ненавидятъ, вы смотрите всѣмъ ровней, и васъ всѣ боятся, это хорошо. Къ вамъ никто не подойдетъ васъ потрепать по плечу. Вы ужасный аристократъ. Аристократъ, когда идетъ въ демократію, обаятеленъ! Вамъ ничего не значитъ пожертвовать жизнью, и своею и чужою. Вы именно таковъ, какого надо. Мнѣ именно такого надо, какъ вы. Я никого кромѣ васъ не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я вашъ червякъ“... Онъ

вдругъ поцѣловалъ у него (Ставрогина) руку. Холодъ прошелъ по спинѣ Ставрогина, и онъ въ испугѣ вырвалъ свою руку. Они остановились.—Помѣшанный!—прошепталъ Ставрогинъ". („*Бѣсы*").

Что-то безумное въ этомъ, почти всеобщемъ, преклоненіи... Словно колеблется предъ человѣческими глазами таинственная завѣса, а за нею сіяетъ какое-то нездѣшнее солнце, словно душу охватилъ восторгъ передъ чудомъ, передъ невозможнымъ, которое, однако, возможно, и вдругъ, среди жизни, маленькіе люди увѣровали въ сверхчеловѣческую силу, увѣровали въ сказочнаго, волшебнаго, но живаго, но возможнаго Ивана Царевича, прекраснаго жуткою красотою, но съ мертвенно блѣднымъ лицомъ, неподвижнымъ какъ маска! И свершилось нѣчто немыслимое, почти чудодѣйственное: вотъ сказкой стала жизнь, сказкой, тихо рыдающей въ серафическихъ звукахъ опьяненія!

„Вспомните, что вы значили въ моей жизни, Ставрогинъ!"—вырывается вдругъ у Кириллова. И этотъ, ни передъ чѣмъ не преклоняющійся человѣкъ, тоже подверженъ таинственной вѣрѣ въ Ивана Царевича, ибо, можетъ быть, то, на чемъ онъ строитъ все свое міровоззрѣніе, развилось изъ одной только небрежно брошенной Ставрогинымъ мысли! Ибо, можетъ быть, не родилась бы въ немъ идея о человѣкобожеской силѣ, если бы не Ставрогинъ!

Что такое пощечина Шатова, данная Ставрогину, какъ не возмущеніе души передъ безсознательной молитвой на этого человѣка, какъ не безсильный протестъ противъ его власти? Вѣдь самъ же Шатовъ признается въ этомъ Ставрогину: „я не для того подходилъ, чтобы васъ наказать; когда я под-

ходилъ, я не зналъ, что ударю... *Я за то, что вы такъ много значили въ моей жизни... Я...*“

И Шатовъ, увѣровавшій въ Бога и въ Россію, увѣровавшій по винѣ Ставрогина, по винѣ безсознательной для послѣдняго, въ сущности, не въ Бога вѣруетъ, и не Богу молится,—а все тому же таинственному и загадочному принцу Гарри, все тому-же общему идолу, мучительно прекрасной мечтѣ Достоевскаго, возставшему изъ сказочныхъ чудодѣяній Ивану Царевичу! ...—Я цѣломудріе имѣю, но я не побоялся моего нагиша, потому что со Ставрогинымъ говорилъ. Я не боялся окарикатурить великую мысль, потому что Ставрогинъ слушалъ меня... *Развѣ я не буду цѣловать слѣдовъ вашихъ ногъ, когда вы уйдете? Я не могу васъ вырвать изъ моего сердца, Николай Ставрогинъ!...*

— Мнѣ жаль, что я не могу васъ любить, Шатовъ! — холодно проговорилъ Николай Всеволодовичъ“... На мутно-сѣромъ фонѣ стоитъ какъ воплотившійся призракъ удушливаго сна, сна объ убійственной, сладострастно-больной красотѣ, и ледяной холодъ струится отъ Аполлонова гордаго и величественнаго лица, и кажется, что гнилую мглу тошнотворной дѣйствительности зачеркнула чудотворная рука, ослѣпила внезапною ракетой изъ міровъ подземныхъ, изъ міровъ тихихъ, дальнихъ, подвластныхъ Сатанѣ... Съ мертвенной улыбкой демона стоитъ надъ Шатовской мольбой, надъ всѣми „идеями“ и надъ всѣми богами... „Волосы что-то ужъ очень черны, свѣтлые глаза что-то ужъ очень спокойны и ясны, цвѣтъ лица что-то ужъ очень нѣженъ и бѣлъ, румянецъ что-то ужъ слишкомъ ярокъ и чистъ, зубы какъ жемчужины, губы какъ коралловыя,—казалось бы

писаный красавецъ, а въ то же время какъ будто и отвратителенъ, съ лицомъ напоминающимъ маску"...

Откуда это? Отчего человѣкъ, можетъ быть, такой же, какъ всѣ, можетъ быть, слабѣйшій изъ всѣхъ, — производитъ такое странное впечатлѣніе, вызываетъ столь разнорѣчивыя чувства? Ужъ не оттого ли, что онъ умѣло запечаталъ отъ всѣхъ свою душу и никто не знаетъ, какова она въ сущности? Ужъ не потому-ли, что этотъ человѣкъ совсѣмъ ушелъ изъ жизни на такія вершины, гдѣ слѣпнутъ глаза пошляковъ, откуда уже нельзя возвратиться, откуда лишь можно глядѣть на людей усталыми взорами нѣмой и застывшей скорби! Этотъ человѣкъ могъ добывать изъ себя, если нужно было, титаническую силу, но не зналъ, зачѣмъ она и къ чему ее приложить, онъ умѣлъ создавать мысли, открывающія цѣлые міры, зажигающія невѣдомые горизонты въ сердцахъ слушателей, опьяняющія геніальнымъ прозрѣніемъ, но въ глубинѣ души страдалъ отъ сознанія, что и онѣ—ничто передъ той пустотой, которая вокругъ, онъ нарочно наводилъ мысль другихъ на то, что казалось ему лишь карточнымъ домикомъ, и когда кто либо хватался обѣими руками за это хрупкое Ставрогинское созданіе, и не только хватался, но съ воодушевленіемъ располагался въ немъ на цѣлую жизнь, радуясь, что наконецъ нашелъ успокоеніе въ тепленькомъ мѣстечкѣ,—тогда Ставрогинъ, находящій мгновенное удовольствіе въ созерцаніи этой комедіи,—брезгливо морщился и отходилъ, обдавая обезумѣвшаго ученика холодомъ молчаливаго презрѣнія... Ибо противно было ему, что люди такъ скоро могутъ успокоиться на первомъ попавшемся обманѣ, ибо скучно было ему видѣть,

какъ они съ радостью гибнутъ въ сѣтяхъ, собственноручно изготовленныхъ, ибо невыносимо мучительно было ему видѣть всюду и вездѣ все одно и то же, что было отъ вѣка, что будетъ всегда! Онъ завидовалъ имъ, что они менѣе взыскательны, чѣмъ онъ, что маленькіе обманы, маленькія идейки, ничего не стоющія общія мѣста и то, что казалось ему лишь игрушкой,—они дѣлали сразу чѣмъ-то великимъ, чѣмъ-то святымъ, сразу же сгибались передъ „идеями" въ три погибели, принимали на вѣру, принимали радостно, и погибали во снѣ! Ему же—и только одному ему—было вѣдомо, что жизнь—безконечная трясина, а всѣ идеи, всѣ выходы, всѣ религіи и всѣ пристанища—только зловѣщіе провалы въ этой трясинѣ, ему было противно тонуть въ нихъ, какъ всѣ и гибнуть какъ всѣ, противно потому что безсмысленно... Онъ ненавидѣлъ себя самого и относился къ себѣ съ той-же брезгливой гримасой, что и къ другимъ, оттого что не могъ войти въ колею, даже тогда, когда это было нужно, не могъ ни разу въ жизни увѣровать въ то, что дѣлалъ самъ, онъ былъ только искуснымъ актеромъ всюду и вездѣ, онъ умѣлъ играть самыми возвышенными чувствами и мыслями лишь для того, чтобы увидѣть эффектъ отъ игры и посмѣяться надъ нимъ, ему были смѣшны и противны всѣ человѣческіе подвиги, всѣ жертвы и распятья во имя правды, и не потому что онъ не допускалъ возможности какой бы то ни было правды, а потому лишь, что всякая подобная правда казалась ему слишкомъ маленькой, слишкомъ ужъ не стоющей вниманія! У него въ мозгу словно заложенъ былъ таинственный микроскопъ, благодаря которому все въ мірѣ для него подвергалось измельчанію. Все

было мелко и ничтожно и главное—непреодолимо смѣшно! Всякая трагедія для него была не столько трагедіей, сколько трагикомедіей, его сознаніе было магическимъ зеркаломъ, въ которомъ все и всѣ принимали уродливую, каррикатурную и жалкую форму!... Онъ пробовалъ самому увлечься, самому стать дѣйствіемъ, но холодный анализъ и врожденная иронія всюду преграждали всѣ пути... Онъ не боялся уже ничего и не могъ воодушевиться ничѣмъ, онъ могъ казаться побѣдителемъ и героемъ не потому, что многое побѣдилъ, но потому, что все для него потеряло цѣну и смыслъ, потому что все въ одинаковой мѣрѣ было ненужно и жалко! Кто потерялъ всѣ надежды, всѣ устои и догматы, тотъ уже и безстрашенъ, тотъ ко всему относится съ одинаковымъ презрѣніемъ. То, что казалось другимъ въ Ставрогинѣ силой, то для него самого было однимъ лишь погребеннымъ въ душѣ отчаяніемъ! Такіе люди, правда, неизмѣримо безстрашны и неизмѣримо холодны, но они же и безгранично несчастны, несчастнѣе всѣхъ на землѣ!

Жизнь Ставрогина — это вѣчное скитаніе по распутьямъ, это вѣчная борьба съ самимъ собой, это тяжелая и ненужная для него ноша! Въ то время, какъ Шатовъ, воспользовавшись теоріей Ставрогина находитъ Бога и весь зажигается, Николай Всеволодовичъ брезгливо морщится, даже улыбки не можетъ найти въ себѣ... Ибо онъ говорилъ Шатову не о Богѣ, а о трагедіи исканія Бога, о той трагедіи, которая можетъ коснулась когда-то и его самого, онъ говорилъ ему замѣчательныя слова, слова вѣчныя и незабвенныя о томъ „что разумъ и наука въ жизни народовъ всегда, теперь и сначала вѣковъ, исполняли лишь должность второстепенную и служебную;

такъ и будутъ исполнять до конца вѣковъ. Народы слагаются и движутся силою иною, повелѣвающею и господствующею, но происхожденіе которой неизвѣстно и необъяснимо. *Эта сила есть сила неутомимаго желанія дойти до конца и въ то же время конецъ отрицающая*". („Бѣсы").

Доморощенный анархизмъ Верховенскихъ и компаніи тоже исходитъ отъ Ставрогина, но на нихъ то послѣдній смотритъ какъ на стаю жалкихъ собакъ. Онъ одинъ знаетъ объ этомъ нѣчто такое, о чемъ и не мерещилось Верховенскимъ, онъ знаетъ, что все это попытки слабыя и ничтожныя, ибо нѣтъ въ человѣкѣ той силы, которая бы смогла смести съ лица земли то, что мѣшаетъ жить! Что если бы явилась такая сила хоть единый разъ, если бы человѣкъ смогъ хоть на минуту богомъ стать, то свершилось бы *все*, кончилось бы все и времени больше не существовало! Кириллову вздумалось овладѣть этой силой, онъ вѣритъ въ свою миссію вѣрою ребенка, онъ торжественно увѣряетъ, что онъ побѣдилъ страхъ жизни силою человѣкобога, что онъ самый первый, что онъ вдругъ захочетъ и времени больше не будетъ, и смерти больше не будетъ, онъ спасетъ всю вселенную, проявивъ нечеловѣческую волю, и все это свершится въ ту минуту, когда онъ убьетъ себя... Кирилловъ въ эту идею, идею самую геніальную и вмѣстѣ самую сумасбродную изъ всѣхъ идей — вложилъ всю свою душу и жизнь, онъ ею живетъ, это его одежда и пища и религія, больше ему ничего не надо! И ему хорошо! Нѣтъ словъ, чтобы выразить его восторгъ! Но каково-то Ставрогину, созерцающему эту картину! Ему и завидно, и грустно, но больше смѣшно! Ему смѣшно, что этотъ человѣкъ

сталъ вѣрующимъ до ребячества только вслѣдствіе того курьезнаго случая, что ему удалось превратить въ идею, въ догматъ геніальный Ставрогинскій парадоксъ, что то, что было для Ставрогина лишь изящной игрушкой умственной утонченности, здѣсь по какой-то неизвѣстной силѣ превратилась въ цѣлое міровоззрѣніе, въ цѣлый религіозный догматъ, и этотъ человѣкъ не только увѣровалъ въ него, не только принялъ, но своею собственною добровольною смертью готовъ доказать свою вѣру! Смѣшно и вмѣстѣ съ тѣмъ любопытно. Холодный, изящный, усталый, не измѣняя масочнаго выраженія лица, Ставрогинъ спрашиваетъ:

- Вы стали вѣровать въ будущую вѣчную жизнь?

— Нѣтъ, не въ будущую вѣчную, а въ здѣшнюю вѣчную. Есть минуты, вы доходите до минутъ, и время вдругъ останавливается и будетъ вѣчно.

— Вы надѣетесь дойти до такой минуты?

— Да.

— Это врядъ ли въ наше время возможно,—тоже безъ всякой ироніи отозвался Николай Всеволодовичъ, медленно и какъ бы задумчиво.—Въ Апокалипсисѣ ангелъ клянется, что времени больше не будетъ.

— Знаю. Это очень тамъ вѣрно; отчетливо и точно. Когда весь человѣкъ счастья достигнетъ, то времени больше не будетъ, потому что не надо. Очень вѣрная мысль.

— Куда-жъ его спрячутъ?

— Никуда не спрячутъ. Время не предметъ, а идея. Погаснетъ въ умѣ.

— Старыя философскія мѣста, однѣ и тѣ же съ начала вѣковъ, *съ какимъ-то брезгливымъ сожалѣніемъ* пробормоталъ Ставрогинъ. („Бѣсы“).

Эта послѣдняя фраза замѣчательно характерна для Ставрогина... Въ томъ, что находилъ въ исканіяхъ и то, что люди съ видомъ мудрецовъ преподносили какъ откровенія,—все это ужъ старо и для давнопрошедшихъ вѣковъ было тѣмъ же, что и для насъ, а главное,—ненадежно и для него—увы!—даже при всемъ его желаніи—недоступно... Кто знаетъ, быть можетъ, и въ тѣ времена, когда Шатовъ изъ Америки писалъ ему душураздирающія письма, и тогда, когда всѣ они какъ стая голодныхъ волковъ кружились за границей около интернаціоналки,—Ставрогинъ не разъ покушался на какой-нибудь подвигъ, всею душой хотѣлъ чего-то, что могло-бы хоть оправдать его жизнь, но не хватало увѣренности, что за всѣмъ этимъ не таится какой-либо новый обманъ, какая-либо новая ловушка, какое-нибудь новое слово на вѣчно старомъ мѣстѣ,—пошлое, избитое, какъ вся эта жизнь! Какъ хитрый искуситель искушалъ онъ другихъ великими замыслами и разбрасывалъ ихъ небрежными мановеніями, какъ неимѣющее уже для него цѣны золото, и когда эта жадная свора набрасывалась на это и пожирала и насыщалась этимъ навсегда и больше ужъ ей ничего не нужно было,—въ немъ презрѣніе къ ихъ сытости смѣнялось отвращеніемъ и онъ нарочно отрекался отъ своихъ собственныхъ словъ, словно изъ чувства гадливости, что онъ являлся участникомъ чего-то мелкаго и ничтожнаго! „Если вы отступились теперь отъ тогдашнихъ словъ про народъ, то какъ могли вы ихъ тогда выговорить, вотъ что давитъ меня теперь!—говоритъ ему Шатовъ...—„Не шутилъ же я съ вами и тогда; убѣждая васъ, *я можетъ, еще больше хлопоталъ о себѣ, чѣмъ о васъ,*—загадочно произнесъ Ставрогинъ“...

Все же, хоть и несчастенъ въ глубинѣ этотъ человѣкъ, но ему вѣдома одна мысль, о которой всѣ они не только не имѣютъ понятія, но пришли бы въ ужасъ, если бы она стала имъ вѣдома. Эту мысль Ставрогинъ носитъ въ себѣ какъ глубоко засѣвшую въ душѣ заразу, и если что убьетъ его, то именно она—эта мысль, мысль о томъ, что не только всѣ великіе замыслы, но всѣ попытки къ спасенію близятся къ концу, что ничего нѣтъ, кромѣ пустоты, что сильнѣе и выше всякой глубины великая, безмѣрная усталость!

Вся загадочность его заключается именно въ томъ, что до этой мысли, до мысли полнаго отрицанія всего никто не додумывался, а онъ одинъ ее хранилъ въ себѣ какъ тайну, болѣе того,—онъ весь ушелъ въ нее, онъ закутался въ ея черное покрывало, но отъ людей хранилъ какъ святыню, ибо зналъ, что для подобныхъ истинъ не пришелъ еще часъ! Но ничто такъ не покоряетъ людей, какъ это загадочное молчаніе, эта запечатанная, но все же чувствующаяся, тайна!.. Чѣмъ сложнѣе человѣкъ, тѣмъ больше и многорѣчивѣе окружающее его молчаніе, тѣмъ сильнѣе власть его надъ людьми! И кто больше всѣхъ сможетъ посмѣяться надъ всею ихъ мудростью, того они и вознесутъ, и кто окажетъ имъ побольше презрѣнія, тотъ ихъ больше всего заинтересуетъ. А Ставрогинъ хоть и среди нихъ находится, но, въ сущности—онъ отдѣленъ отъ нихъ невидимой для ихъ глазъ чертой—и никогда, никому не позволитъ онъ приблизиться за черту, ибо онъ слишкомъ *дальній* для нихъ! Пусть люди мучаются,—думаетъ этотъ повелитель сердецъ,—пусть изводятъ себя и другихъ какою угодно

ложью, я буду стоять надъ ними и улыбаться, пусть себѣ кружатся! Міровую скорбь они возлюбили, отдаютъ себя въ жертву, просиживаютъ ночи надъ помертвѣвшей пылью вѣковъ—и пусть, а я могу лишь удержаться, чтобы не зѣвнуть имъ въ лицо, а они увѣрены, что я съ ними. Вотъ волнуется, извивается, копошится человѣческая масса и это похоже на бѣготню отвратительныхъ и вонючихъ крысъ, вотъ взвѣшиваютъ судьбы міра, вотъ выдумываютъ боговъ и разрушаютъ ихъ, но одна минута моей безмѣрной усталости стираетъ все это въ прахъ! Карабкаются на высочайшія горы, сдираютъ шкуру съ ближняго и посылаютъ проклятья дальнему, но я уже не могу какъ прежде смѣяться надъ ними, мой смѣхъ тонетъ въ мрачномъ предчувствіи того послѣдняго часа, къ которому на невидимыхъ крыльяхъ летитъ весь міръ, я вижу какъ тонутъ въ пучинѣ страшной тьмы всѣ человѣческія созданья, все что отъ жизни, все, что имѣетъ смыслъ, я вижу какъ надъ скелетомъ вселенной грохочетъ громовыми раскатами хохотъ изначальной и холодной вѣчности!

Не жизнь это, а словно идетъ человѣкъ и тащитъ за собой свой разложившійся трупъ! Свѣтлые глаза у него и ясные, но кто взглянетъ въ нихъ поближе,—тотъ увидитъ въ нихъ ужасную, смѣющуюся надъ всѣмъ міромъ пустоту! Лиза, та, что подошла и взглянула,—не обмерла, не ужаснулась, она подарила его лишь однимъ уничтожающимъ, невыносимымъ для него презрѣніемъ! Лиза ждала увидѣть въ любовномъ опьяненіи сверхчеловѣка, какого-то демона, который бы раздвинулъ завѣсу мерзкой, тошной жизни, но вмѣсто этого предъ ней

предсталъ весь трагикомизмъ гальванизированнаго трупа, который въ своей усталости дошелъ до того, что не можетъ ничѣмъ отвѣтить на чувства отдающейся ему женщины, кромѣ все той же брезгливой улыбки сожалѣнія! И Лиза—богато одаренная, утонченная натура, не смогла понять Ставрогина, ибо слишкомъ онъ дальній даже для своей любви! Истерическая барышня хотѣла озадачить его смѣлой выходкой, прямо съ бала явилась къ нему ночью, думала, что этимъ покоритъ, удивитъ! О, иронія,—было же чѣмъ и кого удивлять! Кажется,—уже не осталось на землѣ для него ничего больше, что могло бы его удивить!

Недаромъ же говоритъ ему плѣненный имъ Шатовъ: *„О, вы не бродите съ краю, а смѣло летите внизъ головой!“*. И Шатовъ правъ, Ставрогинская жизнь представляла богатое по содержанію зрѣлище. Онъ побывалъ всюду и вездѣ, и въ темныхъ закоулкахъ, и на высочайшихъ горахъ, онъ исколесилъ всѣ дороги, заглянулъ во всѣ знанія, и всюду и всегда не скользилъ по поверхности, а бросался внизъ головой въ самую отчаянную глубину всѣхъ вещей. Что можетъ быть опаснѣе этого? Во многихъ случаяхъ человѣкъ едва живымъ выйдетъ, а вся бѣда Ставрогина, что онъ вышелъ изъ этихъ глубинъ и остался живымъ! Всякая глубина ведетъ за собой ядъ всеотрицанія, но ясно, что это хорошо лишь на одну минуту, ради эстетическихъ эмоцій, и плохо придется тому, кто посмѣетъ вынести на плечахъ это бремя! Поистинѣ участь величайшихъ мучениковъ вплоть до Христа—ничто въ сравненіи съ этимъ состояніемъ! Недаромъ же у Ставрогина какъ-то вырвались по этому поводу весьма любопытныя слова,

за которыя тотчасъ же ухватился Шатовъ, какъ за основной рычагъ: „Не вы ли!—кричитъ Шатовъ ему—говорили мнѣ, *что если бы математически доказали вамъ, что истина внѣ Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христомъ, нежели съ истиной?*“ („Бѣсы“). Для Шатова эти Ставрогинскія слова послужили вторымъ рожденіемъ, но если бы онъ зналъ, какую иронію, какую боль ироніи вложилъ въ нихъ его учитель! Шатовъ и Шатовцы ухватились за Христа съ остервененіемъ, ибо онъ нуженъ имъ для міросозерцанія, для диссертацій на тему о трехъ ипостасяхъ, для какой-нибудь претолстой и водянистой книги, вродѣ „Оправданія добра“, онъ наконецъ нуженъ имъ какъ удобныя ширмочки для самаго настоящаго безвѣрія (вѣдь Шатовъ на вопросъ Ставрогина „вѣруете ли вы въ Бога“,—не отвѣтилъ утвердительно, ибо побоялся солгать, а у современныхъ Шатовцевъ больше позы, чѣмъ настоящей религіозности—факты, которые едва ли кто будетъ оспаривать)...

Для Ставрогина же Христосъ не могъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ только синонимомъ полнѣйшаго безсилія, полнѣйшаго отчаянья, ибо хорошо онъ понималъ великую истину, что Христосъ—есть освященіе безсилія, таинство безутѣшнаго отчаянья, по крайней мѣрѣ—для него самого! Но главное, что подтверждаетъ это—то, что Ставрогинъ не остался со Христомъ, но не принялъ также и ни одной изъ истинъ! Не остался со Христомъ потому, что не хотѣлъ обмана, не увѣровалъ въ истину, потому что главнѣйшая истина, которую удалось ему открыть—была ложь! И кромѣ того, Христосъ-то въ концѣ концовъ хорошъ въ минуту глубокаго отчаянья, или

по крайней мѣрѣ—за часъ до смерти, а Ставрогинъ былъ молодъ, былъ красивъ и безъ женщины прожить не могъ, а порочная, утонченно-порочная его натура манила его въ такія дебри, передъ которыми цѣломудренный Шатовъ (вѣдь отъ его цѣломудрія и жена-то сбѣжала къ Ставрогину) только ужаснулся бы съ негодованіемъ! Карамазовскій паукъ въ немъ разостлалъ цѣлую паутину самыхъ порочнѣйшихъ, самыхъ дикихъ, самыхъ преступныхъ мыслей, которыя онъ не колебался приводить въ исполненіе. Ему было все равно, что дѣлать и какъ дѣлать, лишь бы все это только заставило его хоть разъ въ жизни сладострастно содрогнуться и этимъ хоть на минуту доставить себѣ полное забвенье... Онъ тоже знаетъ, что въ самыхъ дикихъ противоположностяхъ, въ самыхъ убійственныхъ порочныхъ инстинктахъ, въ самыхъ запрещенныхъ плодахъ міра сего кроется нѣкая острая сила наслажденья, а ему именно и хотѣлось, чтобы наслажденіе было острое до боли, всякія, самыя прекрасныя нормальныя наслажденія уже не доставляли ему никакого удовлетворенія! Недаромъ же Верховенскій готовилъ для него роль новаго Стеньки Разина по необыкновенной способности его (Ставрогина) къ преступленію!... Не даромъ же Шатовъ такъ его упрекаетъ: „Правда-ли, будто вы увѣряли, что не знаете различія въ красотѣ между какою-нибудь сладострастною, звѣрскою шуткою и какимъ угодно подвигомъ, хотя бы даже жертвой жизнію для человѣчества? Правда-ли, что вы въ обоихъ полюсахъ нашли совпаденіе красоты, одинаковость наслажденія?... А правда-ли—продолжаетъ вспоминать Шатовъ Ставрогинское прошлое,—правда ли, что вы принадлежали въ Петербургѣ къ скот-

скому сладострастному секретному обществу? Правда ли, что маркизъ де-Садъ могъ бы у васъ поучиться? Правда-ли, что вы заманивали и развращали дѣтей! Говорите, не смѣйте лгать!

— Я эти слова говорилъ, но дѣтей не я обижалъ, произнесъ Ставрогинъ, но только послѣ слишкомъ долгаго молчанія"...

Это карамазовское богатство ощущеній соблазняло очень принца Гарри. Въ этомъ онъ не только хотѣлъ забыться, ему это нравилось именно своею опасностью, своею противоположностью всякому нормальному человѣческому чувству, можетъ быть, въ этомъ многообразномъ мірѣ такъ называемыхъ противоестественныхъ страстей ему открывалась возможность хоть разъ въ жизни ощутить настоящій потрясающій страхъ, смѣшанный съ какимъ-то нечеловѣческимъ наслажденіемъ, хоть разъ въ жизни не только на словахъ, но въ чувствѣ испытать свою способность къ преступленію, ибо только такія переживанія могли дать ему почувствовать, что онъ еще живетъ, а не умеръ! Тамъ, гдѣ царитъ пресыщенность всѣмъ, что есть въ жизни—тамъ подобные пути являются чѣмъ-то вполнѣ естественнымъ, спасительнымъ даже! Ибо что такое пресыщеніе, какъ не переходъ къ наслажденіямъ, полярно противоположнымъ всему, что у людей принято и освящено обычаемъ? Можетъ быть, тѣмъ, которые ищутъ какой-то еще невѣдомой страны любви, нужно извратить всякое нормальное человѣческое чувство и не потому, что нормальное претитъ своимъ убожествомъ, а потому, чтобы испытать наипорочнѣйшее чувство—чувство, которое можетъ вызвать бѣшенство сладострастья, а вѣдь сладострастье для Ставрогина иногда

является единственною заманкою къ жизни! Пусть такія поступки Ставрогина кажутся для всѣхъ и постыдными и подлежащими общественному осужденію, и грубо животными, но самъ-то онъ хранитъ и въ этихъ своихъ переживаніяхъ глубочайшую тайну, которую онъ не откроетъ никому. Шатовъ и подобные ему могутъ только возмутиться, но какой-нибудь Неронъ или Цезарь Борджія, или Екатерина Медичи поняли бы Ставрогина и безъ его признаній.

Однажды ему вздумалось жениться на уродѣ, на какой-то идіотической хромоножкѣ. И онъ женился. И только безмолвное молчаніе Ставрогина послужило отвѣтомъ на страстные упреки Шатова по этому поводу:—„Вы женились по страсти къ мучительству, по страсти къ угрызенію совѣсти, по сладострастію нравственному. Тутъ былъ нервный надрывъ... *Вызовъ нравственному смыслу былъ ужъ слишкомъ прельстителенъ!* Ставрогинъ и плюгавая, скудоумная, нищая хромоножка! Когда вы прикусили ухо губернатору, чувствовали вы сладострастіе? Чувствовали?“... То же самое чувство испытывалъ Ставрогинъ, когда говорилъ каторжнику Ѳедькѣ: „рѣжь еще, обокради еще!“ и съ бѣшенымъ хохотомъ бросалъ ему въ лицо бумажки ассигнацій...

Но какъ бы ни многообразно было все это, но и отъ этого мерзитъ... Ибо какъ бы ни ярка была жизнь, конецъ всему же близокъ, конецъ ближе, чѣмъ смерть! И это ужасаетъ, это заставляетъ Ставрогина съ ожесточеніемъ бросаться изъ стороны въ сторону, пока наконецъ овладѣла имъ кошмарная спячка въ Швейцаріи, въ кантонѣ Ури, въ угрюмомъ и холодномъ одиночествѣ.

Здѣсь понадобилась тихая и кроткая Даша въ качествѣ сидѣлки... Ставрогинъ зналъ, что ему понадобится когда-нибудь сидѣлка, для этой роли Даша была ему и нужна... „Когда позовете—приду!“,—она какъ собачка... И оттого, что она такъ откровенна въ своей собачьей преданности,—Ставрогину какъ-то особенно мерзко... А другая—Лиза—та слишкомъ гордая, чтобы унизиться, но и она преслѣдовала его всюду, пока не убѣдилась, что онъ и отъ любви далекъ! А какая у нея была на его счетъ мечта! Она тоже его еще съ Лозанны „выдумала“, какъ и Шатовъ, какъ и Верховенскій, она вѣрила, что этотъ человѣкъ есть необыкновенный человѣкъ (хотя, въ чемъ его необыкновенность — врядъ ли ясно сознавала, а когда въ ту ночь пришла, то потребовала именно самаго обыкновеннаго)... Вся Лиза—точно предсмертный его призракъ, призракъ того, что погибло и уже не вернется никогда. Можетъ быть, въ первый разъ ему захотѣлось искренно полюбить, не играя, но для любви уже не хватило силъ... И въ туманный часъ того рокового утра, послѣ бала, когда они разстались, Ставрогинъ понялъ, что отъ него ушла послѣдняя женщина! Эту-то ужъ хотѣлось ему самому заворожить, но она оказалась слишкомъ разочарованной.

Но ни Лиза, ни кто-либо другой не знали трагедіи Ставрогина, не могли узнать! Не было тогда еще для нея словъ. Только въ наши дни Нитцше геніально обрисовалъ Ставрогинскую трагедію въ слѣдующихъ словахъ: „Человѣкъ есть существо темное и сокровенное; и если у зайца есть семь кожъ, то человѣкъ можетъ семижды семьдесятъ разъ сдирать самого себя, и все же не сможетъ сказать „вотъ

это—подлинно ты, это уже не оболочка". Къ тому же—такое раскапываніе самого себя и насильственное нисхожденіе въ глубины своего существа по ближайшему пути есть мучительное и опасное начинаніе. *Какъ легко человѣкъ можетъ при этомъ такъ повредить себѣ, что ужъ никакой врачъ не исцѣлитъ его!*"...

VI.

Когда я былъ еще совсѣмъ молодымъ юношей и съ серьезностью взрослаго соединялъ глупую мечтательность мальчика, я мечталъ: если бы обладать такой силой, чтобы покорять всякую женщину.

Мечты эти были цѣлой поэмой безконечнаго, цѣломудреннаго сладострастья, поэмой, въ которую каждая красивая молодая женщина должна вписать свою и нарядную и нагую строфу. Будучи взрослымъ, я оставался такимъ же мечтателемъ, и смотрѣлъ на женскую красоту, какъ на единственное счастье, данное природой человѣку.

М. Арцыбашевъ. („Изъ записокъ одного человѣка").

... Положеніе каждаго человѣка есть положеніе приговореннаго къ смертной казни.

М. Арцыбашевъ.

Теперь, когда такъ ясно стало, что за границами человѣческаго лежитъ пустота, когда раздуть человѣка нѣтъ силъ, особенно трагикомичны всякія потуги создать нѣчто стоящее надъ человѣческимъ! Такъ было съ „Санинымъ" Арцыбашева... Несомнѣнно, что никакихъ претензій на абсолютное значеніе своего героя Арцыбашевъ не питалъ и питать не могъ, ибо область его—обыденное, человѣческое—слишкомъ человѣческое, толпа же сама возвела Санина въ званіе

сверхчеловѣка, ибо этотъ великолѣпный символъ всего скотскаго, низко-животнаго, грубаго и пошлаго, что только есть въ человѣкѣ,—какъ нельзя лучше пришелся по вкусу стаду, и стадо почуяло быка и преклонилось предъ своимъ царемъ!...

Если поставить Санина рядомъ съ Дмитріемъ Карамазовымъ, то, несмотря на то, что на первый взглядъ замѣчаешь между ними нѣкоторую общность, разница все-же большая! Нѣтъ сомнѣнія, оба они стихійны и оба дышатъ страстью, и оба дышатъ силой, но, если сравнивать обоихъ, то Дмитрій кажется благороднымъ, озареннымъ, героическимъ богомъ, а Санинъ—простымъ и разнузданнымъ животнымъ! И не они являются причиной этого контраста (сами-то они, быть можетъ въ чемъ-нибудь и сошлись бы), а ихъ творцы! Достоевскій до того былъ геніаленъ, что даже изъ низкаго, карамазовскаго, удалось ему создать царство духа и указать необъятные горизонты, Арцыбашевъ весь—человѣческая плоть, весь—земля, весь—обыденность... Въ этомъ отношеніи онъ—единственный въ русской литературѣ... Этотъ талантливый художникъ замѣчателенъ своимъ землянымъ, сгущеннымъ, вульгарнымъ реализмомъ, великою и страшною искренностью въ этомъ реализмѣ и тѣмъ, что умѣетъ носить на своихъ плечахъ,—безстрашно и непоколебимо,—невыносимый, но проникновенно понятый ужасъ человѣка-звѣря!... Такъ понимать и *творить* животность человѣка, животность обнаженную, ничѣмъ не прикрашенную, такую, какой никто не видитъ, проникать въ самые низы человѣческой природы, и въ свирѣпой первобытности современнаго звѣря увидѣть что-то жгучее, непобѣдимое, страшное, отъ чего нѣтъ

излѣченія, что вѣчно, какъ вѣчна земля,—этого, кромѣ Арцыбашева, никому изъ русскихъ писателей не дано!...

Звѣрь въ человѣкѣ! Сколько глубокаго въ этомъ понятіи, сколько сложнаго, несмотря на всю его простоту, и сколько страшнаго! Въ мірѣ Достоевскаго карамазовскій духъ все-же *духъ*, здѣсь сладострастье духовно и сложно до мистичности, здѣсь въ провалахъ пола, надъ пропастями безумной страсти витаетъ Богъ, здѣсь Дмитрій съ восторгомъ молится на „царицу души своей" и тамъ, гдѣ Санинъ ограничился бы мужицкимъ насиліемъ въ лодкѣ или гадкой выходкой простого парня,—Митя восторженно благороденъ, Митя цѣлуетъ Грушенькину ногу съ рыцарскимъ благоговѣніемъ, Митя изъ подземелій страсти, изъ тѣхъ „переулочковъ", изъ кошмарныхъ уголочковъ, гдѣ—бунтъ, гдѣ „укусы фаланги",—начинаетъ гимнъ своему Богу!...

Хоть и все низменное въ Карамазовыхъ, но у нихъ же рядомъ съ идеаломъ Содомскимъ и идеалъ Мадонны, и горѣніе ихъ проникаетъ за грани, и въ горѣніи—духъ въ видѣ голубинѣ,—Алеша,—старецъ Зосима,—восторгъ!...

Ширина и глубина творческаго духа спасли Достоевскаго отъ понятія человѣка-звѣря, отъ животности ради животности, отъ тусклаго затменія на одной точкѣ! Арцыбашевъ же на всю жизнь застылъ въ созерцаніи этой точки, она у него—единственная... Можетъ быть, потому, что то, что увидѣлъ онъ въ этой точкѣ,—до того ужаснуло, до того его обезсилѣло, что нѣтъ уже силы оторваться отъ нея, повернуть голову... Можетъ быть потому, что правда земли, правда жестокая и злая, правда единствен-

ная,—сдѣлала для него недоступной всякую ложь, какова бы она ни была, ложь ли искусства, или ложь религіозная, она ошеломила его, она всецѣло и навѣки овладѣла имъ, она открыла предъ нимъ такую пропасть, такую головокружительную и безысходную, что глаза его закрылись для всѣхъ возможностей, для всѣхъ выходовъ и впитали въ душу только то—черное, грубое, жестокое, что таится въ землѣ, что таится въ человѣкѣ подъ одеждами, подъ нарядами, подъ обманчивымъ слоемъ культурности, подъ масками, подъ вѣчною ложью—страшною и неотразимо-властною, которую всѣ любятъ, безъ которой не могутъ жить!

Звѣрь въ человѣкѣ!... Онъ умертвилъ не одну душу и не одного Золя сдѣлалъ догматикомъ на всю жизнь, онъ пробивается всюду, онъ царитъ во всѣ вѣка и надъ всѣми народами, онъ тихо и злобно смѣется надъ усиліями человѣческими убить его власть, убить его жаркое, сладострастное дыханіе, и никакая культура не въ силахъ уничтожить его...

Звѣрь раздвинетъ страшными лапами непрочныя построенія культуры, и какъ до культуры царилъ въ чистомъ видѣ, такъ теперь царитъ въ извращенномъ, пусть убиваютъ его аскеты и вѣрующіе,—онъ нѣжно-утонченнымъ сладострастіемъ захихикаетъ даже въ молитвѣ, и въ самое святое, что осталось у человѣка,—въ чашу вѣры, вольетъ губительно-смертельный свой ядъ! Свинцовымъ ужасомъ онъ нависаетъ надъ мечтами, надъ храмами, надъ мольбою дѣтей, въ ночи извѣчной тоски, въ темныя ночи, когда свѣтъ погасъ, когда болѣзнь, когда умираніе,—мохнатымъ страшилищемъ, гулко чавкая лапами, проходитъ мимо души, въ порывы святые, въ бѣлоснѣж-

ные восторги весеннихъ надеждъ роняетъ сѣмя ненависти, крови, мщенья, жестокихъ, безпощадныхъ мукъ,—и сѣмя восходитъ въ кровавомъ дыму побѣдоносно свѣтящаго солнца, и на замученной, на изгаженной, на смрадной землѣ, сквозь жирный лоскъ жизни, сквозь душную вонь разложенія, сквозь плачъ и рыданіе, сквозь страсть и тоску,—тускло и неподвижно свѣтитъ намъ властный звѣриный глазъ!

Карамазовы любятъ звѣря и культивируютъ его безсознательно, любятъ плоть и изъ плоти строятъ храмъ, но вотъ, среди этого ада плотскаго, по временамъ вспыхиваютъ огоньки молитвы, но вотъ—въ самомъ надрывѣ звѣря, у нихъ вдругъ раздается голосъ херувима изъ горнихъ высотъ, и бездна вверху засіяетъ надъ бездной внизу... Арцыбашевъ никогда не посмотрѣлъ вверхъ, говорилъ о безднѣ вверху по Фейербаху и повторялъ заѣзженную семинарщину господъ Ракитиныхъ (разсказъ „Богъ“). Свою мрачную, горькую, мужицкую, выстраданную правду о жизни не хотѣлъ промѣнять ни на что... Цѣльную, единую свою правду спряталъ на груди какъ амулетъ, и съ презрѣнной усмѣшкой раздавилъ, какъ жалкое насѣкомое,—своего Ланде. Ужасъ отъ голаго звѣря затуманилъ сознаніе, горькую чашу свою выпилъ и махнулъ рукой на весь прогрессъ, на всѣ общественныя игрушки, которыми прежде тѣшился, и съ рѣдкою искренностью, которая у него какъ-то особенно послѣдовательна,—во всеуслышаніе заявилъ, что находится у послѣдней черты!...

Напрашивается невольно любопытное сравненіе: философскій наслѣдникъ Карамазовыхъ — Розановъ, который въ „Людяхъ луннаго свѣта“ будто идетъ невольно по слѣдамъ Ѳедора Павловича, хотя въ

другомъ смыслѣ и метафизически—и Арцыбашевъ... Оба говорятъ объ одномъ и томъ-же, видятъ одно и то же, живутъ однимъ и тѣмъ-же, но одинъ не понимаетъ другого, одинъ презираетъ другого, хотя близость и родственность несомнѣнна...

Отъ такого сравненія однако вопросъ только выиграетъ.

Понятіе пола, какъ основы, какъ первоисточника жизни, роднитъ этихъ двухъ, полярныхъ между собой, художниковъ. Но въ то время, какъ Розановъ видитъ въ этомъ идею, метафизическую глубину, Арцыбашевъ пораженъ и потрясенъ однимъ фактомъ пола, его реальностью, его элементарной, внѣшней, видимой формой, грубостью проявленія, животной силой жизни, которая у него всегда слѣпо-стихійна, хаотична и ужасна, ужасна до боли, до нутрянаго крика, до оцѣпенѣнія!.. И кто знаетъ, можетъ-быть, это элементарное, это общечеловѣческое, это первобытное понятіе глубоко засѣло и въ самой культурной утонченности Розанова и мучаетъ его не меньше, чѣмъ простого дикаря, но ему легко накинуть воздушный плащъ мистическаго на жаркій ужасъ вѣчно живого звѣря, ему легко вывести затѣйливые узоры геніальныхъ мыслей на этомъ плащѣ и утончить покровъ до мимозности, до прекраснаго, до шелковаго, а все-же то, что скрывается подъ этимъ—одинаково страшно и одинаково безобразно и до боли—неизвѣстно!.. Онъ дошелъ въ своемъ завораживающемъ обоготвореніи звѣря до того, что душу принесъ въ жертву полу, говоря, что душа,—только модификація пола, что „душа есть только *функція* пола, что полъ есть ноуменъ души, полъ—невидимый, безцвѣтный, неосязаемый,—есть *сотворяющій*

душу и тѣло съ его формами". („Люди луннаго свѣта", стр. 162, примѣчаніе)... Арцыбашеву власть пола не меньше ясна и ощутима, но его поражаетъ грубая поверхность тайны, его мучитъ скотская сила, влекущая чуждыхъ себѣ людей другъ къ другу, превращающая жизнь въ невыносимо жестокое желаніе, послѣ удовлетворенія котораго въ душѣ—брезгливость, отвращенье, страхъ; сила, ради которой онъ отказался отъ всѣхъ возвышенныхъ чувствъ, вслѣдствіе чего въ разсказахъ его нѣтъ людей, а есть только самцы и самки!.. И его влечетъ глубина, но это не глубина любви, не глубина таинства, это темный, ревущій, хохочущій водоворотъ животныхъ инстинктовъ, безобразная каша тѣлеснаго, потрясающій ужасъ кроваваго моря, которое хлещетъ вокругъ всего, въ которомъ тѣло, жизнь, смерть—плаваютъ безвольно, подчиняясь невѣдомымъ силамъ! *)... Современныхъ людей онъ творитъ, на фонѣ культурной жизни, но они такъ поразительно похожи на какихъ-то первобытныхъ дикарей, на мужиковъ, на самыхъ примитивныхъ безсмысленныхъ животныхъ, неуклюже одѣтыхъ въ европейскія платья!.. И онъ всегда подчеркиваетъ это, видитъ только это, поглощенъ только этимъ, словно желая сказать: долой всѣ маски, всѣ лживыя украшенія жизни, всякія красивыя слова, вотъ внутри васъ сидитъ чудище съ налитыми кровью глазами и лопаетъ вашъ мозгъ, вашу безсильную культуру, брызгая черной слюной вокругъ, издѣваясь надъ всякой надеждой спастись отъ него!.. Вы -только звѣри! Загляните въ глубину души и вы ужаснетесь, тамъ нѣтъ ничего

*) Въ этомъ отношеніи весьма интересенъ одинъ изъ лучшихъ его разсказовъ: „Кровь".

благороднаго, ничего возвышеннаго, ничего святого, тамъ только—грязь и томленіе стать выше грязи,—томленіе безнадежное, жалкое, — душу свою убить надо, отречься отъ нея надо, ибо душа вмѣстѣ съ грязью плаваетъ въ крови, и не знаешь, куда спрятаться, чтобы забыться, чтобы прихлопнуть сумасшедшій крикъ ужаса въ себѣ, крикъ безграничнаго отчаянья, смертельный крикъ придавленнаго горя и тоски! Звѣриное желаніе жизни смѣшивается съ паническимъ страхомъ, и хочется бѣжать, а бѣжать некуда, ибо на всѣхъ путяхъ стоитъ только смерть, но лучше кровью упиться и пьянымъ животностью стать, чѣмъ принять ледяную пустоту уничтоженія!

Это обвиненіе человѣка въ животности—Розанова ничуть не смутило бы. Наоборотъ, онъ радуется, когда человѣка сравниваютъ съ животнымъ, въ этомъ ему открывается особенный смыслъ, и вотъ какъ онъ отвѣчаетъ однажды на это обвиненіе, которое встрѣчаетъ въ присланной ему брошюрѣ о бракѣ нѣкоего г. Фози: „Вотъ дуракъ: да чѣмъ животныя плохи? Египтяне ихъ почитали за *святыхъ*, и мы тоже считаемъ ихъ *безгрѣшнъе* людей. Между тѣмъ у животныхъ самецъ и самка не могутъ даже встрѣтиться, чтобы сейчасъ-же самецъ не началъ особеннымъ образомъ ласкать и нѣжить самку, т.-е. они находятся въ *постоянномъ, непрерывномъ* половомъ возбужденіи. И—*невинны*. Урокъ мудрецамъ и мудрячихамъ". („Люди луннаго свѣта" стр. 114, примѣчаніе; курсивъ Розанова)... Нарисованная здѣсь картина то и дѣло повторяется у Арцыбашева, но вызываетъ далеко не умилительныя чувства и въ самомъ авторѣ и въ читателяхъ... Розановъ восхищается и говоритъ: невинно! Арцыбашевъ содро-

гается, сгущаетъ нарочно краски, и вопитъ: безобразно, отвратительно, преступно!... Но оба не могутъ оторваться отъ картины, видятъ только ее, думаютъ только о ней, творятъ только ее!.. Можетъ-быть настоящія животныя и невинны, говоритъ Арцыбашевъ, но люди въ образѣ животныхъ хуже первыхъ, подлѣе и невыносимо уродливѣе (кто прочтетъ его разсказъ: „Ужасъ", тотъ невольно согласится съ этимъ)...

Вотъ поглядите!—говоритъ Арцыбашевъ, ведя за собою въ обыденную жизнь мудрецовъ и теоретиковъ—вотъ присмотритесь къ тому, что меня измучило,—и тогда судите!

И вотъ передъ нами, передъ философскою нашею мудростью—его разсказъ: „Жена", который я считаю самымъ лучшимъ его произведеніемъ, не говоря уже о необычайной его для него характерности!..

Въ этомъ разсказѣ Арцыбашевъ затронулъ самый наболѣвшій вопросъ современности:—вопросъ о бракѣ и о любви въ бракѣ, вопросъ о тайнѣ и крушеніи этой тайны подъ вліяніемъ обыденности, вопросъ о животности въ человѣкѣ и свободномъ, первобытномъ инстинктѣ, словомъ—здѣсь сконцентрировались, какъ въ фокусѣ, всѣ мотивы его творчества, отчего разсказъ является особенно интереснымъ!..

Какъ далеко отъ описаннаго въ этомъ разсказѣ брачнаго сожительства двоихъ существъ,—типично животныхъ и стихійно сильныхъ,—Розановская теорія о бракѣ, какъ таинствѣ, о религіозномъ значеніи материнства, обо всемъ, что дѣлаетъ книги его интересными и необычными для нашего времени!.. За то мы видимъ здѣсь обнаженную правду жизни, видимъ безстрастно точно отраженные факты дѣй-

ствительности, видимъ то, передъ чѣмъ всѣ закрываютъ глаза, но что своею внутренней мукой вопитъ извѣчно и не находитъ ни отвѣта, ни разрѣшенія нигдѣ, ни въ книгахъ, ни въ жизни, несмотря на свою вопіющую простоту!

Герой разсказа—молодой художникъ, полюбилъ дѣвушку, сошелся съ нею и потомъ женился на ней, но не по внутренней необходимости, а потому, что такъ было нужно другимъ, которые это и устроили!.. Напрасно искать здѣсь у Арцыбашева великой любви, той любви, при свѣтѣ которой вся дѣйствительность можетъ стать чудомъ, о такой любви никто изъ его героевъ и понятія не имѣетъ, всѣ сходятся случайно и снюхиваются, какъ тѣ животныя, которыхъ такъ умиленно описываетъ въ вышеприведенной цитатѣ Розановъ, грубо и дико предаются наслажденію и потомъ, съ враждебною ненавистью другъ къ другу, расходятся, ощущая, что чужды другъ другу и далеки, какъ были прежде!.. Въ мужчинахъ не ищите поэзіи любви, въ женщинахъ—тоже, мужчины—или нападающіе, разгоряченные, грубые самцы, или рахитичные выродки, лепечущіе безпрестанно о смерти, женщины—всегда одинаковы, какъ-бы ни разнообразилъ Арцыбашевъ свои сюжеты—онѣ всегда до скучнаго однообразны; онъ описаніе ихъ ограничиваетъ всегда тремя качествами: высокая, стройная и красивая, къ этому иногда присоединяются эпитеты: полная, или худощавая, хотя большею частью—всѣ—полныя, непремѣнно полныя, краснощекія и здоровыя, что дѣлаетъ ихъ похожими больше на какихъ-то животныхъ, коровъ, что-ли, а не на женщинъ!..

Жена художника въ разсматриваемомъ нами разсказѣ тоже была „высокая, стройная и красивая

женщина“. Случилось же все это просто, будто въ насмѣшку, при чемъ она была только самкой въ самомъ первобытномъ значеніи этого слова, а онъ—самцемъ, и если и говорится въ разсказѣ о какой-то бывшей между ними любви, то это одни слова, ибо эта любовь такая-же, какъ та, которую находитъ Розановъ у снюхивающихся животныхъ!

Хотя Арцыбашевъ сильно настаиваетъ на томъ, что это—любовь. И трудно ему не повѣрить, вѣдь въ той жизни, которую онъ знаетъ и которую описываетъ,—любовь бываетъ только такая...

Художникъ любилъ свою жену, т.-е. настолько любилъ, насколько можетъ любить человѣкъ-звѣръ, воспоминаніе же о ихъ свиданіяхъ въ рощѣ, у насыпи, гдѣ проходилъ поѣздъ, когда они еще не были связаны узами брака и когда наслажденіе этихъ здоровыхъ, могучихъ людей было особенно остро,—осталось въ душѣ художника навсегда. Здѣсь Арцыбашевъ какъ-бы хочетъ подчеркнуть свою излюбленную мысль, что счастье—только въ свободной любви, только въ минутномъ наслажденіи, что любовь не терпитъ никакихъ узъ, никакихъ обязанностей, никакихъ жертвъ, навсегда оставляя въ душѣ очарованіе тѣхъ минутъ, когда „все было наполнено однимъ жгучимъ, неизъяснимо прекраснымъ, могучимъ и смѣлымъ наслажденіемъ жизнью“...

Но когда они повѣнчались и стали жить вмѣстѣ, когда томительно-сѣрая скука жизни зѣвая, раскрыла свою бездонную пасть,—все очарованье любви, и наслажденіе той чудной ночи, у насыпи, въ рощѣ, и новизна тайны и самая тайна,—мгновенно исчезли!.. Все, что было у него и у нея ново и обаятельно—пріѣлось, сущность взаимная потеряла свою

красоту, свое обаяніе,—наслажденье и красота наслажденья стали невыносимы, находясь во власти времени и привычки... Жизнь убила любовь, жизнь стала смертью... И какъ мучительно и вмѣстѣ съ тѣмъ—до ужаса правдиво, герой разсказываетъ объ этомъ своемъ ощущеніи: „Мнѣ было странно и трудно сознавать, что я уже не одинъ, что всякое слово и дѣло мое страшно отзывается въ другомъ человѣкѣ, который видитъ, чувствуетъ и думаетъ совсѣмъ не то и не такъ, какъ я...—И съ перваго же дня исчезло все то красивое, таинственное и сильное, что давала намъ ночная страсть. Тысячи мелочей, сухихъ и суровыхъ, поднялись откуда-то безтолковой массой и сдѣлали все некрасивымъ, простымъ и ничтожнымъ. Въ первый разъ въ жизни мнѣ стало стыдно того, что было „я“: было стыдно своей бѣдности, было стыдно интересоваться пошлостями жизни, дѣлать некрасивыя отправленія, было стыдно одѣваться при женѣ. Несвѣжее бѣлье, случайная рвота, протертый замасленный пиджакъ, то маленькое мѣсто, которое я занималъ въ обществѣ,—все было мелко и уничтожало безъ слѣда тотъ красивый и сильный образъ, который создали въ ея глазахъ ночь, роща, лунный свѣтъ, моя сила и страсть“...

Напрасно ищу я у Розанова -защитника брака—хотя бы одного мѣста, которое смогло бы своимъ объясненіемъ уничтожить это описаніе могущества пошлости... Кто знаетъ, можетъ быть, весь этотъ ужасъ обыденной жизни имѣетъ для него совершенно иное значеніе, можетъ быть, все это мелкое, повседневное, житейское дороже для него всякихъ абсолютовъ, но ясно, что все здѣсь описанное до того

не гармонируетъ съ понятіемъ брака, какъ таинства, что само это слово: „таинство“ звучитъ въ этомъ чаду какъ что-то чуждое и безсильное искупить великій ужасъ жизни!... На сторонѣ Арцыбашева сама жизнь, на сторонѣ Розанова—философскія теоріи, кто побѣдитъ—неизвѣстно, но ужасъ остается ужасомъ, несмотря на всю человѣческую изобрѣтательность, несмотря на все желаніе подчинить его своей волѣ!...

„Поэзія новобрачія,—восклицаетъ, развивая свои удивительныя теоріи Розановъ—„и обычаи новобрачія трогательны и всемірны... Какъ бы слѣдовало *собрать* эти лучшіе человѣческіе обычаи, для нихъ не нашлось ни Кирѣевскаго, ни Рыбникова, ни Шейна!... („Люди лун. св.“.—129).

Увы!—отвѣчаетъ жизнь устами Арцыбашева,—та жизнь, которая не терпитъ никакихъ теорій, которая издѣвается надъ всякой философіей и надъ всякой наукой, которая страшна, безгранично страшна, несмотря на всевозможныя метафизическія утѣшенія!

„Поселились мы въ городѣ, въ небольшой, не нами обставленной комнатѣ, гдѣ было чистенько и аккуратно, и оттого всякій стулъ, лампа, кровать говорили простымъ и скучнымъ языкомъ о долгой однообразной жизни... И жена какъ то сразу опустилась, отяжелѣла и обудничилась. Черезъ три дня она уже была для меня такою-же понятной и обыкновенной, какъ всякая женщина въ домахъ и на улицахъ, и даже больше. Утромъ, еще неумытая и непричесанная, она казалась гораздо хуже лицомъ, носила талейку изъ желтой чесучи, которая такъ же мокро потѣла подъ мышками, какъ и пиджакъ ея брата. Она много ѣла и ѣла некрасиво, но очень аккуратно, легко раздражалась и скучала!...

„И еще больше поднялось съ пола жизни, какъ пыль, мелочей, которыя уже не были мелочами, потому что назойливо и властно, какъ законъ, лѣзли въ глаза, требовали серьезнаго вниманія, напряженія душевныхъ силъ, поглощавшаго жизнь. Когда я былъ одинъ, я не боялся за себя, если у меня не было чего-либо—платья, пищи, квартиры,—я могъ уйти куда-нибудь, хоть въ ночлежку, искать на сторонѣ, могъ побороть тяжесть нужды юморомъ и беззаботностью, и было всегда легко и свободно, и не было границъ моей жизни, а когда насъ стало двое, уже нельзя было ни уйти, ни забыть ничего, а надо было во что-бы то ни стало заботиться, чтобы „было“ все, и нельзя было двинуться съ мѣста, какъ будто изъ тѣла вошли въ тяжелую землю корни. Можно было весело терпѣть самому, но нельзя было спокойно знать, что терпитъ другой человѣкъ, дорогой тебѣ и связанный съ тобой на всю жизнь. Если бы даже и удалось забыть, уйти, то это не было бы уже легкостью, а жестокостью. И гдѣ бы я ни былъ, что бы ни дѣлалъ, мелочи неотступно шли теперь за мной, напоминали о себѣ каждую минуту, наполняли душу тоской и страхомъ!...“

Такимъ образомъ, ни жизнь, ни теоріи не смогли заворожить пошлости, въ которую облекаетъ обыденность свободное, какъ вѣтеръ и могучее, какъ стихія чувство. И, словно издѣваясь надъ всякими измышленіями, надъ умомъ человѣческимъ, надъ всей хитростью философіи, торжествуетъ простая и старая, избитая и постылая французская пословица: „*le mariage est le tombeau de l'amour*“.

Гдѣ же вѣчность, гдѣ та безконечная ночь сладострастья, которую такъ поэтически любитъ опи-

сывать Розановъ? Гдѣ томительная бездна любви, которая вѣнчаетъ два существа неизъяснимо-прекрасной гармоніей?

Въ отвѣтъ на это герой разсказа отвѣчаетъ скучными, давно выцвѣтшими словами, въ которыхъ воплотилась Арцыбашевская правда, и кажется, что эти слова свинцовымъ бременемъ прихлопнули всю жизнь: „Дни шли. Я любилъ жену, и она любила меня, но уже новой, спокойной, неинтересной любовью собственника, въ которой было больше потребности и привязанности, чѣмъ страсти и силы. И иногда просто даже странно было вспомнить, что все „это“ сдѣлалось именно и только ради страсти“...

Арцыбашевъ видитъ дѣйствительность не глазами поэта, а глазами простого смертнаго и правда ея, какова бы она ни была, дороже ему всякаго возвышеннаго обмана!...

И правда его въ томъ, что плоть, что родовой актъ, что наслажденіе—грѣхъ, тотъ первородный грѣхъ, изъ-за котораго люди лишились спасенья, тотъ грѣхъ, который страхомъ тупымъ и тяжелымъ наполняетъ душу его героевъ... Властный и чадный фатумъ „Крейцеровой сонаты“ Толстого виситъ надъ Арцыбашевымъ неподвижною и непреодолимою тяжестью!

Какъ все это далеко, слишкомъ далеко отъ того теоретическаго поэтизированія, которое составляетъ idèe fixe въ творчествѣ Розанова, ибо въ жизни, по словамъ Арцыбашева, все это несравненно проще... „Чудное соединеніе мужчины и женщины!—восторженно восклицаетъ Розановъ,—„какъ прекрасно: такъ же, какъ обоняніе цвѣтка, какъ вкушеніе отъ виноградной лозы, какъ любованіе на звѣздное небо,—но

только *глубже* и *внутреннѣе*. Все, все, что сказалъ Лермонтовъ въ стихотвореніи: „Когда волнуется желтѣющая нива"—все это дѣйствіе на душу цѣлостной природы повторяется, но *глубже*, въ дѣйствіи на человѣка родового акта и его сопутствующихъ обстоятельствъ, любви и семьи. Да и понятно, ибо актъ этотъ есть *узелъ* природы. (Люд. лун. свѣта, 132 стр.: курсивъ Розанова)...

У Арцыбашева же остается только паническій, тупой страхъ, только гадливость, только желаніе забыться... Арцыбашевъ уничтоженъ *безсмысленностью* животной силы, потрясенъ стихійностью природы, но какъ отъ искупительной идеи Толстого, такъ равно и отъ пантеизма Розанова—онъ далекъ.

„... Я изрѣдка незамѣтно взглядывалъ на нее, и мнѣ казалось въ эту минуту страннымъ, что она можетъ такъ спокойно и самоувѣренно сидѣть и смотрѣть на всѣхъ при мнѣ, что ей не стыдно того, что было въ рощѣ.

„Въ темнотѣ мнѣ опять пришло въ голову: почему женѣ не было стыдно того, что происходило между нами въ рощѣ? Почему же это было тайной?... Или вообще это вовсе не стыдно, а хорошо, или она — безстыдная, наглая и развратная. Если это хорошо, то зачѣмъ всѣ прячутся съ этимъ, и зачѣмъ мы повѣнчались; а если дурно, значитъ она—развратная, падшая, и зачѣмъ тогда я женился на ней? Почему я думаю, что она не будетъ теперь, тайно отъ меня, какъ прежде отъ всѣхъ, отдаваться другимъ, какъ отдавалась мнѣ?" *)...

. . . .

*) Курсивъ мой. *А. З.*

Спутанный, могучій, сильный, крѣпкій звѣрь жаждетъ свободы и дикаго разгула—это его назначеніе, ему тѣсно и душно задыхаться въ узкихъ клѣткахъ человѣческой пошлости, онъ привыкъ стрѣлой носиться по цвѣтущей, по пахучей, по родной землѣ, привыкъ къ свисту вѣтра, къ раскатамъ бури, къ стихіямъ вольнымъ, свирѣпымъ, жгучимъ, какъ его душа, онъ изъ низинъ, изъ болотъ стоячихъ, изъ ямъ вонючихъ, бездонно скучныхъ,—рвется всей грудью, всѣмъ напряженіемъ сильнаго тѣла къ палящимъ ласкамъ родного солнца, къ играмъ безпечнымъ средь нивъ, средь бора, средь чащъ тѣнистыхъ, рвется къ вакханкамъ, къ оргіастической пляскѣ, къ безумному пиру безстыдно-пьяныхъ, дикихъ, ужасныхъ, жестокихъ ласкъ, рвется къ восторгу какой-то навѣкъ утраченной, первобытной, дѣтски-счастли[illegible] зарѣ, и ему страшно, и ему больно срываться съ высокихъ кручъ своихъ стремленій и падать позорно внизъ, въ муравейникъ, въ такъ ненавистный, мелочный, грязный, проклятый міръ!... Смотришь на героевъ Арцыбашева и удивляешься, откуда они здѣсь, среди гнили, среди смерти, среди безнадежнаго разложенія; словно кентавры, словно сатиры, словно богатыри изъ сказочныхъ временъ, съ этимъ потрясающимъ избыткомъ животной силы, съ этими геркулесовскими мускулами, съ этими краснощекими, глупыми, роскошными лицами, которыя отливаютъ солнцемъ, румянцемъ не здѣшнимъ и не нашимъ, игрой плоти и торжествомъ плоти!... И, когда наблюдаешь, какъ эти молодцы врываются въ жизнь, ломаютъ преграды, законы, заставы съ трескомъ, съ гуломъ, съ хохотомъ, когда видишь эту жирную, влажную массу мяса, крови и

мышцъ,—то невольно завидуешь ихъ состоянію, ибо такіе-то и могутъ быть хозяевами жизни, такіе *все* могутъ, ибо обладаютъ двумя сокровищами, которыя движутъ прогрессомъ и жизнью:—глупостью и силой!... Эти даже и Дмитрія превзошли, ибо Дмитрію извѣстно и благородство, и уваженіе къ чужой личности, и онъ не лишенъ извѣстной религіозности, то есть опять таки лишній и ненужный для жизни человѣкъ, а эти только хохочутъ надъ всякими человѣческими законами, издѣваются надъ тѣмъ, надъ чѣмъ самые отважные сверхчеловѣки могутъ издѣваться развѣ лишь на бумагѣ, издѣваются надъ человѣческой совѣстью, надъ моральнымъ долгомъ, надъ страданіемъ другого человѣка, надъ семейными обязанностями, надъ судьбой собственныхъ дѣтей, какъ будто все это и вправду только лишь простыя [illegible] разрушаютъ все, [illegible] ками надъ всѣмъ, и ничто, рѣшительно [illegible] можетъ преградить ихъ шумное и веселое шествіе къ звѣриному богу солнца!... Грустная, но правдивая мысль приходитъ на помощь передъ этимъ загадочнымъ явленіемъ: жизнь можетъ побѣдить не человѣкъ, какимъ-бы геніальнымъ онъ ни былъ, а только звѣрь. Человѣкъ-звѣрь,—вотъ кому принадлежитъ будущее и счастье народовъ, эта идея взбѣсила-бы Ницше, и еще какъ-бы взбѣсила, но все-же и онъ бы не могъ не согласиться съ этимъ...

Художнику надоѣло семейное счастье, ему „было мучительно, такъ, какъ мучительно здоровому и веселому животному, пущенному въ луга съ веревкой на ногахъ“... Беременность жены возбуждаетъ въ немъ только отвращеніе, это ему кажется безсмыслицей, а жизнь съ женой, ради жены и ради ребенка—

гнуснымъ рабствомъ... Если бы Розановъ употребилъ всю силу, всю змѣиную логику своихъ доказательствъ, чтобы убѣдить его, что материнство есть чудо, и что теперь-то и началась вся поэзія жизни—этотъ типичный Арцыбашевскій герой могъ бы отвѣтить тѣмъ-же, что и женѣ: „всю жизнь свою въ жертву приносить, перенести все свое „я“ въ другого человѣка, въ жену-ли, въ ребенка... Да съ какой стати? За что? Если ты раба по природѣ, такъ тѣмъ хуже для тебя, а я не хочу...—Чѣмъ объяснить, что даже Библія говоритъ, что Богъ далъ материнство, какъ наказаніе, а люди сдѣлали изъ этого радость?“...

Художникъ бросаетъ жену и идетъ, какъ Санинъ, навстрѣчу своему солнечному, жестокому божеству, только послѣ этого онъ можетъ свободно вздохнуть, только теперь сознаніе собственной свободы наполняетъ его душу счастьемъ, только теперь видъ чужихъ женщинъ зажигаетъ его похоть, и онъ при этомъ чувствуетъ, что „это именно то, что больше всего нужно и мнѣ, и всему живому“...

Въ то время, когда онъ началъ тяготиться женой, когда желаніе свободы до боли мучило его, у него вырывается признаніе, признаніе, въ которомъ находится вся индивидуалистическая теорія Арцыбашева, здѣсь и элементъ Санина, и все, что оправдываетъ дѣйствія его героевъ: „И тутъ мнѣ въ первый разъ пришло въ голову, что и всѣ люди, не одна жена, по какому-то праву хотятъ подчинить мои мысли своимъ, заставить меня вѣрить и чувствовать такъ, какъ вѣрятъ и чувствуютъ они. И такая злость охватила меня при этомъ, что мнѣ захотѣлось крикнуть, ударить жену, бросить въ нее чѣмъ нибудь тяжелымъ, и уйти куда-то, на край свѣта, отъ всѣхъ

людей, отъ всего того, что они выдумали, дурно устроили, признали хорошимъ и заставляютъ меня признать!“...

„Не можетъ быть два человѣка въ плоть едину!—заявляетъ герой Арцыбашева, наперекоръ Розанову, наперекоръ всему міру: „любовь приходитъ и любовь уходитъ, какъ все, а нѣтъ конца желанію жить“!...

Лови моментъ! -печально совѣтуетъ Арцыбашевъ своимъ созданіямъ -минутой любуйся и минутой живи, землю цѣлуй, пей наслажденье всюду, гдѣ только можно, все остальное —тяжелый бредъ. Ужасно пить до дна, ибо бездонность невыносима, бездонность это—та вѣчность, понятіе которой отравляетъ минуты твоей радости, о какъ счастливы животныя, которыя не знаютъ, что такое вѣчность!... А пить хочется долго, ибо мучаетъ, „жгучее, могучее, любопытное желаніе жить“, но дрожишь ты, чувствуя дыханье смерти, которая вышибетъ кубокъ изъ рукъ въ ту минуту, которая неизвѣстна!... О, какъ счастливы животныя, которыя не знаютъ, что такое смерть!...

Вѣчность, вѣчность человѣческой природы и смерть—вотъ что отравило Арцыбашеву минуты любованія созданнымъ имъ царствомъ звѣрей! Это—другой лейтмотивъ его творчества, не менѣе потрясающій, чѣмъ первый!... Но оба сливаются въ одно ревущее, черное море извѣчной тоски, но оба терзаютъ душу міра животнымъ крикомъ, но оба творятъ безобразную красоту понятія: жить.

Подпрапорщикъ Гололобовъ укралъ у Кириллова идею спасенья отъ смерти, смертью смерть побѣдить хотѣлъ, отравилъ блаженныя минуты благообразнаго доктора глубоко понятой идеей смерти, идеей вѣч-

наго уничтоженія. И Арцыбашевъ ужаснулся, и съ тѣхъ поръ идетъ борьба между животной силой и силой смерти, заканчиваясь въ романѣ: „У послѣдней черты“ цѣлой философіей смерти.

Напуганный смертью Гололобова благообразный докторъ пришелъ тоже въ ужасъ, и вотъ слова его— такія простыя, такія обыкновенныя слова, а между тѣмъ, сколько въ нихъ ужаса, сколько вѣчнаго смысла, сколько крика всей земли, всего міра, всѣхъ приговоренныхъ къ смерти людей:

„Меня ужъ не будетъ... Неужели-же?... Ну, конечно! Все будетъ: и деревья, и люди, и чувства — много пріятныхъ чувствъ, любовь и все такое, а меня не будетъ. Я даже смотрѣть на это не буду. Не буду даже знать, есть-ли все это, или нѣтъ! То-есть даже не то, что „не буду знать“, а просто меня совершенно не будетъ! Просто? нѣтъ, это не просто, а ужасно, жестоко и безсмысленно! Зачѣмъ-же я тогда жилъ, старался, считалъ это хорошимъ, а то дурнымъ, думалъ, что я умнѣе другихъ? Все равно меня не будетъ!... И меня черви съѣдятъ... Долго будутъ ѣсть, а я буду лежать неподвижно. Они будутъ ѣсть, копошиться... бѣлые, склизкіе... Пусть лучше меня сожгутъ... Нѣтъ, это тоже ужасно! Зачѣмъ-же я жилъ!“ („Подпрапорщикъ Гололобовъ“).

Такой паническій страхъ смерти преслѣдуетъ Арцыбашева всюду, и чѣмъ животнѣе его герои, тѣмъ сильнѣе страхъ, тѣмъ безысходнѣе!... А вотъ, посмотрите, какъ удивительно легко, какъ спокойно относится къ этому вопросу Розановъ, который до того опьяненъ, до того поглощенъ плотью, что она кажется ему даже сильнѣе смерти! Ради этого каждый можетъ Розанову позавидовать, каждый въ про-

стотѣ душевной скажетъ: „а ну-ка, хоть на время, хоть на минуту одну стану мистикомъ, авось отлегнетъ отъ сердца тяжесть"!... Но, увы, и имъ приходится отвѣтить: много званныхъ, да мало избранныхъ! Для того, чтобы выдумать подобное утѣшеніе, которое себѣ изобрѣлъ Розановъ, нужно иногда цѣлую жизнь думать, пройти сквозь всяческіе искусы, сквозь всевозможныя хитрости, до того довести себя, что уже никакой чортъ тебя не сумѣетъ провести за носъ, и вотъ тогда-то,—взять перо и безъ смущенья, безъ дрожи, безъ сомнѣнія написать нижеслѣдующее: „Смерть есть не смерть *окончательная*, а только способъ *обновленія*: вѣдь въ дѣтяхъ въ точности *я живу*, въ нихъ *живетъ моя кровь и тѣло*, и, слѣдовательно, буквально *я не умираю вовсе*, а умираетъ только мое *сегодняшнее имя*. Тѣло же и кровь *продолжаютъ жить*; и въ *ихъ дѣтяхъ*—снова, и, затѣмъ опять въ дѣтяхъ—*вѣчно*: только бы значитъ „рождалось", а „я—никогда не умру"... *).

Хоть и мистическое объясненіе, а пахнетъ отъ него наивнымъ матерьялизмомъ! И, каково подумаешь утѣшенье, славно написано, а не убѣдитъ даже любого гимназиста!

И Л. Толстой хотѣлъ было утѣшить себя подобными разсужденьями, да ничего не вышло, и отказался отъ всякихъ разсужденій, погибъ!

Арцыбашевъ, хоть и матеріалистъ, а отъ подобнаго объясненія ему однако ни тепло, ни холодно, онъ, прочтя это, только рукой махнетъ, и на жизнь

---

*) И въ другомъ мѣстѣ: „Я не понимаю, къ чему въ эту полную чашу бытія вводить непремѣнно и преднамѣренно скорбь? Ну, придетъ *смерть*, умремъ: она уже побѣждена тѣмъ, что мы, *двое* умирающихъ родителей, оставляемъ *четверыхъ* дѣтей. Ариѳметика... („Темн. Ликъ", 107).

сошлется, непремѣнно на факты грубой, звѣрской, обыденной жизни, и Розанова поведетъ, и скажетъ: „поглядите, понюхайте! только не слишкомъ, чтобъ не стошнило!“

И вотъ каковъ этотъ фактъ Арцыбашева: живутъ въ разсказѣ „Изъ записокъ одного человѣка“ молодые, любящіе другъ друга, сильные, здоровые люди мужъ и жена. Жена, конечно „высокая, полная и красивая“, мужъ—не хуже ея, жизнь ихъ—одна поэма любви и сладострастья, взаимнаго пониманія и уваженія, поэма „сильныхъ бедеръ, груди и покатыхъ плечъ, созданныхъ для ласки“, словомъ весь животный міръ здѣсь въ полномъ расцвѣтѣ...

Идиллія несомнѣнно въ Розановскомъ духѣ, здѣсь-то ему и случай лишній разъ полюбоваться, посмаковать и создать два-три афоризма подъ вліяніемъ семейнаго счастья.

Но вдругъ, случилось самое неожиданное—жена случайно заболѣваетъ, и приходитъ та самая смерть, которую Розановъ въ своей книгѣ отогналъ двумя щелчками своего метафизическаго пера... И вотъ тутъ-то передъ нами возникаетъ такая поразительно страшная и поразительно вѣрная картина, которую просто нельзя потомъ изгладить изъ своей памяти, которая всѣми своими подробностями возбуждаетъ такой ужасъ, что отъ него нельзя отдѣлаться никакими силами!

„Я никогда не забуду тѣхъ двухъ часовъ, когда мы перевозили гробъ съ трупомъ Нины Александровны. Мы шли за гробомъ, и его тяжкая, уродливая голова качалась надъ нами. Тамъ, въ ней, въ тѣсномъ, деревянномъ черепѣ, должно быть, такъ-же качалась и глухо стукала о доски, мертвая, закостенѣлая головка. Изъ щели гроба торчала чистая, бѣлая кисея, прохваченная гвоздями, точно сталь-

ными зубами, ядовито вонзившимися въ чистое, молодое тѣло. И изъ этой-же щели—сладко нудной волной уже шелъ трупный запахъ и тяжелымъ, гнуснымъ облакомъ тянулся за гробомъ. Кончено все, и та женщина, коснуться нѣжнаго тѣла которой было бы счастьемъ для каждаго живого человѣка, та женщина, которая всю жизнь старалась украшать своей красотой, изящностью и нѣжностью, теперь, уже не зная того, душила насъ труднымъ смрадомъ, возбуждая тошноту и мучительное для сознанія чувство омерзенія.

„Я обманывалъ себя, старался не слышать этого сладкаго смрада и больше всего на свѣтѣ боялся, чтобы моя невольная блѣдность и судороги на лицѣ, когда смрадъ попадалъ въ ротъ, не были замѣтны Иванову. Страшнымъ усиліемъ мозга я старался понять, что долженъ думать и чувствовать онъ, самый близкій къ ней, связанный съ этимъ самымъ разлагающимся тѣломъ памятью о прекрасныхъ, таинственныхъ ласкахъ, о наготѣ его, о той душѣ, которая жила въ немъ и которая была извѣстна цѣликомъ только ему одному“...

Послѣ такой правды жизни, послѣ такого запаха, послѣ такихъ ощущеній, я думаю, не легко придется самому мистическому изъ всѣхъ мистиковъ, не миновать и ему страха—животнаго, паническаго страха, который рождается ночью и, крадучись, со страшною тихостью подходитъ къ душѣ, и охватываетъ скользкими руками шею, и давитъ, и замораживаетъ, и превращаетъ все тѣло въ неподвижный ледяной столбъ, и кажется, что этотъ замерзшій ужасъ сильнѣе міра, сильнѣе Бога!... И проклянетъ въ эту минуту мистикъ всякую логику, всякія книжныя утѣшенія, всякія хитрости и лазейки въ дебряхъ лукавой ворожбы надъ міромъ, проклянетъ все и, стиснувъ зубы, замретъ въ отчаянной злобѣ, съ шевелящимися отъ страха волосами, а воспоминаніе объ этомъ сладко-приторномъ запахѣ, струящемся изъ гроба, хоть на минуту

вычеркнетъ изъ мозга все обаяніе мудрыхъ, красивыхъ и геніальныхъ фразъ...

Что и говорить, сильна смерть, но сильна и животность героевъ Арцыбашева. Вотъ, еще не успѣли похоронить жену, а Ивановъ уже думаетъ, какъ бы найти другую женщину и въ ней воскресить то, что для него выше всего на свѣтѣ!...

И злоба закипаетъ въ авторѣ записокъ, и ему хочется ударить Иванова „по щекѣ, по блѣдной, плоской щекѣ подлаго, притворявшагося самца, которому нужна была только новая самка!“...

Ужасъ передъ жизнью, передъ настоящей, не книжной жизнью охватываетъ тогда автора записокъ, и ему хочется проклясть Арцыбашевское царство ужаса, сладострастья и смерти, т.-е. проклясть самое жизнь:

„Чѣмъ больше любви,—говоритъ онъ—тѣмъ ужаснѣе горе смерти любимаго человѣка. А оно будетъ, и мы знаемъ это, знаемъ вѣрнѣе и точнѣе, чѣмъ что бы то ни было на свѣтѣ. Рано или поздно придетъ смерть и разлучитъ людей, бросивъ одного въ пустоту, какъ заброшеннаго щенка.

„Я одинъ стою передъ лицомъ смерти, и когда она придетъ, умру одинъ, безъ горя и муки, только со страшной злобой въ душѣ къ тому, кто далъ мнѣ человѣческую жизнь и человѣческую смерть!“...

VII.

> Въ тайномъ ужасѣ есть сладкое томленье,
> Чего-то новаго призывъ и откровенье.
>
> *А. Майковъ.*

Карамазовское царство—жестокое царство... Здѣсь красота обезображена надрывомъ, и въ надрывѣ тонетъ любовь, и любовь—какъ ядъ губительный, какъ та „страшная сказка“ Гейне, въ которой жестокость и счастье—одно!... Они всѣ здѣсь—уже пропащіе, ибо кто увѣруетъ въ безуміе, кто душу запродастъ демону сладострастья, кто полетитъ въ бездну вверхъ пятами,—тому спасенья ужъ нѣтъ и не будетъ!... Здѣсь хоть и все—любовь, но все—трагично! Это у обыденныхъ людей любовь—радость, у этихъ-же есть другая радость, радость распятья на крестѣ страсти, радость гибели... Они всѣ гибнутъ. Не могутъ спастись. Для кого женщина стала богомъ,—тотъ уже забылъ, что такое спасенье!... Ибо если религія,—то,—для того, чтобы все спокойно было и передохнуть можно было,—ликъ божества долженъ быть на недоступной высотѣ, гдѣ-то очень вверху и чтобы даже невѣдомы были черты! Если же увидишь лицо идола въ живомъ человѣкѣ, если поймешь, что въ немъ—и тайна, и ужасъ, и бредъ,—тогда гдѣ-же взять силы, чтобы вынести муку, чтобы сберечь огонь?... Здѣсь—почти каждая

женщина—запечатанный сосудъ тайны, и въ ней здѣшнія черты будто все-же нездѣшнія, и въ ней лицо измѣнчиво до сладостнаго, до томительнаго обмана!... Катерина Николаевна въ „Подросткѣ“ уклончива, зыбкая, смѣхомъ колдуетъ... И отца, и сына, и многихъ—мастерски мучитъ, чадомъ загадочной сущности опьяняетъ, терзаетъ... и въ ней *„всѣ пороки“*!

Полина въ „Игрокѣ“ до того кружитъ и жалитъ, что руки кусаешь, услышавъ шорохъ платья, а „когда она разъ въ залѣ съ Де-Гріе разговаривала долго и горячо и такъ на него смотрѣла, то потомъ, когда я къ себѣ пришелъ ложиться спать, вообразилъ, что она дала ему пощечину, только что дала, стоитъ передъ нимъ и на него смотритъ... *Вотъ съ этого-то вечера я ее и полюбилъ*“... Даже Лиза Хохлакова—дѣвочка, и та поверхъ тайны врожденной, невѣдомой—истерикой колдуетъ, кровь любитъ, уколы любитъ... Царевна-колдунья, она ворожитъ надъ жестокостью и мукой души своей ее освящаетъ... Пытки міру готовитъ... Рождаетъ злые замыслы, злые соблазны... Вѣдь это отъ нея родился Сологубовскій „Нюренбергскій палачъ“ и многое другое!... Она такая молоденькая. лѣтъ пятнадцати кажется, не больше, и такая уже хищная, и такая усталая отъ душураздирающей инквизиторской грезы своей!... Въ книгѣ гдѣ-то вычитала, что будто мальчика распяли, прибили гвоздями и распяли,—и ей хорошо!... Алеша съ недоумѣніемъ (навѣрное съ недоумѣніемъ) глядитъ на ея блѣдно-желтое искаженное лицо и не вѣритъ, и спрашиваетъ: „хорошо“?...

— „Хорошо. Я иногда думаю, что это я сама распяла. Онъ виситъ и стонетъ, а я сяду противъ

10

него и буду ананасный компотъ ѣсть. Я очень люблю компотъ. Вы любите?" — („Братья Карамазовы")...

И на личикѣ—тусклое озареніе... Это Карамазовская сила разрушенья сказалась. Самъ Достоевскій, тотъ самый, про котораго пишутъ, что онъ—христіанинъ и христіанинъ примѣрный (есть такіе, что пишутъ)—сидитъ въ этомъ уродливомъ тѣльцѣ, мелкимъ бѣсомъ сидитъ и сотрясаетъ, и ей хочется крикнуть, хочется забыться, но соблазны все острѣе, заманчивѣе, но желанія все разрушительнѣе!...

— „Я ужасно хочу зажечь домъ, Алеша,—нашъ домъ, вы мнѣ все не вѣрите?... я хочу дѣлать злое, а никакой тутъ болѣзни нѣтъ.

— Зачѣмъ дѣлать злое?

— А чтобы нигдѣ ничего не осталось. Ахъ, какъ бы хорошо, кабы ничего не осталось. Знаете, Алеша, я иногда думаю надѣлать ужасно много зла и всего сквернаго, и долго буду тихонько дѣлать, и вдругъ всѣ узнаютъ. Всѣ меня обступятъ и будутъ показывать на меня пальцами, а я буду на всѣхъ смотрѣть. Это очень пріятно. Почему это такъ, пріятно, Алеша? („Братья Карамаз.").

Истомила себя надрывами, закружилась въ томительной пляскѣ плоти... „И эта—уже предлагается"...

Какіе соблазны здѣсь идутъ отъ женщинъ! Духъ перевести нельзя!... Уводятъ въ такія дали, толкаютъ на такія преступленія, манятъ такими обѣщаньями, что все только кружится, все багровѣетъ, пламенемъ страсти хлещетъ въ глаза... И каждый дрожитъ, уходитъ въ себя, и каждый создаетъ свою „страшную сказку", чтобы въ ея бреду исчезала дѣйствительность, чтобы въ ея волхвованіяхъ рыдали

пропасти нездѣшнихъ міровъ, чтобы сквозь тусклую скуку, скуку безумную — вдругъ сверкнули серебристыя вершины восторга! Версиловъ — философъ, (это вѣдь онъ сказалъ, лѣтъ за 30 до Льва Шестова: „жить съ идеями скучно, а безъ идей всегда весело“). Хотя философія-то его барская, усталая, отъ лѣни больше, отъ пустоты снѣдающей философствуетъ, а все-же онъ игрушка въ щупальцахъ Карамазовскаго насѣкомаго, онъ изъ ревности можетъ сбросить съ себя всю свою барскую корректную напыщенность и становится вдругъ свирѣпымъ звѣремъ, не хуже Митеньки, икону—символъ всего духовнаго, благоустрояющаго, ради чего вериги носилъ,—разбиваетъ, ничуть не задумываясь—и, схвативъ на руки женщину, вымотавшую всю его душу, носитъ ее по комнатѣ какъ помѣшанный, какъ разъяренный левъ, наслаждающійся побѣдой своей... Убить ее хочетъ, но убить мало, развѣ есть на свѣтѣ такая смерть, которая смогла-бы убить ревность? Кровь по каплѣ высосать хочетъ, за жизнь, укушенную проклятымъ насѣкомымъ, отмстить хочетъ, но развѣ возможно убить любовь, которая сильнѣе смерти? Кто дошелъ въ любви до отчаянья, до послѣдней обнаженности, тому лечиться остается развѣ однимъ лишь сумасшедствіемъ, да и это врядъ-ли поможетъ. Овладѣть душой другого—это значитъ уничтожить его, но уничтожить Катерину Николаевну не легко было, она сама его уничтожила!... И погибъ... И всѣ карамазовскіе гибнутъ... Мочи нѣтъ, *слишкомъ любятъ*...

Именно отъ этой-то „женской живодерности“, о которой говоритъ Митя—и гибнутъ! Ибо „такая, я тебѣ скажу, живодерность въ нихъ сидитъ, во всѣхъ

до единой, въ этихъ ангелахъ-то, безъ которыхъ жить-то намъ невозможно!" („Бр. Кар.")...

И чѣмъ больше жестокости въ женщинѣ, тѣмъ больше ее и любишь—старая истина... Но этою истиной здѣсь всѣ упиваются, ею живутъ, лѣчатся ею отъ томительной скуки пресыщенья!... А это главное! Ибо кто скуку чѣмъ-нибудь убить можетъ,—тотъ значитъ и силенъ!... Всѣ задыхаются, нечѣмъ спастись, нечѣмъ заполнить пустоту, и никто ни о чемъ не думаетъ, только о спасеньи, и все равно для нихъ—какой цѣной, лишь-бы забыться!

Особенно герой „Игрока" въ этомъ отношеніи изобрѣтателенъ. И, когда слушаешь его признанія,—лишній разъ убѣждаешься, какъ далеко шагнулъ для своего времени Достоевскій: писано въ 1867 году, а читая думаешь, что писалъ какой-нибудь Габріэль д'Аннунціо.

— Ну, да, да, мнѣ отъ васъ рабство—наслажденіе. Есть, есть наслажденіе въ послѣдней степени приниженности и ничтожества,—продолжалъ я бредить.—Чортъ знаетъ, можетъ-быть, оно есть и въ кнутѣ, когда кнутъ ложится на спину и рветъ въ клочки мясо... Удовольствіе всегда полезно, а дикая, безпредѣльная власть—хоть надъ мухой—вѣдь это тоже своего рода наслажденіе.

— „Человѣкъ деспотъ отъ природы и любитъ быть мучителемъ. Вы ужасно любите.

„Глаза мои налились кровью. На окраинахъ губъ запеклась пѣна. А что касается Шлагенберга, то клянусь честью, даже и теперь: если-бъ она тогда приказала мнѣ броситься внизъ, я бы бросился! Если-бъ для шутки одной сказала, если-бъ съ презрѣніемъ, съ плевкомъ на меня сказала,—я-бы и тогда соскочилъ! („Игрокъ").

Карамазовское царство—паучье царство... Безобразное, липкое въ паутинѣ сладострастья насѣкомое повисло надъ міромъ души и царитъ... И человѣкъ—самъ словно насѣкомое, иногда—даже раздавленное, но изъ глубины раздавленной посылающее гимнъ проклятья и восторга!... И во всемъ этомъ—ужасъ! Тотъ тихій, безсловесный ужасъ, что застилаетъ всѣ выходы непроглядною пеленою тупого безстрастья, тотъ ужасъ, что осуждаетъ человѣка на безсмертное созерцаніе паучьяго царства!... Недаромъ же у Свидригайлова даже сама вѣчность представляется въ видѣ бани съ пауками!... Отъ насѣкомаго видно никуда не уйдешь, никакая религія, ни логистика, ни философія не могутъ избавить человѣка отъ его власти! У Карамазовыхъ видно—сладострастье вѣчно!... Даже за гробомъ нельзя представить Ѳедора Павловича безъ женщины, для него, такъ же, какъ и для Розанова, смерти не существуетъ, смерть для нихъ, пожалуй, можетъ тоже Лизаветой Смердящею стать, до того они влюблены въ жизнь! Ѳедоръ Павловичъ въ этомъ отношеніи—самое крупное насѣкомое, самое жирное... До неприличія полюбилъ онъ женщину, что-то поистинѣ *страшное* есть въ этой припадочной, юродивой любви, и кажется, что этотъ паукъ—самое сильное изъ всѣхъ созданій... Въ самомъ дѣлѣ, можно любить жизнь, но въ мѣру, нужно же, въ самомъ дѣлѣ, и о смерти подумать! Ѳедоръ Павловичъ предоставляетъ всѣ философскія разсужденія Смердякову, какъ бы въ насмѣшку, какъ бы желая этимъ сказать, что это „передовое мясо" все можетъ безстрашно и безболѣзненно переварить, всякіе, внушающіе тревогу вопросы, а онъ-то самъ будетъ только посмѣиваться,

похихикивать, подзадоривать! А дѣла-то у него до этого мало, несмотря на то, что глупымъ его нельзя назвать! Онъ дожилъ до старости и ни разу не испыталъ никакихъ треволненій, ни разу не ужаснулся передъ смертью и передъ вѣчностью, ни разу не подумалъ о Богѣ, о смыслѣ жизни,—женщина заслонила все!... Если даже вѣчность—продолженіе паучьяго царства, то чего же тревожиться-то? Сладострастье и смерть—какое странное сопоставленіе!... Ѳедору Павловичу кажется, что въ женщинахъ-то и вѣчность, и все, что оправдываетъ жизнь. Каждая для него—предметъ пожеланія, какова бы она ни была, лишь-бы только женщина!... Здѣсь забота Достоевскаго о неоскудѣніи жизненныхъ соковъ достигаетъ наивысшей степени юродства, и странно слышать, какъ разглагольствуетъ объ этомъ патріархъ карамазовщины:

— „Дѣточки, поросяточки вы маленькіе, для меня... даже во всю мою жизнь не было безобразной женщины, вотъ мое правило! Можете вы это понять?... По моему правилу во всякой женщинѣ можно найти чрезвычайно, чортъ возьми, интересное, чего ни у которой другой не найдешь—только надобно умѣть находить, вотъ гдѣ штука! Это талантъ. Для меня мовешекъ не существовало: ужъ одно то, что она женщина, ужъ это одно половина всего... но гдѣ вамъ это понять?“ („Братья Карамазовы“).

Любопытно до крайности, что въ философской карамазовщинѣ, у ея представителя—Розанова, мы находимъ точно такія же слова, но только конечно,—здѣсь карамазовское насѣкомое проявляется куда курьезнѣе, чѣмъ у Ѳедора Павловича, хотя для Розанова это очень характерно.

„На вѣки-то, на нашъ „вѣчный бракъ“—и „за деньги“ на многихъ нельзя жениться; ну, а *временно* при свободѣ хоть на завтра развода—конечно уже не было такого урода изъ дѣвушекъ, которую „познать“ рѣшительно отказался бы всякій... Вотъ ужъ тамъ и „ленъ курящійся“ не загашивался, и „трость надломленная“ не переламывалась. Замѣтимъ, что великая есть доблесть, великое служеніе Богу (вотъ *гдѣ* настоящее „монашество“ какъ „жертва Богу“) заключается въ женитьбѣ на тѣхъ дѣвушкахъ, вдовахъ, вообще женскихъ существахъ, которыя „никому не понадобились“, „никому не нравятся“, некрасивенькихъ, слабенькихъ, невидненькихъ: но „тяжкихъ бременъ“ не надо возлагать, и, конечно можно надѣяться на охотную женитьбу на такихъ лишь при многоженствѣ, которое да будетъ благословенно *между прочимъ и за это*, что при многоженствѣ возможно брать некрасивыхъ, „космическихъ сиротъ“, космическое „убожество“, производя отъ него иногда красивѣйшія лозы: ибо „убогія“ съ лица своего, въ полѣ бываютъ часто геніальны, воспріимчивы, страстны, „похотливы“. („Люди луннаго свѣта“, стр. 16—17).

Всѣ эти люди *надорвали* свою плоть въ постоянномъ горѣніи, для нихъ только полъ былъ жизнью и только въ полѣ—цѣль... Надрывъ же безмѣрно углубляетъ душу, до такого состоянія доводитъ ее, что тутъ ужъ и сама инквизиторская пытка не поможетъ, нужно принять отчаянье какъ послѣдній источникъ утѣшенія... А съ отчаяньемъ трудно жить, невозможно жить... И бродишь въ туманахъ дней усталыхъ, дней посѣдѣвшихъ отъ горя, какъ душа твоя, робко стремишься въ подвалы, гдѣ сѣрыя, мокрыя, вонючія лѣстницы, гдѣ гнилое дыханіе родного без-

сильяг.. Гдѣ нибудь, въ черненькомъ трактирчикѣ скрипучій хохотъ тоски заливается въ органной аріи, кошмарныя, истомленныя маски людей какъ рваныя лохмотья, пьяный визгъ, пьяный плачъ, слабенькій развратникъ, а къ окнамъ, вспотѣвшимъ отъ людскихъ испареній—прильнуло и смотритъ выпивающимъ взглядомъ сумасшедшее, паучье лицо нудной Вѣчности!... И Версиловъ, и Свидригайловъ сюда стремятся, въ эти переулочки, въ эти подозрительные трактирчики, словно чуя душой, что здѣсь-то и сгущается чернымъ безуміемъ тоска ихъ, словно чуя, что въ этомъ-то сгущеніи, въ этомъ послѣднемъ надрывѣ всей жизни страданье преображается въ облегченность!... Но слабый крикъ замираетъ, но боль все сильнѣе, но жизнь все безцѣльнѣе... Ибо горе тому, кто, полюбивъ черное страданье свое, отречется отъ всякаго утѣшенія, отъ всякой Божіей милости, отъ всѣхъ путей Божіихъ... Въ этой жизни, гдѣ одно лекарство—Христосъ,—людямъ, отказавшимся отъ лѣченія, суждено безнадежно и безполезно погибнуть!... Въ этой жизни глубину души нужно заливать чѣмъ-нибудь, лишь бы забыться, лишь бы перевести духъ, и если кто не захочетъ крестъ нести и душу истомить страданьемъ, если понадѣется на себя, то развѣ въ концѣ концовъ это не покажется преступленіемъ? А въ паучьемъ царствѣ не видно ни зги, здѣсь душу запродали плоти и порокъ сдѣлали содержаніемъ бытія... Здѣсь бунтъ учинили и опьянились бунтомъ, но гдѣ-же выходъ, гдѣ окно, изъ котораго бы хлынулъ свѣжій воздухъ, ибо всѣ задыхаются, всѣ удушьемъ собственнымъ опьяняютъ себя?... Версиловъ вѣрилъ въ исходъ, но до тѣхъ поръ, пока цѣпи отъ женщины были ослаб-

лены; когда же рванула ихъ и позвала, и поманила - рабской стала душа, рабствомъ упилась, въ рабство увѣровала, ибо это рабство для него свято!... А Свидригайловъ тотъ обезумѣлъ отъ искушеній паучьяго царства и проклялъ надежду, какъ всѣ... Ставрогинъ же даже изъ отрицанія ничего не могъ выжать, кромѣ скуки... Иванъ Карамазовъ увѣровалъ въ чорта... Здѣсь эта вѣра какъ нельзя умѣстнѣе... Полъ,—женщина,—дьяволъ, это и колдуетъ здѣсь, и это же губитъ на вѣкъ!

Тихій ужасъ безумія, сонный лепетъ тоски, вмѣсто надежды—грустная гирлянда почернѣвшихъ розъ всѣхъ пороковъ... И усталость... И пресыщенье... И страхъ...

А въ послѣднемъ отчаяньи, въ послѣднемъ надрывѣ—тамъ, гдѣ хочется конецъ увидѣть и концомъ упиться—безобразная маска Лизаветы Смердящей, какъ безстыдно разложившійся трупъ на порогѣ вѣчности.

Угрюмая здѣсь любовь, любовь истомляющая, любовь—бездна тоски по безумію... Дьявольскими чарами опьяняетъ любовь человѣка, но нѣтъ надежды спастись... Лиза ждала отъ Ставрогина чуда, какъ можетъ быть, и Свидригайловъ—отъ Дуни... Но и здѣсь Достоевскому пришлось обезобразить чудо свое, въ любимую паучью страшную маску воплотить его... И не во имя того, чтобы застыла тоска, нѣтъ, можетъ быть,—во имя спасенія... Для тѣхъ, которые жаждутъ истины и ищутъ ее—для тѣхъ уготовано утѣшеніе привычное и неизбѣжное:—только Христосъ!.. Для карамазовцевъ, отрекшихся отъ добра и отъ зла во имя наслажденія,—безуміе изобрѣло тоже нѣчто вродѣ спасенія:—что-то сложное, уходящее въ

вѣчность путями муки, что-то измученное, уродливое и безсловесное, о чемъ грезятъ безнадежно больные въ темную ночь... Любовь?... Дьяволъ?... Голгоѳа страсти?... Неизвѣстно! Въ томъ-то и прелесть заключается этого утѣшенія, что оно—неизвѣстно... У безумія вѣдь свои пути—алогическіе, безсловесные, кошмарные, и вѣруютъ-то въ нихъ одни лишь умершіе для жизни, а отъ нихъ едва-ли добьешься толку... Однако, у Нитцше, у Эдгара По, у Бодлэра, у Врубеля они были, несомнѣнно были: даже изступленные, даже забывшіе землю, даже искалѣченные до смертельной усталости,—даже и тѣ (можетъ быть, по инерціи извѣчной, можетъ быть по традиціи?) тоже имѣютъ свою надежду, своего обезображеннаго, истомленнаго Христа!... Такова видно общая судьба!...

Одиночество—удѣлъ немногихъ, да и то смѣняется часто сумасшедшимъ домомъ, ибо отклика, ласки, великой любви жаждетъ душа и въ одиночествѣ, ибо нельзя исцѣлиться самому, такъ человѣкъ устроенъ, нужно, даже когда ненавидишь весь родъ человѣческій,—ждать исцѣленія отъ другого... Для вѣрующихъ исцѣленіе является во всякую минуту, здѣсь символъ спасаетъ; все, чего нельзя получить отъ людей и отъ міра, все, что невозможно, ибо его нѣтъ, они воплощаютъ въ символъ, и этимъ живутъ, и дышатъ, и наслаждаются... Одинъ символъ („пустой внутри“ — говоритъ разсудокъ, — „полный тайны и жизни“—говоритъ душа)—и жизнь спасена, и голодъ утоленъ, и веселая надежда скрашиваетъ жизнь, словно у человѣка, который положилъ въ банкъ капиталъ и этимъ себя обезпечилъ! Хитрость (безсознательная, или сознательная—не важно), но во

всякомъ случаѣ завидная... Въ подвалахъ же и въ паучьемъ царствѣ не знаютъ, что такое хитрость, имъ это недоступно... Но нужно не меньше, чѣмъ кому бы то ни было. Здѣсь вѣрятъ и надѣются, что безуміемъ станетъ вся жизнь, что безуміе дастъ откровенье... Здѣсь чуда ждутъ.

„*Мнѣ всегда казалось*—говоритъ Лиза Ставрогину—„*что вы заведете меня въ какое-нибудь мѣсто, гдѣ живетъ огромный злой паукъ въ человѣческій ростъ, и мы тамъ всю жизнь будемъ на него глядѣть и его бояться. Въ томъ и пройдетъ наша взаимная любовь*“ *) („Бѣсы“).

Каково чудо? Каково ожиданіе? Только содрогнутся многіе и, пожавъ плечами,—въ недоумѣніи мимо пройдутъ! А здѣсь, у нихъ это называется чудомъ!... Огромное страшилище, паучье лицо Медузы опрокинулось надъ карамазовскимъ царствомъ и кровь сосетъ, и наводитъ больные сны, и баюкаетъ скорбною пѣснью, и страхомъ жестокимъ колдуетъ! Всякая надежда отравлена жутью, свершаются превращенія, насѣкомыя—гладкія, огромныя, безобразныя—мучаютъ, изводятъ, мелкіе черти водятся всюду, ихъ видятъ не одни монахи у Зосимы, они грезятся и Лизѣ Хохлаковой, прыгаютъ, корчатся, чары наводятъ, душу терзаютъ, хохочутъ, влекутъ. „Будто я въ моей комнатѣ со свѣчкой, и вдругъ вездѣ черти, во всѣхъ углахъ, и подъ столомъ, и двери отворяютъ, а ихъ тамъ за дверями толпа и имъ хочется войти и меня схватить. И ужъ подходятъ, ужъ хватаютъ. А я вдругъ перекрещусь, и они всѣ назадъ, боятся, только не уходятъ совсѣмъ, а у

*) Курсивъ мой. *А. З.*

дверей стоятъ и по угламъ, ждутъ. И вдругъ мнѣ ужасно захочется вслухъ начать Бога бранить, вотъ и начну бранить, а они-то вдругъ опять толпой ко мнѣ, такъ и обрадуются, вотъ ужъ и хватаютъ меня опять, а я вдругъ опять перекрещусь—а они всѣ назадъ. Ужасно весело, духъ замираетъ“ („Братья Карамазовы“). У Свидригайлова такихъ явленій было хоть отбавляй, а однако участь его та же, что и Ставрогина: не выдержалъ на себѣ карамазовской тяжести, не выдержалъ больной и пустой тоски!... Пришлось уступить смерти... Воля Достоевскаго безпощадна: кто нагрѣшилъ, кто осмѣлился выйти изъ рамокъ, тотъ долженъ во что бы то ни стало покаяться, а не покается—смерть ему... Достоевскій все преступленье свое на Христа взвалилъ, зналъ, что Христосъ все приметъ. Такъ дѣлаютъ всѣ. Этимъ и спасся! Но Свидригайлову это не было дано (для этого вѣдь даръ особый требуется), ему и всѣмъ карамазовцамъ суждено было подъ защитой дьявола жить, но такъ какъ дьяволъ предоставляетъ человѣку свободу и одиночество и никакого обмана не можетъ дать,—трудно приходится увѣровавшимъ въ него!... Никакого утѣшенія придумать нельзя, а безъ утѣшенья прожить развѣ только идіотъ можетъ, особенно трудно тѣмъ безъ утѣшенья жить, которые еще во грѣхѣ пребываютъ, зло любятъ, порокъ любятъ!... Сильные, погибшіе душой въ развратѣ, какъ Ѳедоръ Павловичъ—тѣ выдержать могутъ, но остальные? Свидригайлову это состояніе очень вѣдомо было, недаромъ же у него вырвались такія любопытныя слова: „всѣхъ веселѣй тотъ и живетъ, кто всѣхъ лучше себя сумѣетъ надуть“!

Свидригайловъ внѣшней своей стороной—родной братъ Ставрогина. Тѣ же поступки, то же цинич-

ское презрѣніе къ міру, та же трагическая маска на лицѣ, излюбленная маска Достоевскаго... „Это было какое-то странное лицо, похожее какъ бы на маску: бѣлое, румяное, съ румяными алыми губами, съ свѣтло-бѣлокурою бородой и съ довольно еще густыми бѣлокурыми волосами. Глаза были какъ-то слишкомъ голубые, а взглядъ ихъ какъ-то слишкомъ тяжелъ и неподвиженъ. Что-то было ужасно непріятное въ этомъ красивомъ и чрезвычайно моложавомъ, судя по лѣтамъ, лицѣ"... Но въ то время, какъ для Ставрогина закрыты всѣ возможности и всѣ выходы, у Свидригайлова все-же возникаютъ просвѣты въ иные міры, и здѣсь выступаетъ другая сторона карамазовщины—мистическая. Этотъ зловѣщій мистицизмъ происходитъ несомнѣнно отъ полового надрыва, отъ излишней проникновенности къ корнямъ жизни, отъ безконечно длящагося бреда, бреда страсти, чадпаго бреда, изводящаго... Тихое очарованіе просвѣчиваетъ сквозь кошмарную усталость души, сквозь жестокость, сквозь отраву разврата, въ порокѣ и въ развратѣ застыла жизнь, расцвѣла огненнымъ цвѣтомъ, дальше идти некуда и нельзя, а жить хочется, какая-то „кошачья жажда жизни" (слова Достоевскаго) изводитъ душу, но вотъ уже выпиты всѣ соки жизни, все ея очарованіе, вся ея красота и наслажденіе, и въ глубинѣ—тошнота отъ прикосновенія къ зловѣщей твердости дна... Кто измѣрилъ глубину, тому остается испробовать новыхъ путей въ ширину, ширь развѣваетъ призраки, уводитъ въ безконечность, провѣтриваетъ до облегченности, до подозрительной облегченности,—Свидригайлову эта ширь не совсѣмъ улыбается, карамазовская глубь ближе, роднѣе... Чѣмъ глубже въ

подвалы, чѣмъ глубже въ грязь узенькихъ, черненькихъ переулочковъ,—тѣмъ онъ себя лучше чувствуетъ, въ глубинѣ души своей самъ себя распинаетъ, онъ вѣдь всего больше клоаки любитъ, „клоаки и именно съ грязнотцой!“... Здѣсь, можетъ-быть, въ какомъ-то юродивомъ униженіи самого себя, въ терзаніи ранъ души своей —таится больной восторгъ...

И Свидригайловъ—этотъ румяный, зловѣще румяный человѣкъ, тоже ухватился за болѣзнь, какъ за средство проникнуть изъ глубины куда-нибудь, все равно куда, лишь бы отдохнуть отъ карамазовскихъ ужасовъ, лишь бы отвести глаза наконецъ отъ паучьяго очарованія!... Какъ и Версиловъ,—онъ хватается за соломинку вѣры, изъ бездны стремится вверхъ, на безуміе, на болѣзнь свою возлагаетъ смутныя чаянія! Призраки любитъ, кошмары, видѣнія, въ немъ фантастика карамазовщины, въ немъ—утонченная сказка сладострастныхъ грезъ. „Привидѣнія—это, такъ сказать, клочки и отрывки другихъ міровъ, ихъ начало. Здоровому человѣку, разумѣется, ихъ незачѣмъ видѣть, потому что здоровый человѣкъ есть наиболѣе земной человѣкъ, а стало быть, долженъ жить одною здѣшнею жизнью, для полноты и для порядка. Ну, а чуть заболѣлъ, чуть нарушился земной порядокъ въ организмѣ, тотчасъ и начинаетъ сказываться возможность другого міра, и чѣмъ больше боленъ, тѣмъ и соприкосновеніе съ другимъ міромъ больше, такъ что, когда умретъ совсѣмъ человѣкъ, то прямо и перейдетъ въ другой міръ“...

Въ этихъ словахъ—искры надеждъ Достоевскаго на религіозное возрожденіе, это уже отголоски другого міра, лежащаго внѣ границъ карамазовщины,

но далекъ Свидригайловъ отъ того, чтобы придавать имъ особенное значеніе, его сущность—только въ страсти и въ паучьихъ очарованіяхъ, ему вѣдома тайна обмана, тайна, которую онъ не промѣняетъ ни на одну изъ человѣческихъ истинъ.

Власть дьявола разрушаетъ всѣ пути, власть дьявола закружитъ душу въ трагическомъ лабиринтѣ безысходности. Карамазовы хорошо знаютъ, что внѣ „переулочковъ и трактирчиковъ" лежитъ гибель, противорѣчащая ихъ выстраданной, „кошачьей" жаждѣ жить.

Карамазовское царство—царство обреченное на гибель. Здѣсь всюду—разложенье, впереди—никакихъ перспективъ.

Ибо ничто такъ не ужасаетъ и не обезсиливаетъ, какъ глубина плоти. Просто не привыкъ человѣкъ одной плотью жить, наслажденье не привыкъ освящать, любовь дѣлать таинствомъ.

Въ этомъ отношеніи Розановъ правъ: религію грусти возлюбили мы паче всего... Понадѣяться на плоть страшно, безуміе любви принять страшно... А гдѣ-же торжество личности, какъ не въ любви и въ полѣ? Вѣдь любовь это и есть анархія личности, сосредоточеніе себя на своемъ я, обоготвореніе себя!... Здѣсь-то и рождаются самые удивительные міры, здѣсь-то и жизнь становится особенно интересной, особенно многообразной, полной красоты, таинственнаго смысла! Но здѣсь-же, на трагедіи Карамазовыхъ, видно крушеніе попытокъ построить жизнь единственно на личности. Человѣческое „я"—самая опасная вещь въ мірѣ: кто погрузится въ эти нѣдра, кто закружится въ водоворотѣ глубины, тому уже суждено погибнуть, тутъ ужъ и спасенье потре-

буется, спасенье станетъ чѣмъ-то необходимымъ, и краха индивидуализма не избѣжать!... Это самая удивительная тайна изъ всѣхъ тайнъ человѣческихъ. Тогда трагедія надѣваетъ зловѣщую маску (Ставрогинъ, Свидригайловъ), тогда трагедія и безуміе одно (Иванъ Карамазовъ,) тогда носятъ вериги, вѣруютъ въ возрожденье духа, съ страшнымъ бунтомъ соединяя молитву (Версиловъ)...

Неизмѣрима глубина личности, но все это, по Достоевскому, одно преступленье, всего этого не вынести человѣку, нужно искать искупленья, нужно принять наказаніе...

Тотъ, кто не побоялся глубины—тотъ выдержитъ... Но развѣ есть такой? Развѣ не всѣ или стремятся обратно, на плоскую поверхность жизни, или, когда уже стремиться поздно, попадаютъ въ сумасшедшій домъ? Здѣсь—тайна, вѣдомая тѣмъ лишь, которые приняли на себя обѣтъ вѣчнаго молчанія.

Если кто не побоится безумія—тому здѣсь рай, но какъ поступить тѣмъ, что и въ безуміи хотятъ найти утѣшенье? Въ этомъ отношеніи судьба Ивана Карамазова очень интересна: онъ всю силу безумія и всю силу зла и всю полезность всего этого хорошо уразумѣлъ, но его ужаснула судьба всего міра, его ужаснула вѣчность тоски.

Ищущимъ это состояніе хорошо вѣдомо... Всѣ ищущіе жаждутъ истину найти, но когда между ними и между истиной вдругъ возникаетъ бездна,—они чувствуютъ что-то ужасающее, и навсегда отказываются искать!.. Съ Иваномъ Карамазовымъ случилось то же,—Достоевскій ловко успѣлъ въ эту минуту перебросить мостикъ между Карамазовщиной и религіей,—

но Ивану Өедоровичу стало не по себѣ. Какъ и Ставрогинъ,—онъ чувствуетъ въ душѣ своей убійственную пустоту. Да и не удивительно: онъ понялъ, что такое тотъ пресловутый круговоротъ вѣчности, который Нитцше приводилъ въ умиленіе, а Карамазова да и всѣхъ, кто пойметъ,—только ужаснулъ своей безцѣльностью:

„Теперешняя земля, можетъ, сама-то билліонъ разъ повторялась; ну, отживала, леденѣла, трескалась, разсыпалась, разлагалась на составныя начала, опять вода яже бѣ надъ твердію, потомъ опять комета, опять солнце, опять изъ солнца земля,—вѣдь это развитіе, можетъ, уже безконечно разъ повторяется, и все въ одномъ и томъ же видѣ, до черточки. Скучища неприличнѣйшая... („Братья Карамазовы“).

Если такова окончательная цѣль всякаго исканія, всей жизни и всѣхъ стремленій, то кто можетъ не позавидовать Карамазовымъ и ихъ апоѳеозу наслажденья? Кто не пойметъ очарованья минуты, кто сможетъ устоять передъ дьявольскими искушеньями? Ибо, въ концѣ-концовъ—важно одно: лишь бы забыться;—хоть хитростью, хоть обманомъ,—но только забыться, прихлопнуть разсудокъ, въ забвеньи своемъ уничтожить мысль о томъ, что ни цѣли, ни истины нѣтъ и не можетъ быть...

Важно одно: спасенье придумать, всѣ свои силы употребить на изобрѣтеніе спасенья... Ибо поистинѣ *„всѣхъ веселѣй тотъ и живетъ, кто всѣхъ лучше себя сумѣетъ надуть!“*.

1910—1912 г.

Того-же автора:

ПОДПОЛЬЕ. Психологическія параллели. Книга I. Достоевскій, Леонидъ Андреевъ, Ѳ. Сологубъ, Л. Шестовъ, Алексѣй Ремизовъ, Мих. Пантюховъ. Изданіе журнала „Искусство и печатное дѣло“. 1911. Цѣна 1 рубль.

СВЕРХЧЕЛОВѢКЪ НАДЪ БЕЗДНОЙ. Религія подвига (Левъ Толстой). Мистика жизни и смерти (Ж. Роденбахъ и Б. Зайцевъ). Психологія самоубійства. 1911. Цѣна 1 рубль.

Готовятся къ печати:

РЕЛИГІЯ. Психол. парал. книга третья. Достоевскій, Н. А. Бердяевъ, С. Н. Булгаковъ, Андрей Бѣлый, Александръ Блокъ, З. Н. Гиппіусъ, Александръ Добролюбовъ, Вячеславъ Ивановъ, Д. С. Мережковскій, Еп. Михаилъ, Н. Минскій, Иванъ Новиковъ, Гр. Петровъ, В. Свенцицкій, Д. В. Философовъ.

ВЕРТЕРЪ и ДОНЪ-ЖУАНЪ. (Философія любви).

ГОГОЛЬ и ЧЕХОВЪ.

Цѣна 1 рубль.

Главный складъ изданій въ магазинѣ ЛЕОНА ИДЗИКОВСКАГО.
(Кіевъ, Крещатикъ, № 29).